УДК 1(06)+13(06)
ББК 87я431+87.53я431

Рекомендовано к депонированию
Советом факультета философии и социальных наук
от 28 ноября 2013 г., протокол № 2.

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор П.В. Кикель
доктор социологических наук, профессор Д.К. Безнюк

Редакционная коллегия:
доктор философских наук, зав. кафедрой философии и методологии науки ФФСН БГУ, профессор *А.И. Зеленков*
кандидат философских наук, зав. кафедрой философии культуры ФФСН БГУ, доцент *А.А. Легчилин*
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ, доцент *В.Т. Новиков*

Ответственный за выпуск: кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии и
методологии науки ФФСН БГУ *И.А. Барсук*

Стилистические особенности статей сохранены в авторской редакции.

Философия и ценности современной культуры: материалы Международной научной конференции, Минск, 10–11 октября 2013 г. / А.И. Зеленков [и др.] ; редкол.: А. И. Зеленков, А. А. Легчилин, В. Т. Новиков ; М-во образования, БГУ, ГНУ «Ин-т философии НАН Беларуси». – Электрон. текстовые данные. – Минск : БГУ, 2014. – 783 с. – Библиогр. в конце ст. – Деп. в БГУ 08.01.2014, № 000208012014.

Сборник включает материалы докладов и выступлений участников Международной научной конференции «Философия и ценности современной культуры». В издании представлены результаты исследований философов, социологов, экономистов, историков, культурологов, правоведов и политологов по актуальным проблемам социально-гуманитарных наук.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам учебных заведений, а также всем, кто интересуется философским осмыслением ценностей современной культуры.

Предисловие

ФИЛОСОФИЯ И ПРИОРИТЕТЫ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Философия и ценности современной культуры», которая была проведена факультетом философии и социальных наук БГУ совместно с Институтом философии НАН Беларуси.

Конференция позволила прояснить ряд актуальных проблем, связанных с пониманием роли и функции философии в современной культуре, образовании, духовном развитии общества.

Сегодня много говорят и пишут о необходимости ценностной революции в сознании человека. Наука, техника, цивилизация на первый взгляд гарантируют ему все возрастающую степень комфортного бытия в системе природной и социальной реальности. На самом деле неуемный потребительский дух такого типа бытия неотвратимо трансформирует жизнь человека в перспективу ожесточенной и все более проблемной борьбы за выживание. Существование, за пределами которого оказываются смысл и фундаментальные ценности культуры, философия всегда была и остается духовным средоточием и подлинной формой воплощения этих ценностей. Вот почему ее сохранение в культуре и образовании – важнейшее условие реальных перспектив преодоления эпохи глобальной нестабильности, кризиса духа и сознания человека.

Парадоксы глобализирующегося мира ставят нетривиальные задачи перед многими странами и регионами, которые ищут свои самобытные пути решения актуальных задач модернизации в сфере экономики, политики, социальной жизни. Не является исключением в этом отношении и Республика Беларусь. Сегодня уже многие понимают, что успешное проведение реформ на постсоветском пространстве, в том числе и в Беларуси, возможно лишь при условии единства и консолидации всех здоровых сил общества, а также эффективного использования имеющегося в республике научно-интеллектуального потенциала. И в данном случае роль Белорусского государственного университета как признанного образовательного, научного и социокультурного центра должна быть подобающей его статусу и авторитету. Поэтому глубоко симптоматично, что данная конференция, посвященная столь актуальной теме, проходит именно в БГУ, и, в частности, на базе факультета философии и социальных наук, который не только имеет серьезные исследовательские традиции, но

и обладает необходимыми возможностями интегрировать усилия философов, социологов, экономистов, психологов для поиска оптимальных и перспективных решений комплексных и актуальных проблем современной социодинамики. Результаты конференции призваны способствовать осмыслению дискуссионных аспектов статуса философии в современной культуре.

В соответствии с программой была организована работа трех форумов, на заседаниях которых были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения участников конференции, среди которых преподаватели, аспиранты и магистранты высших, средних специальных и общеобразовательных учебных заведений, научные работники, работники учреждений культуры.

Материалы, представленные в данном сборнике, и сама конференция посвящены состоявшемуся XXIII Всемирному философскому конгрессу (Афины, 2013), в числе делегатов которого были непосредственные участники конференции.

Сборник «Философия и ценности современной культуры» включает свыше 250 тезисов докладов и выступлений, в том числе, из Беларуси – свыше 150, от иностранных участников (России, Украины, Казахстана, Молдовы, Польши и Словакии) – более 100.

В издании представлены результаты исследований философов, социологов, экономистов, историков, культурологов, правоведов и политологов по актуальным проблемам социально-гуманитарных наук.

Знакомство с материалами конференции будет полезно научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам учебных заведений, а также всем, кто интересуется философским осмыслением ценностей современной культуры.

Проректор БГУ,
доктор экономических наук, профессор
А.В. Данильченко

ФОРУМ 2
Становление информационного общества, его ценности и приоритеты 237
ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
Т.Т. Аймухабетов, г. Алматы, Казахстан 237
ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ КУРСЕ ФИЛОСОФИИ
А.Л. Айзенштадт, г. Гомель, Беларусь 240
ТЕАТР КАК ЖИЗНЕННАЯ ОСНОВА ЛИЧНОСТИ
Е.А. Акифьева, г. Санкт–Петербург, Россия 243

«ИНЕТ» КАК ИДЕАЛЬНОЕ СРЕДСТВО РАЗРУШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
Е.Л. Антонова, г.Белгород, Россия 246
СМЕРТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ
А.Д. Балика, З.С. Балика, г. Нижний Новгород, Россия..... 248
ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАТНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
А.А. Бекиш, г. Минск, Беларусь 252
ИРОНИЯ МОРАЛИ
Е.В. Беляева, г. Минск, Беларусь..... 254
ЦЕННОСТИ МАЛЕНЬКИХ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ДЕТСКОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА
О.А. Борисевич, г. Минск, Беларусь 257
ИЛЛЮЗИЯ ОБРЕТЕНИЯ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ
И.Б. Братникова, г. Ростов-на-Дону, Россия 261
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТА
В.Н. Варич, г. Брест, Беларусь 264
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЛОКАЛИЗАЦИИ В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ
Л.О. Ворошухо, г. Минск, Беларусь..... 267
КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА
Е.Ф. Гонгало, г. Минск, Беларусь..... 270
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И САМОПОЗНАНИЕ
Г.Ж. Джуманова, г. Алматы, Казахстан..... 273
СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ
А.С. Дударёнок, г. Минск, Беларусь 276
АЛЬТРУИЗМ И НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СУЩНОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РАБОТЕ ПРАКТИКУЮЩЕГО ПСИХОЛОГА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НА МЕСТАХ КАТАСТРОФ)
Е.Ю. Ермакова, г.Марьина Горка, Беларусь..... 279
КАШТОЎНАСЦЬ ЯК ВЫЗНАЧАЛЬНЫ АБ’ЕКТ ДУХОЎНАЙ КУЛЬТУРЫ
У. А. Жылко, г. Мінск, Беларусь 282
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ
С.В. Иглидан, г. Одесса, Украина..... 285

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ
Л.Г. Интымакова, г. Таганрог, Россия 288
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И МЕХАНИЗМОВ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ
Л.Г. Интымакова, Н.П. Чередникова, г. Таганрог, Россия 291
АНАЛИЗ ФОРМ БЫТОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР
Л.Г. Интымакова, Е.Е. Дудникова, г. Таганрог, Россия 294
ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
В.Ф. Калуга, г. Киев, Украина 297
ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ
И.И. Капалыгина, г. Гродно, Беларусь 300
ЦЕННОСТНАЯ СФЕРА ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ
И.И. Кауненко, г. Комрат, Молдова 303
ОСМЫСЛЕНИЕ ДИАЛОГА КАК ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА
И.М. Клецкова, г. Минск, Беларусь 307
СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СНГ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ
В.А. Клименко, г. Минск, Беларусь 309
РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА – ОСНОВА ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА
Т.Ф. Ковалева, г. Брест, Беларусь 313
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ
Д.В. Ковалёнок, г. Минск, Беларусь 316
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
З.М. Кодар, г. Алматы, Казахстан 319
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ
Т.П. Короткая, г. Минск, Беларусь 322
HOMO MORALIS ЯК ПРОДУКТ ЕВОЛЮЦІЇ: СУЧАСНІ ТЕНДЕНЦІЇ ПОЯСНЕННЯ МОРАЛЬНОЇ ПОВЕДІНКИ
О.П. Котовська, г. Львов, Украина 325
ЦЕННОСТИ МЕТРОПОЛИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ
Е.Г. Кривых, г. Москва, Россия 328

ФЕНОМЕН НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ: ГЕНЕЗИС В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА
Е.А. Круподеря, г. Минск, Беларусь 331
КУЛЬТУРА МЕГАПОЛИСА: СОСТОЯНИЕ И ПРИОРИТЕТЫ
В.Н. Ксенофонтов, г. Москва, Россия 334
МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ
Т.В. Кузьменко, г. Минск, Беларусь 338
ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ И САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ
А.И. Левко, г. Минск, Беларусь 341
СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
А.И. Лойко, г. Минск, Беларусь 345
ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
Л.Е. Лойко, г. Минск, Беларусь 348
ВРЕМЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ
Л.И. Мазур, г. Львов, Украина 350
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
Н.В. Малая, И.И. Петухов, г. Минск, Беларусь 353
БЕЛОРУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН: К ТЕОРИИ ВОПРОСА
Т.Г. Мдивани, г. Минск, Беларусь 355
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОГЕННЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ
Н.И.Мушинский, г. Минск, Беларусь 360
СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ФОТОГРАФА
М.С. Назаренко, г. Киев, Украина 363
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
А.Т. Павлова, г. Минск, Беларусь 364
ЦЕННОСТНЫЕ ПОТЕНЦИИ АКМЕОЛОГИИ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОИСКАХ
Е.В. Паламарчук, г. Киев, Украина 368
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА МАТЕРИАЛЕ АТО ГАГАУЗ ЕРИ
А.К.Папцова, г. Комрат, Молдова 370
ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ АТО ГАГАУЗ ЕРИ

С.К. Захария, А.К. Папцова, г. Комрат, Молдова 374
ЦЕННОСТИ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
Ю.М. Пасовец, г. Курск, Россия 377
ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
П.А. Пиловец, г. Минск, Беларусь 380
РАБОТА С ОБРАЗАМИ В КОНТЕКСТЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
Н.Д. Пискун, г. Минск, Беларусь 383
ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА
Н.В. Полищук, г. Ровно, Украина 387
СТАНОВЛЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ
Е.С. Полякова, г. Минск, Беларусь 390
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
Р.В. Попова, г. Горки, Беларусь 393
ДИНАМИКА СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
Д.Е. Прокудин, г. Санкт-Петербург, Россия 395
УВАЖЕНИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ
Т.В. Прохорова, г. Барановичи, Беларусь 398
ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ И СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК ПРИОРИТЕТ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
М.Ф. Пухальская, г. Минск, Беларусь 401
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК»
А.С. Ракович, г. Минск, Беларусь 403
АКСИОЛОГИЯ И НЕОАКСИОЛОГИЯ
В.А. Салеев, г. Минск, Беларусь 407
ЦЕННОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ БЕНЕДЕТТО КРОЧЕ
М.В. Салеева, г. Минск, Беларусь 409
МОЛЧАНИЕ О МОРАЛИ
А.С. Свирид, г. Минск, Беларусь 413

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕДИА В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. МАКЛЮЭНА
Е.Н. Семеняко, г. Минск, Беларусь 415
СИМУЛЯКР КАК БЫТИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА
Е.В. Скалацкая, г. Одесса, Украина 418
МАРКСИСТСКИЙ КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
М.А. Скворцов, г. Москва, Россия 421
ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
В.И. Снесарь, г. Санкт-Петербург, Россия 423
ПРЕЕМСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ВЫРАЗИТЕЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ ИСКУССТВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ («ГИПЕРРЕАЛИЗМ БЕЗ БЕРЕГОВ»)
Н.И. СТЕПАНЦОВА, г. Минск, Беларусь 425
ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА МОДЕРНА НАЧАЛА XXI ВЕКА В КОНТЕКСТЕ КРИТИКИ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX–XX ВВ.
А.П. Соловьев, г. Уфа, Россия 428
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Д.Н. Суховская, г. Пятигорск, Россия 431
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ
И.И. Таркан, г. Минск, Беларусь 434
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
Н.М. Твердынин, г. Москва, Россия 436
ПРИМЕНЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
А.А.Титовец, г. Минск, Беларусь 439
ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: РОССИЙСКИЙ ДИСКУРС
О.С. Тютина, г. Нижний Новгород, Россия 442
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ “ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗУКОРЕНЕННОСТИ”
В.А. Уткевич, г. Витебск, Беларусь 445
РОЛЬ МЕТОДА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРИАНГУЛЯЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
О.И. Уткевич, г. Витебск, Беларусь 448

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В.Н. Ухванов, г. Минск, Беларусь 451
ДРУЖБА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
О.Н. Фаблинова, г. Минск, Беларусь 454
АТТРАКТОРЫ И СУПЕРАТТРАКТОРЫ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Е.А. Цымбалюк, г. Минск, Беларусь 457
ФАКТОР «ДОСУГА» В ИЕРЕРХИИ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУССКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
И.А. Шебанова, г. Брест, Беларусь 461
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
Н.Е. Шилина, г. Одесса, Украина 464
ЗНАЧЕНИЕ «СЕРДЦА» В РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
В.В. Шлепин, г. Ярославль, Россия 467
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НОВОМУ КАЧЕСТВУ ОБРАЗОВАНИЯ
Р.Н. Шматков, г. Новосибирск, Россия 471
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ
Л.А. Чеблакова, г. Минск, Беларусь 474
ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Н.Ю. Чугаева, г. Киев, Украина 476
АНТИЦЕННОСТНАЯ ПРИРОДА МОРАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ
Н.К. Эйнгорн, г. Екатеринбург, Россия 479
МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ КУЛЬТУРЫ КАК ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКЦИИ
Е.И. Янчук, г. Минск, Беларусь 482

ФОРУМ 2
Становление информационного общества, его ценности и приоритеты

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Т.Т. Аймухабетов, г. Алматы, Казахстан

Массовая коммуникация играет в развитии современного общества огромную роль. Анализируя в своей работе данную проблему, автор обратился к работам канадского исследователя Г.М. Маклюэна, утверждавшего, что западная цивилизация достигла в XX веке водораздела, имеющего не меньшее значение, чем эпоха Ренессанса, обусловленного появлением новых технических средств массовой информации и коммуникации. В рамках данной концепции автор предполагает расширение понятия коммуникация до одной из основополагающих форм социального взаимодействия. Средства коммуникации (медиатехнологии), о которых размышляет Г. Маклюэн это не только СМИ, но их объединяет то, что это «технологии», или «посредники», введение которых вносит существенные изменения в коммуникацию человека с окружающим миром (как природным, так и социальным) и реорганизует его способ мировосприятия и образ жизни. Человек в «глобальном объятии» продолживших его центральную нервную систему электронных медиа технологий начал плавное вхождение в постгутенберговую эру. Но по мысли Г. Маклюэна, есть и негативное влияние медиа технологий, и особенно электронных СМИ, поскольку с их помощью, общество возвращается в первобытное состояние, в котором у человека возрождается естественное слухо-визуальное многомерное восприятие мира и коллективность [1, с. 318].

Формируется единая интегрированная информационная система на основе технологической конвергенции. Миллионы персональных компьютеров, печатные и электронные СМИ, виртуальная экономика, виртуальная финансовая структура и многое другое в совокупности складывается в единые национальные информационные системы, существующие и активно разрабатываемые в разных странах мира. Расхожее определение СМИ в качестве «четвертой власти» приобретает новый смысл в изменившемся пространстве современной культуры. Именно роль СМИ в формировании идентичностей постиндустриального мира, делает вопрос о социальной ответственности СМИ не академической

проблемой, а насущной практической необходимостью, требующей целенаправленного воздействия.

О возрастающей роли СМИ, а в настоящее время информационно-коммуникационных технологий философы и социологи начали рассуждать еще в середине прошлого века. Большой вклад в эти исследования внесла, к примеру, Анненбергская школа, возглавляемая в 1959 г. Дж. Гербнером. Анализируя роль средств массовой коммуникации, представители данного научного направления выделили две важнейшие и взаимосвязанные друг с другом функции – социальная интеграция и социализация СМИ. Новый этап в развитии теорий массовой коммуникации связан с осознанием того, что представления, согласно которым влияние средств массовой коммуникации определяется их прямым воздействием на аудиторию. На этом этапе была выдвинута теория селективной экспозиции, которая утверждала, что аудиторию нельзя представлять некую массу, некритически воспринимающую информацию. В рамках данной исследовательской парадигмы Лазерсфельдом П., Берельсоном Б. и Годэ Г. было установлено наличие двухступенчатого потока информации и была выдвинута нашедшая эмпирическое подтверждение гипотеза о том, что сообщение послание аудитории достигает сначала «лидера мнения» внутри группы, а потом уже через него других членов группы.

Ситуация стала складывается таким образом, что средства массовой информации фактически перестают отражать действительность, а сами творят образы и симулякры, которые, собственно, и определяют реальность нашей культуры, или, пользуясь терминологией Бодрийяра, гиперреальность, в которой происходит симуляция коммуникаций, и которая оказывается более реальной, чем сама реальность. Провозглашенное Бодрийяром «исчезновение реальности» в постмодерную эпоху может быть проиллюстрировано на примере механизмов освещения современных политических событий.. Отражение в СМИ, даже таких событий как военные конфликты, не говоря уже о выборах и иных легитимных формах политического влияния, приняло такие формы, что практически стало невозможным реконструировать реально происходящие действия. Война, пропущенная сквозь фильтры индустрии масс-медиа превратилась в тотальную симуляцию, нечто подобное софистическому спору, виртуальному фехтованию, в котором участники вовсе не озабочены достижением истины (ввиду ее отсутствия), а также не стремятся убедить друг друга в чем-либо, ибо понимают, что это невозможно. Цель здесь состоит в том, чтобы любыми путями создать видимость достижения поставленных задач, или, точнее, заявленных задач, затем с помощью медийных техник создать видимость убеждения наблюдателей, так называемой «общественности». По такой логике,

победы и потери обретают онтологический статус лишь после того, как они «отражены» в СМИ, и, в тоже время, факт освещения события сам по себе конституирует событие, независимо от того, имело ли оно или не имело места на самом деле. Есть информация – и малейшая дипломатическая некорректность лидера какой-нибудь страны становится предметом всеобщего обсуждения. Нет информации - и из поля зрения исчезает целый континент, лишний раз подтверждая бодрийяровский тезис об утрате реальности в постмодерном обществе [2].

Однако обратим внимание еще на некоторые «обыденные» феномены симуляции действительности, генерированные гибридом властных и масс-медийных технологий. Ситуация с рейтингами выводит нас на проблему ориентации реципиента СМИ в океане фактов информационной цивилизации. Иерархия ценностей здесь выстраивается в зависимости от порядка новостей и величины газетных заголовков. Одному событию можно придать «тяжеловесность», наделив его статусом headline news, другое – отправить на периферию, и тем самым нивелировать его значение до минимума, про третье можно забыть вообще, и оно автоматически исчезнет из информационного универсума, а вслед за этим и вообще перестанет существовать. Нет информации – нет и факта; нет факта – нет и проблемы. Таковы аргументы мира масс-медий, в котором, события рождаются и умирают одновременно с их изображением на экранах телевизоров. И, конечно, апофеоз мистификации реальности мы наблюдаем в предвыборных технологиях. Хотя мы и понимаем, что погружены в искусственный мир – мир симулякров, существование которого возможно прекратить – для этого нужно всего лишь уйти из него; тем не менее, мы продолжаем верить в реальность виртуальных событий, и быть может в этом противоречии состоит специфика их «шизоидного» воздействия.

В контексте данных теорий все более актуальной становится проблема формирования медиа грамотности как обязательного компонента социализации современной молодежи. Каждый современный человек, живущий в глобальном информационном пространстве современности, должен быть готов к умению ориентироваться в нем, находить необходимую информацию, способен к полноценному восприятию, оценке медиа текстов, пониманию социокультурного и политического контекста функционирования медиа в современном мире, кодовых и репрезентативных систем, используемых медиа, то есть быть медиа компетентным [3, с. 280].

Основной задачей медиа образования является подготовка нового поколения к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладевать способами

общения на основе невербальных форм коммуникации и с помощью технических средств и современных информационных технологий [4].

Медиа образование как специальное направление в педагогической науке, выступающее за изучение школьниками и студентами закономерностей средств массовой коммуникации, призвано помочь учащимся и студентам адаптироваться в мире медиа и произведениях медиа культуры, освоить язык средств массовой информации, анализировать произведения медийной культуры и т.п.

На протяжении определенного времени государственная информационная политика охватывала, главным образом, проблемы, связанные с деятельностью средств массовой информации. В последние 2-3 года содержание понятия «Государственная информационная политика» существенно и в него, в соответствии с международными стандартами и принципами попали отдельные элементы защиты прав граждан и организаций на общедоступную информацию, гарантированных Конституцией страны, а также некоторые аспекты информационной безопасности. В рамках государственной информационной политики должны быть заложены основы для решения таких крупных задач, как формирование единого информационного пространства Казахстана и ее вхождение в мировое информационное пространство.

Литература:

1. Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Изд-во «Академический проект», 2005.

2. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Изд-во «Рудомино», 2001.

3. Лифанова, Т.Ю. Теоретико-методологическое введение к концепции медиа образования / Т.Ю. Лифанова, А.В. Веревкин // Инновационное развитие и востребованность науки в современном Казахстане: материалы международной научной конференции. – Алматы, 2011.

4. Педагогический энциклопедический словарь; гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая российская энциклопедия, 2003.

ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ КУРСЕ ФИЛОСОФИИ

А.Л. Айзенштадт, г. Гомель, Беларусь

Проблема жизни и смерти – одна из центральных в философии. Между тем, студенты, возможно в силу своей молодости, мало задумываются над ключевыми вопросами человеческого бытия, а ведь без их осмысления невозможно мировоззренческое самоопределение взаимоотношениях со смертью помогает курс философии.

Еще в древнеиндийской философии возникло представление о сансаре, которая понималась как цепь переходов души из одной телесной оболочки в другую, круговорот рождений и смертей, в котором душа мучается, не в силах достичь блаженства, слияния с Абсолютом.

Философы Древней Греции тоже верили в переселение души, т.н. метемпсихоз. Так, например, Платон считал, что души бессмертны, живут на звездах и время от времени вселяются в то или иное человеческое тело. Когда душа обретает тело, человек рождается, когда покидает – умирает. Человек – это создание, чья душа принадлежит миру идей, а тело – материальному миру. С одной стороны, жизнь и смерть являются противоположностями, это бытие и небытие (словами Парменида), с другой стороны, они являются продолжением друг друга.

Со временем проблема жизни и смерти смещается в античной философии из области онтологической в нравственную. Особенно ярко это проявляется в эпоху эллинизма, когда философия пыталась помочь человеку выжить (или достойно умереть) в эпоху бурных социальных потрясений. Так, Эпикур утверждал, что не надо бояться смерти: пока мы есть, смерти нет, а когда смерть есть – нас нет. Нет никакой вечной жизни, все в этом мире имеет начало и конец. Вера в бессмертие мешает людям разумно и радостно прожить отпущенный им срок. А когда придет смерть, надо без сожалений встать из-за стола жизни, уступив свое место другим.

Много внимания уделяли проблемам жизни и смерти стоики. Именно тогда появился призыв « Memento mori» («Помни о смерти»). Помнить о смерти необходимо, чтобы больше ценить жизнь. В то же время, жизнь рассматривалась как приготовление к смерти. По мнению Сенеки, нельзя спорить с природой, нельзя спорить с судьбой. Смерть делает всех людей равными и является критерием прожитой жизни. Эпиктет провозглашал: «Выдерживай и воздерживайся». Можно отнять у человека жизнь, но его мысли и волю никто не в состоянии подавить. Марк Аврелий призывал провести свою жизнь в согласии с природой, а затем расстаться с ней так же легко, как падает созревшая олива, славословя природу, ее породившую и с благодарностью к произведшему ее дереву.

Средневековая философия рассматривала жизнь и смерть в духе христианской традиции. В работе «О двух градах» Св. Августин утверждал, что царство земное создано любовью человека к себе, дошедшей до забвения бога, и называл этот град «великой разбойничьей организацией». Истинным является только царство небесное, созданное любовью человека к богу, вплоть до забвения самого себя. Поэтому земная жизнь – это только подготовка к жизни вечной, небесной. Смерть понималась в христианской философии как разделение души и тела и как откровение духовного мира. Смерть это не окончательная стадия бытия, это переход к высшему смыслу, соединению с богом.

В эпоху Возрождения одной из черт мировоззрения становится гедонизм – наслаждение земной жизнью, радостное восприятие бытия. Именно деятельность человека, считал Пико делла Мирандола, делает его смертным и/или бессмертным. В то же время, М. Монтень в своих «Опытах» утверждал, что рассуждать о смерти значит рассуждать о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого принуждения и подчинения. Нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь не зло.

В Новое время философия больше интересовалась онтологическим и гносеологическими проблемами, чем вопросами антропологии. Человек рассматривался как сугубо родовое существо. По мнению Б. Спинозы, свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни. Чуть позже прагматизм видел в смерти поражение человека, болезненное напоминание об ограниченности нашей власти над природой.

Значительно большее внимание уделяла вопросам жизни и смерти неклассическая философия. С точки зрения А. Шопенгауэра, жизнь лишена всякого смысла, потому что она заканчивается смертью. Жизнь – не подарок судьбы, а большое несчастье, ибо она полна страданий. Что бы человек не предпринимал, он все равно обречен на поражение. Поэтому надо подавить в себе волю к жизни, перестать быть ее рабом, отказаться от погони за удовольствиями, от непомерных желаний, стать аскетом, которому ничего от жизни не надо. А на смерть надо смотреть как на главную цель жизни. Ожидание смерти, ее предчувствие, ее возвращение – вот на что способен разумный человек в отличие от животного.

С. Кьеркегор, в свою очередь, выделял три формы человеческого существования. Пребывая в эстетической форме существования, человек живет минутой, порхает как бабочка, предается удовольствиям. Однако наступает момент, когда он задумывается о смерти, испытывает страх и отчаяние. Это приводит его к этической форме существования. Человек начинает вести себя нравственно, поступать в соответствии с долгом, общественными канонами. Но этого мало. У человека есть долг перед самим собой, который состоит в том, чтобы обрести себя. А обрести себя можно только в вере – в религиозной форме существования. Вера – альтернатива отчаянию. Жизнь, полная страданий, обретает смысл и оправдание как путь к спасению. Страх смерти уступает место ее ожиданию как мосту в вечное блаженство. Отсюда – внешне парадоксальный вывод: «Смерть есть всеобщее счастье всех людей».

Тема жизни и смерти волновала и русских философов. Н. Федоров предложил целую оригинальную неохристианскую систему – космизм, подчиненную идее «патрофикации» (воскрешение предков – «отцов»), которая подразумевала воссоздание всех живых поколений, их

преображение и возвращение к богу. А С. Франк полагал, что смерть в ее явно-видимом значении есть самый выразительный показатель внутреннего надлома бытия, его несовершенства и потому его трагизма; но одновременно смерть по своему внутреннему смыслу есть потрясающее таинство перехода из сферы дисгармонии, из сферы тревог и томления в сферу вечной жизни.

Мотивы танатологии (учения о смерти) сильны в экзистенциализме. По мнению М. Хайдеггера, обыденное существование человека является неподлинным, безличным, бездуховным, наполненным пустой болтовней и суетой будничных дел. Но рано или поздно человеку приходится задуматься о смерти, и он начинает испытывать метафизический ужас: он на краю пропасти, за которой ничто. Он не по своей воле вброшен в этот мир и не по своей воле уйдет из него. Смерть – это «невозможность дальнейшей возможности», а жизнь – это «бытие к смерти». Но это ощущение своей смертности делает существование человека подлинным. Он понимает кратковременность и неповторимость своего бытия, начинает ценить жизнь, пытается реализовать себя.

А. Камю, в свою очередь, считает человеческое существование абсурдным. Абсурд в разладе между порывом человека к вечному и конечным характером его существования, между усилиями, беспокойством человека и бессмысленностью всех его усилий. Поэтому центральным вопросом философии становится вопрос о самоубийстве: стоит ли жизнь того, что бы ее прожить? Ответ заключается в том, что даже в ситуации абсурда жизнь является ценностью, равной которой у человека нет. «Человек смертен? Возможно. Но давайте умирать сопротивляясь».

В современном обществе можно обнаружить две тенденции в отношении к проблемам жизни и смерти. С одной стороны, все явственнее ощущается явление, названное Э. Фроммом некрофилией: болезненное пристрастие к ужасам, катастрофам, смертям, убийствам, трупам. С другой стороны, пропагандируется брутально-витальное отношение к жизни, утверждается представление о вечной молодости, красоте и здоровье каждого человека. Эти тенденции, навязываемые массовой культурой, несовместимы с гуманистическими интерпретациями жизни и смерти, с которыми молодые люди могут познакомиться в курсе философии.

ТЕАТР КАК ЖИЗНЕННАЯ ОСНОВА ЛИЧНОСТИ

Е.А. Акифьева, г. Санкт–Петербург, Россия

К вопросу о социально-психологических аспектах бытия человека возможно подойти с физиологической стороны индивида – по крайней мере, одной из версии. «Взгляд на театр как метаструктуру, пограничную между искусством и жизнью, имеет экзистенциальный смысл» [1,с. 16].

В начале XX века – один из режиссеров-новаторов, драматургов, сценографов театрального Петербурга - Николай Евреинов, чья деятельность потрясала столицу ни один сезон – посвящает себя теоретической деятельности, и из–под его пера выкристаллизовывается весьма интересная концепция.

Осенью 1914 года Евреинов прервал свою кипучую режиссерскую деятельность на целый год, чтобы уединиться на даче Юрия Анненкова в Куоккале и изложить подробно принципы своей театральной теории. В результате родилась трилогия «Театр для себя».

Евреинов сделал своей задачей выявление и разъяснение собственно театральной природы. Он обнаружил очевидный факт: то, что именуется театром, никакого отношения к театру не имеет. Театральность — не театр. Это всеобщая жизненная творческая основа. Театр — построение художественного произведения на основе этой театральности.

Ключевой компонент – театральность. Проясним определение: эстетическую монстрацию явно тенденциозного характера, каковая, даже вдали от здания театра, одним восхитительным жестом, одним красиво протонированным словом создает подмостки, декорации и освобождает нас от оков действительности — легко, радостно и всенепременно. Приписывать театральному искусству раскрытие психологии человеческой, раскрытие тайн, поучение, наставление – означает обесценивать его. Искусству, свободному по своей природе, получается, что насаждается принудительно вектор работы. А это противоречит природе творчества.

В работе «Театр у животных» Н.Евреинов анализирует о театральности с биологической точки зрения.Естественность и оправданность театральности подкрепляется фактами из биологии. Он рассматривает и анализирует такие биологические понятие как мимикрия, миметизм, покровительственное сходство и игры у животных – «явления, позволяющие видеть начало «театра» еще за пределами доисторической жизни человека» [2,с. 8].

В теоретических работах режиссера-новатор, сам того не ведая, уделяет немалое значение понятию, которое в гуманитарной мысли XX века становится ключевым. Речь идет о понятии «зазор». К газетных статьях («К вопросу о пределах театральной иллюзии», «Секрет режиссерского сердца»….) Н.Евреинов, подходя к роли театра, говорит о некой недосказанности. Эти же понятия он вычленяет в работах других авторов. Граница между состоявшимся шедевром и рядовой работой ничтожна мала. По легенде, однажды К.Брюллов, подправляя работу своего ученика, которая в дальнейшем возымела успех, изрек: «искусство начинается там, где начинается чуть-чуть…»[3,с. 371].

В теоретико-практических изысканиях Н.Евреинов приходит к понятию «театротерапия», излечение театром: «…театротерапия – это комплекс позитивных театральных мер, врачующих преображением (самовнушением, мысленным вживанием в образ другого»[4]. Основывается она на том же инстинкте преображения, проявления театральности. В духе фрейдовского психонализа им была написана пьеса «Так было – так не было», поставлена под руководством Н. Ижевского. В данной постановке применяется «автобио-реконструктивная» маска. Ребята из школы играли самих себя в сложившихся обстоятельствах, под масками персонажей комедии дель арте.

Театр для Евреинова «всегда гораздо больше значит в качестве социального, культурного, житейского фактора, чем как род искусства» [5,с. 41]. Для него творчество – это не прерогатива искусства, а существенная функция личности. Сила, которая позволяет реализовываться этой функции – театральность. Жизнь человека – это его театр, «театр для себя». Театральность становится первоосновой и двигателем жизни. На ней формируется личность, а вместе с тем и культура, и история.

Концепция «театрализации жизни» строится на взаимоотношении двух равноправных взаимодействующих реальностей — реальности жизни и реальности театра. Н. Евреинов выделяет два различных проявления театральности — Театр жизни, то есть проявление биологического инстинкта театральности в любых жизненных процессах, и Театр искусства — это институт, обеспечивающий внутреннюю стабильность самого этого искусства. Отсюда театр должен вторгаться в реальность как искусственное «лекарство» от жизни. Евреиновский принцип «театротерапии» — воздействия театра на психику больного человека с целью излечения — сближает Евреинова с Фрейдом и предвосхищает разработанную в 1920-е годы Якобом Морено теорию психодрамы и теорию ролей.

Литература:

1. Путешествие в театральном пространстве. – М., 2003.
2. Евреинов, Н. Театр у животных / Н. Евреинов. – М., 1924.
3. Евреинов, Н. Секрет режиссерского сердца / Евреинов // Театр и искусство. – 1909. – №21.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teatr-lib.ru/Library/Evreinov/Original/#_Toc133852776 – Дата доступа 10.09.2013.
5. Казанский, Б.В. Метод театра. Анализ системы Н. Н. Евреинова / Б.В. Казанский. – Л., 1925.

«ИНЕТ» КАК ИДЕАЛЬНОЕ СРЕДСТВО РАЗРУШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.Л. Антонова, г. Белгород, Россия

По меткому замечанию И -культурные организмы. Инициированная урбанистическим Западом глобальная «конструкция-деконструкц. Шафаревича, главными антагонистами в мировой истории становятся «город» и «деревня» как разные социально ия» мировой цивилизации удивительным образом напоминает «***второй акт***» столкновения «города» и «деревни», впервые описанного О. Шпенглером в «Закате Европы» (в этот контекст попадает перманентное противостояние западного («город») и «не-западного» (славянский как «деревенский» мир в их числе) культурно-цивилизационных миров). Возникшее из противостояния «урбанистической» («присваивающей») и «традиционной» («производительно-созидающей») систем мироустроения, нынешнее столкновение «города» и «деревни» порождает не только потрясения и конфликты – предвестники хантингтоновского «столкновения цивилизаций», но и экзистенциально отмеченную проблему выбора: что взять современному человечеству в будущее – «созидательное» действие (славянская цивилизация) или действие «потенциальное» (западная цивилизация), под благовидными предлогами разрушающее созидаемое. Такая постановка проблемы не кажется фантастическим вымыслом философов и культурологов: под «демократической» личиной «добра», глобальная «конструкция-деконструкция» направлена на уничтожение не «деревни», а «традиционных классов» как «гомо сакеров» [1]. С этой целью в «не-западных» обществах искусственно насаждается мультикультурализм, что позволяет не только воспроизводить внутри них «народ исключенных», но и погрузить в «голую жизнь» «население третьего мира» [1]. В условиях, когда 1) понятие «третьего мира» становится экстерриториальным, 2) глобальный финансовый кризис приводит к увеличению числа «исключенных», 3) вероятность того, что «топосы третьего мира могут возникнуть … повсюду» [2] и начнут восприниматься как норма постоянно возрастает, – существует опасность, что «потенциально почти все люди попадают в эту жуткую зону неразличимости голой жизни» [2]. И если в «макрокультурном измерении» эта участь урбанистическим Западом отведена «деревенской» России, то на «микроуровне» самой России сказанное имеет прямое отношение к провинции и глубинке – аналогу «деревни». Эта перспектива на интуитивном уровне улавливается трансформируемым обществом, что в специфических «формах» «визуализации» находит выход в поисках «иной» идентичности.

Трагедия состоит в том, что «стратегия» мультикультурализма в означенном ракурсе с позиций «антропологического кризиса» никем не

рассматривается. Это при том, что процесс все большей «сегментации социума» по разным (этническим, культурным, групповым, гендерным) признакам как средство дифференциации общества в искусственно создаваемых мультикультурных обществах с «односторонней» демократией, чреват опасными последствиями: с одной стороны – мультикультурализм как «искусственное объединение … мелких (*маргинальных* – Е.А.) групп в более крупные условные сообщества» [3] становится средством «навешивания новых ярлыков» на все «традиционное», с другой – мультикультурализм выступает как инструмент идеологического, политического, психологического и культурного давления «*нетрадиционалистских*» *меньшинств* на «*традиционалистское*» *большинство*, что, в конечном итоге, ведет к тому, что границы между «своим» и «иным» будут становиться все менее проницаемыми, а это – прямой путь к новым типам «сегрегации» и изоляции. Именно это противоречие, как «символическое» столкновения мироощущений «города» (среды возникновения «нетрадиционалистских» меньшинств) и «деревни» (материнского «лона» традиционного большинства), находит выражение в поиске «альтернативной истории».

Одной из ключевых «технологий» «конструкции-деконструкции» мировой цивилизации становится «Инет». В частности, через социальные сети «не-западному миру» навязываются ложные идеи и цели, а западному обществу – «экзистенциально-психологические» доминанты, формирующие «человека массы», не способного к конструктивному культурному творчеству (Ж. Делез, Ж. Бодрияр), отчего на фоне «массового существования» и гиперактивности сообществ с ликвидирующейся, нейтральной, скрытой или внезапно возникающей идентификацией наблюдается «затухание» деятельности созидательной направленности, резкое снижение качества межличностных отношений и «межкультурных» связей. Более того, новейшие «интернет-технологии» трансформации масс, направленные на создание глобальной «информационной массы» как новой культурной модификации человека, зависимого от «массовых стратегий» информационного общества, навязываются повсеместно под видом «общечеловеческих» ценностей. Одной из таких «ценностей» и выступает «мультикультурализм», в разных «моделях» репрезентируемый в западном и не-западном мире. Именно в этом контексте, «Инет», формирующий особый тип человека – homo manipulated (человека манипулируемого), становится идеальным средством разрушения национальной идентичности.

Литература:

1. Агамбен, Д. Homo sacer: суверенная власть и голая жизнь. «Европа». / Д. Агамбен. – М., 2011;

2. Смирнов, К.С. Homo sacer: к вопросу о праве на жизнь в условиях антропологического кризиса / К.С. Смирнов, А.Ю. Барсковская // Философия права. – 2012. – № 2 (51);

3. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации // Глобализация и мультикультурализм. – М., 2005.

СМЕРТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ

А.Д. Балика, З.С. Балика, г. Нижний Новгород, Россия

Проблема смерти является вечной и всегда актуальной проблемой в философии. В современном «Философском словаре» (2009) дается следующее определение смерти: «Смерть - необратимое прекращение деятельности организма, необходимый и существенный момент жизни. Для человека, наделенного сознанием и поэтому сознающего свою смертность, смерть выступает не только в качестве природного феномена, но и как явление социально и нравственно значимое, включенное в сложный контекст общественных отношений»[11]. Более четкое выделение двух подходов к смерти осуществил В.Д. Губин: «Смерть – это не только конец жизни, но и неотъемлемая сторона жизни, «постоянное предельное самоиспытание», «возможность перехода в иную интенсивность жизни»[1, с.247], необходимое условие прогрессивного развития человека или его деградации. Эти два подхода к смерти предполагают друг друга. От того, как взаимодействуют жизнь и смерть в процессе существования человека, зависит и то, какова будет его окончательная смерть. По нашему мнению, именно учитывая взаимосвязь этих подходов, а также рассматривая смерть как систему, включающую в себя разные уровни организации (биологический, психологический и социальный), находящиеся в иерархической зависимости, можно приблизиться к пониманию сущности смерти и ее ценности.

В ходе истории возникали различные представления о смерти. Так, Сократ называл смерть сладким вечным сном. Платон же считал, что душа, освободившись от тела, приобретает способность гораздо лучше мыслить и чувствовать. Стоики утверждали, что надо бояться не смерти, а недобродетельной жизни. По их мнению, бесстрашие перед лицом смерти – одно из главных достоинств человека. Эпикур, в свою очередь, полагал, что человек «не встречается» со смертью, поэтому ему нечего ее бояться. В средневековой философии смерть воспринималась как начало новой жизни, несущей либо вечное блаженство, либо вечные муки – в зависимости от того, насколько праведным и одухотворенным было земное существование человека. Можно приводить многочисленные примеры различных высказываний о смерти.

В XX веке появляются новые представления о жизни и смерти человека, часто противоречащие друг другу. Так, А. Камю считал, что раз

все люди смертны, то жизнь человека, в сущности, бессмысленна и абсурдна. Ж.-П. Сартр подчеркивал абсурдность и жизни, и смерти человека [8],[9]. В. Франкл, в свою очередь, выступал против доводов о том, что «смерть в конечном итоге делает жизнь полностью бессмысленной» и, наоборот, подчеркивал, что именно конечность и необратимость человеческой жизни является тем, что «придает человеческому существованию смысл, а не тем, что лишает его этого смысла» [12, с. 191].

По нашему мнению, смерть человека необходимо рассматривать в трех взаимодействующих между собой аспектах: социальном (в отношении к обществу); экзистенциальном (в отношении к внутреннему миру человека) и духовном (или трансцендентном - в отношении к Богу или в отношении к духовному разуму более высокого уровня, а не к разуму «мира сего»). У различных философов часто имеет место абсолютизация какого-то из этих аспектов. Так, представители русского и западного экзистенциализма (Шестов, Бердяев, Хайдеггер, Ясперс, Сартр и др.) [10] уделяли основное внимание экзистенциальному аспекту смерти. Сторонники религиозного экзистенциализма пытались объединить экзистенциальный аспект смерти с трансцендентным, рассматривая смерть как религиозное таинство соединения несоединимого - трансцендентного (божественного) и имманентного (человеческого). К. Маркс и его последователи делали акцент на социальном аспекте смерти, отрицая ее трансцендентный аспект и бессмертие души, считая, что человек продолжает жить «в роде» и в плодах своего творчества.

Так как, с нашей точки зрения, жизнь и смерть – это две стороны человеческого бытия, неразрывно связанные друг с другом, необходимо говорить не только о ценности жизни, но и о ценности смерти, что отнюдь не принижает ценности жизни. Ценность смерти можно рассматривать в разных аспектах. С. Кьеркегор заявлял в своем «Дневнике»: «Мышление о смерти уплотняет, концентрирует жизнь» [Цит по: 6, с.96]. В.Ш. Сабиров и О.С. Соина справедливо подчеркивают, что «смерть придает ценность жизни и в самой жизни дифференцирует истинные и ложные ценности» [7, с. 131]. И.А. Ильин утверждал: «Все, что не стоит смерти, не стоит и жизни. Ибо смерть есть пробный камень, великое мерило и страшный судия» [2, с.339-340]. По мнению М.К. Мамардашвили, «Понятая до конца смерть является таким коммуникатором или переключателем, который глаза нашей души поворачивает так, что мы в обычных ситуациях видим то, что без этого предельного образа не могли бы увидеть» [3, с.159].

Во многих религиях смерть воспринимается как самое главное испытание, своеобразный экзамен на духовность и неподкупный строгий суд над душой. В данном контексте напоминание о смерти может избавить от ложного ощущения безнаказанности и даже пробудить голос

совести. По мнению различных мыслителей, ценность смерти состоит и в том, что она приводит к встрече с Богом, и в том, что она приводит к встрече с самим собой. С точки зрения К. Ясперса, в «пограничных ситуациях» между жизнью и смертью человек не только становится самим собой, но и соприкасается с высшим бытием, приближается к Богу и духовным ценностям [14]. М. Хайдеггер утверждал: чтобы не превратиться в «такого как все», а, наоборот, остаться самим собой, отстоять свою идентичность, пробудить свое глубинное «Я», человек должен вырваться из круга повседневных забот и бессмысленной суеты и вспомнить о неотвратимости смерти. Воспоминание о смерти как о своем уделе позволит человеку выйти из состояния неподлинного бытия и обрести свободу. «Бытие - к - смерти», по Хайдеггеру, и есть подлинное бытие [13]. Ж. Деррида писал о «даре смерти», полагая, что она позволяет человеку обрести самого себя: «Никто не может умереть за меня, вместо меня, это я, тот, кто умирает; только в этой ситуации я остаюсь наедине с собой, мир уходит, и я, наконец, обретаю самого себя» [4, с. 928];[15, P. 48-49.]. И.Т. Фролов отмечал: «Смерть - источник особого чувства нравственной ответственности, в основе которой лежит не страх перед наказанием за грехи в загробном мире, а прежде всего ответственность перед собственной общественной сущностью» [11, с. 928].

Исходя из вышесказанного, ценность смерти заключается в том, что она придает ценность жизни, делает ее более интенсивной, побуждает человека к творчеству, к стремлению внести свой вклад в развитие человеческой культуры и тем самым обрести духовное бессмертие. Смерть позволяет оправдать целесообразность своего существования для других людей и самого себя, обрести свое истинное Я, приблизиться к Богу. Подчеркнем, что смерть выступает как ценность независимо от того, признаем ли мы посмертное существование, и от того, каким мы его себе представляем. Всегда она является последним рубежом, «точкой невозврата». И помнить о ней означает осознавать рамки своего земного бытия.

Хотя мы выделили основные аспекты ценности смерти, следует оговориться, что для каждого человека ее смысл уникален. В этой связи, на наш взгляд, необходимо выделить разные виды смерти: смерть-возрождение (именно о такой смерти говорил Сократ, по его мнению, подлинная человеческая жизнь должна быть «практикой смерти»); смерть-освобождение (о такой смерти в связи со смертью Сократа писал Платон – душа, отделяясь от тела, обретает полный смысл своего существования, осознает свою истинную суть) [5]; смерть-возвращение к человеческой сущности; смерть-избавление от физических и духовных мук. Существует и смерть-растворение, которая присутствует у растений, животных (умирая, они растворяются в природе). Такой вид смерти в определенном

смысле присущ и человеческому телу. С точки зрения нравственного критерия можно выделить смерть-подвиг и смерть-преступление.

Особое место занимает смерть, которая наступает в результате казни. Последняя в свою очередь может быть справедливой и несправедливой. С точки зрения диалектического подхода смертная казнь есть единство насилия и освобождения. В разных ситуациях может доминировать либо одна, либо другая ее сторона: либо насилие (в таком случае смертная казнь будет несправедливой), либо освобождение (справедливая смертная казнь). При этом освобождение необходимо рассматривать в социальном и экзистенциальном смысле, т.е. происходит, с одной стороны, освобождение других людей и общества от злостного преступника, а, с другой стороны, - освобождение его самого от патологических стремлений и действий, от которых он сам не в состоянии избавиться.

В зависимости от вида смерти можно говорить о том, в какой степени она является ценностью для конкретного человека и общества в целом. Любя жизнь и рассматривая ее как великую ценность, нельзя забывать и о ценности смерти.

Литература:

1. Губин, В.Д. Философия: актуальные проблемы / В.Д. Губин. – М., 2006.

2. Ильин, И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний / И.А.Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т .3. – М., 1994.

3. Мамардашвили, М.К. Лекции о Прусте / М.К. Мамардашвили. – М., 1995.

4. Новейший философский словарь. – Мн. 2001.

5. Платон. Апология Сократа / Платон // Сочинения: в 4 т. – М., 1994.

6. Подорога, В.А. Философия ландшафта / В.А. Подорога. – М., 1995.

7. Сабиров, В.Ш. Философия / В.Ш. Сабиров, О.С. Соина. – М., 2006.

8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М., 1989.

9. Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман / Ж.-П. Сартр. – СПб., 2006.

10. Современный экзистенциализм. Критические очерки, – М., 1966.

11. Философский словарь /Под ред. И.Т. Фролова.– М., 2009.

12. Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл. – М., 1990. С. 191.

13. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М., 1997.

14. Ясперс, К. Философская вера / К. Ясперс // Смысл и назначение истории – М., 1991;

15. Derrida J. Donner la morte / J. Derrida. – P., 1994.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАТНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

А.А. Бекиш, г. Минск, Беларусь

В современном мире, когда информационно-коммуникационные технологии находят все более широкое применение в различных сферах человеческой деятельности, проникая во все сферы общественной жизни, возрастает значение программного обеспечения, являющегося одним из наиболее распространенных на мировой рынке объектов интеллектуальной собственности. В этой связи вместе с ростом значимости программного обеспечения вследствие повышения роли компьютеров в обществе не менее быстрыми темпами развивается и научно-исследовательская работа, как в области правового изучения указанной сферы, так и с точки зрения философско-этического осмысления происходящих процессов.

Процесс разборки программного обеспечения на составные части с целью детального изучения его работы называют обратным проектирование (англ. reverse engineering) [2, с. 180]. Обычно целью обратного проектирования является: дальнейшая модификация программного обеспечения с целью усовершенствования функциональных возможностей программы либо получение некоторой закрытой информации о внутреннем устройстве программы (например, сведения о взаимодействии с другой программой).

Этические аспекты в обратном проектировании являются обсуждаемой темой в среде разработчиков программного обеспечения. Процесс обратного проектирования можно рассматривать с двух аспектов: с одной стороны, рассматриваемый процесс может быть полезным с точки зрения образовательной составляющей, но с другой стороны – указанные действия могут рассматриваться как нарушение авторским прав на программное обеспечения.

По мнению Дж. Рейнольдса (Университет Цинциннати, США) [6], большинство менеджеров в сфере информационно-коммуникационных технологий будут рассматривать программное обеспечение, созданное в результате обратного проектирования, как продукт неэтичной деятельности, так как конечный пользователь программного обеспечения фактически не владеет правами на него. Кроме того, по мнению Дж. Рейнольдса [6], неизбежно будет возникать ряд вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью: было ли лицензионным программное обеспечение, охранялось ли нормами авторского права.

В рекомендациях разных компьютерных сообществ, посвященных этическим аспектам разработки и использования информационно-коммуникационных технологий, не встречается конкретных упоминаний об обратном проектировании. В тоже время в совместном кодексе этики и

профессиональной практической деятельности в сфере разработки программного обеспечения Ассоциации вычислительной техники (ACM) и Компьютерного общества Института инженеров электротехники и электроники (IEEE-CS) отмечено, что «инженерам не следует сознательно использовать программное обеспечение, которое было получено или удерживалось либо незаконно, либо неэтично» [3]. Кроме того, «инженеры должны незамедлительно выявить, документировать, собирать доказательства и представлять отчеты заказчику или работодателю, если, по их мнению, проект, скорее всего, нарушает закон об интеллектуальной собственности, или создает проблемы иным образом» [3]. В Национальном кодексе деятельности в области информатики и телекоммуникаций (Российская Федерация) также закреплено правило – не нарушать законодательство об охране интеллектуальной собственности и признанные нормы авторского права на программные средства и базы данных [1].

По мнению экспертного сообщества, заключение об этичности обратного проектирования необходимо делать на основании правовых аспектов, которые определяются целью обратного проектирования и средствами доступа к информации [4]. Обратное проектирование программного обеспечения может считаться этичным, если используется в следующих целях: для обеспечения функциональной совместимости; для восстановления проприетарного программного обеспечения; когда исходный код программы утерян или отсутствует; в образовательных целях. Обратное проектирование программного обеспечения признается неэтичным, если используется с целью копирования и хищения исходного кода.

По мнению американских экспертов К. Лаудон и Дж. Лаудон [5], для оценки этичности конкретного случая обратного проектирования программного обеспечения необходимо выполнять следующие процедуры: выявлять и четко описывать факты; определять суть этической дилеммы и выявлять высшие ценности, относящиеся к делу; определять варианты разумного использования; анализировать возможные последствия выбранных вариантов. Кроме того, эксперты предлагают в первую очередь рассматривать правовые аспекты процесса и определить, не нарушаются ли в ходе обратного проектирования нормы законодательства об авторском праве, и только после этого переходить к анализу этических аспектов процесса на основе процедур, указанных выше.

В тоже время ряд правовых и этических вопросов обратного проектирования программного обеспечения остаются без ответа. Так в частности, этично ли создание программного обеспечения посредством обратного проектирования для научных целей и обучения. Если нет, то

является ли этичным публикация информации об этом научном исследовании или обучении.

Таким образом, процесс обратного проектирования программного обеспечения является весьма дискуссионным вопросом, как с правовой точки зрения, так и с позиции философско-этического осмысления. Отсутствие судебной практики по указанному вопросу также способствует дальнейшей дискуссии о законности и этике обратного проектирования программного обеспечения.

Литература:

1. Национальный кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникаций // PC Week. – 2010. – Режим доступа: http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=75941. Дата доступа: 10.09.2013.

2. Ярмолик, В.Н. Криптография, стеганография и охрана авторского права: монография / В.Н. Ярмолик, С.С. Портянко, С.В. Ярмолик. – Мн.: БГУ, 2007.

3. ACM/IEEE-CS Software Engeneering Code of Ethics and Professional Practice / Association for Computing Machinery. – Mode of access: http:// www.acm.org/about/se-code. –Date of access: 10.09.2013.

4. An Overview of the Legality and Ethics of Reverse Engineering Software / Webmilhouse [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.webmilhouse.com/files/reverse_eng_paper_final.pdf. – Date of access: 05.04.2013.

5. Laudon, K. Management Information Systems: Managing the Digital Firm / K. Laudon, J. Laudon. – 7 sub edition. – New Jersey: Prentice Hall, 2001.

6.Reynolds, G.W. Ethics in Information Technology / G.W. Reynolds. – 4 edition. – Boston: Cengage Learning, 2011.

ИРОНИЯ МОРАЛИ

Е.В. Беляева, г. Минск, Беларусь

«Пан-иронизм» современной культуры, независимо от того, считать ли ее постмодернистской или давать ей иную атрибуцию, очевиден. В этой ситуации во многих феноменах, не имевших прежде иронических аспектов, таковые проявляются. Более того, обнаруживается ирония таких процессов, однозначность и серьезность которых было просто немыслимо поставить под вопрос. К числу таких сфер, где ирония представлялась неуместной по определению, относилась мораль. Между тем «ирония морали», подобная «иронии судьбы» существовала всегда. Она порождается не субъективной насмешливостью морального субъекта, а собственной логикой морального сознания.

Если отвлечься от чисто эстетической трактовки иронии как разновидности комического, можно рассмотреть ее как общефилософскую категорию, отмечающую «момент диалектического выявления

(самовыявления) смысла через нечто ему противоположное, иное» [1]. Тогда «объективная ирония» должна быть присуща любым процессам, имеющим смысл, так как именно благодаря наличию иронического противоречия в структуре феномена, этот смысл выявляется.

Наличие в морали противоречий и создает предпосылку «иронии морали». Главное противоречие, характеризующее сущность морали – это противоречие должного и сущего, которое воспроизводится и в деятельности личности, и в общественном развитии. Чем выше уровень нравственности человека, тем более требовательно он относится к своему нравственному поведению, любая «победа добра» сопровождается самокритикой морального субъекта, сознающего свою неспособность воплотить абсолютное добро и вынужденного довольствоваться частичным, возможным в данных условиях вариантом осуществления добра.

Подобно иронии судьбы, мораль суть ирония над нашей моральной самоуверенностью, она существует благодаря ироническому противоречию между абсолютными ценностями и их повседневным осуществлением. «Все высокое и нравственное самообесценивается через форму своего проявления, своей реализации», – замечает Рюмина [2, с. 77], т.е. бытие нравственного в некотором смысле по природе своей комично. Не случайно Дон Кихот со своим стремлением к реализации высокого идеала рыцарства становится объектом насмешек, а «положительно прекрасный человек» Ф.М. Достоевского оказывается «идиотом».

Лингвистика свидетельствует, что «сигналом иронии является употребление высоких слов… в обыденных “низких” ситуациях и контекстах» [3, с. 344], а поскольку моральный дискурс в целом является «высоким», то в повседневной жизни он неизбежно оказывается либо ироничным, либо ироническим. Ироничным, если говорящий насмехается над понятиями морали из-за их несоответствия реальной жизни; и ироническим, если, фиксируя разницу сущего и должного, говорящий критикует реальность.

Конечно, в моральных суждениях разница между идеалом и человеческим несовершенством часто фиксируется без иронии, в них однозначно осуждается порок, выражается возмущение недолжным положением вещей. Однако само противоречие, в котором происходит обнаружение нравственного смысла сущего через сопоставление с должным, является ироническим. В этом состоит разница между субъективным *ироничным* отношением к ситуации (которое может быть неуместным) и *ироническим* отношением как объективным самовыявлением смысла ситуации, не зависящего от эмоций и оценок индивидуального субъекта морали. Ироничное отношение к чужой боли,

страданиям и смерти нравственно недопустимо, но этическое осмысление этих феноменов в форме трагической иронии имеет смысл. Перед лицом несправедливых и бессмысленных страданий мораль в некотором роде бессильна, поэтому решение этой проблемы на протяжении веков переносится за границы этики – в сферу теологии, которая и задает модели интерпретации смысла таких ситуаций. В архетипической истории бедного Иова Бог выступает главным ироником, полагающим дистанцию между собой и миром, своим всемогуществом и слабостью твари, между собой как истиной и иллюзорностью любых представлений человека. В этом сюжете Бог не насмехается над Иовом, не относится к нему *иронично*, но демонстрирует объективное *ироническое* противоречие земного и божественного как явного и скрытого.

Познание объективной иронии морали способствует пониманию ее смысла. Именно на это была направлена сократическая ирония как метод познания моральной истины. Он состоял в том, чтобы привести человека к противоречию с самим собой и вывести его из состояния нравственного самодовольства. В противном случае однозначность и неироничность моральной позиции, делают человека подверженным «иронии морали». Самонадеянно неироничный моральный субъект оказывается жертвой противоречия между воображаемой нравственной ценностью своего поступка и его действительной моральной значимостью. Претензии на однозначное понимание должного опасны для самой личности. Чем более тщательно, серьезно, бескомпромиссно она следует правилам морали, тем более агрессивной и аутоагрессивной оказывается ее жизненная практика, о чем свидетельствуют биографии и Савонаролы, и Дзержинского, и многих пуританских моралистов. Отсутствие иронии, монологичность нравственной позиции, однозначность смыслов и неулыбчивость моральных субъектов становятся источником чудовищных конфликтов, причина которых со стороны выглядит… смехотворно. Так война католиков и протестантов в исторической перспективе выглядит ничуть не более содержательной, чем война остроконечников с тупоконечниками в «Приключениях Гулливера». В то же время ирония – не только способ смягчения конфликта. Ирония как «удержание противоречия без снятия» отдает отчет в его неустранимости, а значит, важности и подлинной серьезности проблемы, которую нельзя разрешить насилием и другими безнравственными действиями.

Фиксируя противоречие между реальностью и моральными ценностями, ирония удерживает их, становясь каналом связи между ними. Она выступает незаменимым способом познания столь непостижимых вещей как абсолютное добро, смысл жизни, истинное предназначение человека и прочих необыкновенно значимых вещей, откровенно не поддающихся однозначному определению.

Еще одна интерпретация иронического потенциала противоречия сущего и должного была дана в романтизме. Стремление к недостижимо возвышенному идеалу считалось способом иронического возвышения над действительностью. В этом случае мораль выступает свидетельством не слабости, но, наоборот, духовной силы человека. Мораль становится способом иронического выявления того обстоятельства, что значимость так называемой «реальности», предполагающей «трезвый взгляд на вещи», «прагматический подход без сантиментов» оказывается весьма относительной при столкновении с твердыми нравственными принципами. Безнравственный человек, насмехающийся над «идеализмом» человека морального, сам находится в плену иллюзий, он воспринимает доступное ему понимание ситуации как единственное и истинное, в то время как мир моральных ценностей является скрытым, но куда более подлинным, а попытки игнорировать его значение приводит личность к жизненному краху. Ирония, постоянно различая подлинное и мнимое, способствует утверждению смысла морали, безнравственность же в этом контексте выглядит как серьезная и бес-смысленная позиция.

Таким образом, ирония морали состоит в том, что выявление ее положительного и значимого смысла происходит благодаря ее неосуществимости: должное принципиально невоплотимо в сущем, а всякое конкретное добро относительно в сравнении с абсолютной моралью.

Литература:

1. Михайлов, А.В. Ирония / А.В. Михайлов // Новая философская энциклопедия.– Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/1287.html. – Дата доступа : 11.09.2013.

2. Рюмина, М.Т. Эстетика смеха:Смех как виртуальная реальность / М.Т. Рюмина. – М.: КомКнига, 2006.

3. Шатуновский, И.Б. Ирония и ее виды / И.Б. Шатуновкский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 2007.

ЦЕННОСТИ МАЛЕНЬКИХ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ДЕТСКОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

О.А. Борисевич, г. Минск, Беларусь

Всем известно, что телевизионный мир для ребенка является неким особым таинственным миром, захватывающим и жутко интересным. Не моргая, ребенок смотрит в «голубой экран» и впитывает как губка все, что от туда изливается в его тончайший и нежнейший сосуд – в его психику.

Это телевизионное пространство способно творить чудеса, благоприятно воздействуя на мировоззрение ребенка, а может принести непоправимый вред, раскрыв перед детским взором жестокость, насилие,

безнаказанность. И речь идет не о взрослом телевидении, а о телевидении для детей. Не всегда контент и концепция детского телевизионного канала отличается духовно-нравственной воспитательной и образовательной направленностью, а мультипликационные фильмы – добротой, взаимовыручкой, альтруизмом и душевным теплом.

Нам представляется важным исследование того, какой же след оставляет в душах сельских детей детское телевещание, а именно то, как связаны их значимые ценности (как руководящие принципы в жизни и как предпочтительные в любой ситуации) и время затраченное ими на просмотр детского телепродукта в обычный будний день.

Поэтому связь ценностных ориентаций детей 7–10 лет и времени телесмотрения является актуальной. Исследование ценностей проводилось с использованием методики «Ценностный опросник С. Шварца» (в адаптации А.Л. Лихтарникова) на группе сельских детей (n = 64, 2013 г.). Сразу с использованием описательной статистики определялись значимые терминальные и инструментальные ценности детей, потом анализировалось примерное время, затраченное каждым ребенком на телепросмотр. Далее с помощью метода коэффициент ранговой корреляции Спирмена проводился поиск статистически значимых связей между временем просмотра телевизора в будний день и терминальными и инструментальными ценностями в группах девочек и мальчиков, смотрящих детский телепродукт, транслируемый как детскими телеканалами, так и общенациональным телевидением.

Были обнаружены статистически значимые корреляционные связи в группе девочек между временем просмотра телевизора в будний день и терминальными ценностями:

1) отрицательная связь с ценностью «чувство общности» показывает, что ценность безопасности, проявляющейся в желании ощутить заботу со стороны других более значима для девочек, которые мало смотрят ТВ;

2) положительная связь с ценностью «мир во всем мире» говорит о зрелом понимании мира вообще и о важности быть свободными от войн и конфликтов девочек много смотрящих детское ТВ.

Также была обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь в группе девочек между временем просмотра телевизора в будний день и инструментальной ценностью «широкомыслящая» . Эта связь показывает, что чем больше девочки смотрят ТВ (1–3 ч), тем более открыты они к чужим мнениям, терпимы к различным идеям, верованиям.

Далее были выявлены статистически значимые связи в группе мальчиков между временем просмотра телевизора в будний день и терминальными ценностями:

1) положительные связи с ценностями: а) «равнодушие к мирским заботам» показывает, что чем больше мальчики смотрят ТВ (2–5 ч), тем

важнее для них оказывается личностное право на собственное пространство, на уединение; б) «социальная справедливость говорит о том, что чем больше мальчики смотрят ТВ (1–5 ч), тем более склонны они к исправлению социальной несправедливости и к заботе о слабых.

2) отрицательные связи с ценностями: а) «богатство» говорит о том, что чем меньше время телесмотрения мальчиков (до 1 ч), тем более значимы для них материальные блага; б) «новизна» говорит о том, что чем меньше мальчики смотрят ТВ (до 1 ч), тем важнее разнообразная жизнь, наполненная новизной, дерзаниями, изменениями, проблемами и вызовами; в) «мудрость» говорит о том, что чем меньше ребята проводят у телеэкрана, тем больше они ценят зрелое понимание жизни.

Далее были обнаружены значимые связи в этой группе мальчиков между временем просмотра ТВ и инструментальными ценностями:

1) положительные связи с ценностями: а) «трудолюбивый» показывает, что чем больше время телесмотрения, тем более ценны трудолюбие, целеустремленность, желание добиться успеха; б) «уверенный в себе» свидетельствует о стремлении мальчиков быть самостоятельными, уверенными в своих силах;

2) отрицательная связь с ценностью «влиятельный» говорит о том, что чем меньше ребята смотрят ТВ (до 1 ч.), тем большую ценность имеет влияние на людей и события.

Таким образом, чем больше сельские девочки смотрят детское ТВ, тем меньше у них потребность в безопасности и заботе со стороны близких, тем больше они ценят свое положение в стране свободное от войн и конфликтов, и тем больше они открыты к критике, проявляют большую толерантность к людям и их идеям. Как видим, девочки, много смотрящие детское телевидение, проявляют большую зрелость и понимание жизни, чем девочки, проводящие у телеэкрана значительно меньше времени.

Это можно объяснить тем, что деревенские девочки не имеют такой возможности в сравнении с городскими, развивать свое мышление и мировосприятие на всевозможных кружках. Единственно доступным сегодня для большинства таких девочек средством саморазвития являются цифровые детские телеканалы, представляющие особо значимое образовательное телевизионное пространство. При этом, как показало наше раннее исследование (2011 г.) выбор сельских девочек чаще останавливается на российских детских телеканалах («Детский» (16%), «Детский мир» (15%), «Мультимания» (12%), «Jetix» (11%), «Disney Channel» (10%)), в концепции которых заложены образовательная, просветительская, эстетическая, ценностно-ориентированная, воспитательная, информационная, рекреативная, развлекательная функции и функция социализации.

Девочки, не смотрящие или мало смотрящие детский телепродукт чувствуют себя ущербно и неуверенно, поэтому и сильно развита потребность в заботе со стороны окружающих. Недостаток знаний приводит к слабой социализации и меньшей зрелости, в сравнении со сверстницами.

Чем больше деревенские мальчики смотрят детское ТВ, тем больше они понимают значимость права на уединение и свое личное пространство, тем более их возмущает социальная несправедливость, тем более они расположены проявлять заботу о слабых, тем больше понимание важности быть трудолюбивым, целеустремленным, успешным и тем более осознанно понимание того, что в жизни надо быть уверенным и надеяться на самого себя, то есть быть самостоятельным. Менее значимыми для них оказываются зрелое понимание жизни, материальные ценности и стимуляция, проявляющаяся в поисках новых острых ощущений.

Мальчики, не смотрящие или мало смотрящие детский телепродукт, проявляют меньшую зрелость, стремление к достижениям и самостоятельность. Так для них не играют роль социальная справедливость, трудолюбие, целеустремленность, уверенность в себе и самостоятельность. Но очень важны материальные ценности, поиск новизны в виде ярких и захватывающих впечатлений, ощущений и переживаний, понимание мудрости (скорее на интуитивном уровне, нежели на осознанном) и возможность обладать властью, как контролем над другими людьми.

Очевидно, что просмотр детской телепродукции сельскими мальчиками в достаточно большом объеме оказывает стимулирующее воздействие на формирование ценностей, способствующих развитию мужских черт характера, основными «китами» которых являются смелость, зрелость, достижения и самостоятельность. У мальчиков, не смотрящих или мало смотрящих детское ТВ, отмечается инфантильное понимание жизненных ценностей. Мало того, благодаря такому набору ценностей, они оказываются духовно неразвитыми и склонными к асоциальному поведению.

По нашему мнению объяснение недоразвития ценностей детей мало смотрящих или не смотрящих детское ТВ может быть одно: недостаточное воспитание детей и низкий материальный достаток неблагополучных семей. Это не значит, что детское телевещание однозначно развивает ценностную структуру детей. Однако, оно несомненно оказывает свое положительное влияние в сочетании с осознанным родительским воспитанием, правильным выбором родителя вместе с ребенком телепродукта для просмотра, соответствующего высоким морально-нравственным принципам, умеренным родительским контролем и культурой телесмотрения. Ведь детское ТВ занимает доминирующее место

в структуре сельского досуга, а дети являются одной из самых требовательных категорий зрителей.

ИЛЛЮЗИЯ ОБРЕТЕНИЯ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

И.Б. Братникова, г. Ростов-на-Дону, Россия

Современный человек находится в состоянии деперсонализации, то есть ощущения пустоты, бессмысленности жизни, как справедливо характеризовал это состояние Э.Фромм. Автоматизированность повседневной жизни сегодня приводит к росту неудовлетворенности, к потребности поиска новых, более адекватных способов жизни, а также норм, которые вели бы человека к истинно человеческим целям. Фромм полагает, что современный человек не приобрел свободы в смысле реализации его личности, то есть реализации его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого.

Путь развития человечества – это обретение им все новых степеней свободы. Современное постиндустриальное общество выводит человека из мира вещественной несвободы в мир свободного выбора, где нет заботы о средствах к существованию, но есть потребность в творчестве и самовыражении. Постмодернистская рефлексия обращена именно к этому человеку, человеку, включенному в мир творчества, причем творчества, неотделимого от игры. Игра в постмодернизме - это квинтэссенция жизни, проявление свободной личности, стремящейся к самореализации. Постмодернизм разрушает границу между игровым и неигровым пространством, наделяя все стороны человеческой жизни такой характеристикой игры как свобода. Религия, мораль, искусство, политика, язык, экономика становятся ареной постмодернистских игр.

Наиболее удобной возможностью проявления свободы игры становится виртуальная реальность, ибо в ней возможно ничем не ограниченное существование «человека играющего». Киберпространство предстает перед нами как некая сверхреальность, где означаемое исчезает, а место реального бытия занимают языковые игры, чья множественность позволяет существовать в виртуальной реальности любому, кто владеет их правилами. Будучи полем языковых игр, киберпространство в наибольшей степени соответствует постмодернистскому представлению о полной свободе человека как «животного, создающего символы». Это игра,

понимаемая в самом широком смысле этого слова, т.е. как некий срединный слой бытия, где свободно обращаются с табуированными и сакральными ценностями, где уравновешиваются и переворачиваются антиномии мира и исчезают все запреты и ограничения современного мира. Виртуальное пространство становится той мерой свободы, которой человек не обладает в мире реальном, каким бы ни было экономически и политически свободным общество, в котором он живет.

Эволюция компьютерных технологий пошла по пути развития коммуникаций с помощью компьютерных сетей, что с точки зрения современных исследователей невероятно увеличивает возможности проявления человеческой свободы. В Сети мы все и авторы, и издатели, и продюсеры. Можно ли считать, что возникает новая, виртуальная личность, наделенная совершенно новыми свойствами и высокой степенью свободы. Сделав поправку на то, что не все философы готовы признать виртуальную личность личностью, апеллируя к тому, что личность не только обладает определенной иерархией ценностей, особенностями характера, собственным мировидением, но и телесной неповторимостью, и только гармония телесного и духовного создает некую индивидуальность; мы все же должны отметить, что хотя виртуальная личность изначально бестелесна, тем не менее, она выступает как субъект всякого рода отношений: экономических, политических, социальных, духовных. В симулятивной реальности действуют симулятивные субъекты, каждый из которых обладает тем набором характеристик, которые он сам для себя создал, и которые не имеют или могут не иметь к телесному субъекту никакого отношения. В сети действуют люди, скрытые за аватаром, ником, т.е. действуют знаки, которые не имеют денотатов. У них нет возраста, нет пола, нет социального статуса, нет внешности. Виртуальная реальность выводит человека на невиданные прежде ступени свободы – быть тем, кем мечтаешь, действовать так, как хочется.

В киберпространстве виртуальная личность играет с жизнью и смертью, играет с полом, с возрастом. Утрачивая телесность в виртуальном пространстве, человек утрачивает последние природные ограничители собственной свободы. Одним из последних оплотов биологического в человеке является его половая самоидентификация. Но в виртуальном пространстве пол индетерминирован, в большей степени освобожден от природной предопределенности. Человек воспроизводит себя как знак, не имеющий тела, а потому бессмертный. Но в таком случае в виртуальном пространстве смерть утрачивает смысложизненную значимость. Отношение к смерти во многом определяет поведение людей, определяет особенности отношения к жизни, формирует мир ценностей, на которые ориентируется человек. Смерть является ограничителем человеческой свободы. В виртуальном пространстве смерть становится

симулякром, причем не только отдельной личности, но и групп людей, перестает восприниматься как точка невозврата, так как в киберпространстве можно умереть и воскреснуть. Киберпространство отрицает и возрастные различия, ибо там, где нет тела, которое стареет, нет и возраста. Позволяя человеку ощутить высокую степень свободы, киберпространство наделяет виртуальную личность огромными возможностями для достижения того идеала, который недоступен в мире, ограниченном телесностью и смертностью. Пластичность виртуального инобытия, возможность бесконечно его перекраивать, создает иллюзию вечного детства,позволяет забывать о существовании других людей, полагая, что мир создан только для тебя.

Оптимистичный взгляд авторов «Нетократии» на проблему свободы в киберпространстве подвергается сомнению другими современными исследователями, которые видят в сетях средство манипуляции сознанием в самых различных целях: от экономических до политических. Последние все в большей степени используются для организации акций недовольных, которые в различных странах приводят к всевозможным социальным последствиям, от мирных выражений протеста до твиттерных революций. Все громче звучит мнение о том, что социальные сети породили группу интеллектуалов новой волны, способных формировать общественное мнение, задавать тренды и, в конечном счете, манипулировать массовым сознанием.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что люди, «живущие» в сетях, погружаются в мир необременительного общения с некими масками, где нет живого пространства общения, нет обратной нормальной связи, а лишь иллюзия самореализации. Но чаще всего это только иллюзия, так как информация так и остается только возможностью.

Такие формы самовыражения могут приводить к деперсонализации личности, ибо, несмотря на обширность киберпространства, человек заключен в очень ограниченный мир, где исчезают реальные санкции за проступок, где несогласного можно элиминировать из общения, где человек забывает законы реальных коммуникаций. В таком состоянии человек легко может стать объектом манипуляции. Погружаясь в виртуальную реальность, человек попадает в те события, которые могут быть использованы для манипулирования сознанием. Виртуальное пространство может создавать иллюзии ничем не ограниченной свободы, свободы распоряжаться своей и чужими жизнями, свободы навязывать другим свои желания, не считаясь с их мнением, не неся при этом никакой ответственности за сказанное в Интернете. В свою очередь, обилие информации делает невозможным докопаться до истины, так как отличить правду от вымысла становится все более и более затруднительным. Открытый характер виртуальной реальности, давая раскрепощенность и

неограниченные возможности, не снимает проблемы нравственного выбора. Чувство свободы, которую дает виртуальная реальность, может оказаться желанием свободы только для себя одного.

В заключение следует еще раз отметить, что мир современной культуры немыслим вне киберпространства, которое создает совершенно новое культурное поле, оказывающее огромное влияние на массовое сознание, порождает виртуальную личность, лишенную телесности, пола, возраста, тем самым наделяя ее недосягаемыми прежде степенями свободы. Но свобода в виртуальном пространстве оказывается симулякром, так как отсутствие свободы в мире реальном, порождает того же массового человека, который просто в очередной раз воспроизводит некритическое мышление, подкрепленное симулятивной информацией, витающей в безбрежном виртуальном пространстве.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТА

В.Н. Варич, г. Брест, Беларусь

Неотъемлемыми компонентами ценностного сознания являются базовые и инструментальные ценности. Субъект ценностного сознания – личность с развитым самосознанием либо группы личностей со сходными ценностными ориентациями. Объектом ценностного сознания являются значимости предметов внешнего мира и других людей, обнаруживающиеся в совместной предметно-практической деятельности (ценности как таковые), а также значимость субъекта деятельности и коммуникации для самого себя. Предметом ценностного сознания, по определению Ю.А. Мирошникова, «выступает ценность, превращенная в элемент сознания, в значительной степени определяемая действенным отношением человека к миру, его местом в социуме, его духовной зрелостью, воспитанностью его чувств» [1 с. 68]. Предмет ценностного сознания исторически изменяется, равно как трансформируется и иерархия образующих его ценностей, а также соотношение в рамках данной иерархии базовых и инструментальных ценностей.

В ценностном сознании выделяются наивный и рефлексивный уровни, на одном из которых оно имеет непосредственный и эмоциональный характер, на другом – опосредованный и рациональный. Ценностное сознание может быть рационализировано в различной степени в зависимости от социокультурных условий его формирования, особенностей социализации личности, социального статуса и гендерной принадлежности. Рефлексивный уровень ценностного сознания – это более или менее развитая система идей, которые выполняют регулятивную функцию, группируя все относительные цели и средства. Ценностные идеи

выступают также тем началом, в отношении к которому формируются различные социальные и духовные институты и способы деятельности.

Система ценностей и ценностных ориентаций различных социальных групп, включая студенческую молодежь, является мировоззренческой основой любого общества. Вместе с тем ценностное сознание с его сложной структурой специфично в различных слоях общества. Процессы трансформации в ценностной системе общества и в ценностном сознании отдельных его групп указывают на тенденции изменений в восприятии наиболее важных сторон жизни, то есть об изменении общественных приоритетов.

Как справедливо отмечают ученые БГУ, на протяжении ряда лет изучавшие ценностное сознание белорусской студенческой молодежи, ценностные ориентации соотносятся с потребностями, которые иерархически структурированы. «*Витальные*, первичные потребности, значимы для сохранения и продолжения жизни; *интеракционистские* – реализуются в общении, взаимодействии с другими людьми; *социализационные* – в усвоении ценностей, норм, образцов поведения, одобряемых в данном обществе или культуре; *смысложизненные* воплощаются в представлениях о добре и зле, счастье» [2, с. 31]. Указанные потребности реализуются в определенном социальном и культурном контексте, который в свою очередь обусловливает характер и способы построения ценностной иерархии. Человеческое в человеке, по словам Н. Гартмана, «основывается на реализованных ценностях общества. И все, что человек имеет своеобразного и самоценного в себе самом, уже поддерживается этими ценностями общества» [3, с. 334].

У студенческой молодежи в ходе социальной адаптации наиболее существенную роль играют сложившиеся базовые ценности, в соответствии с которыми молодые люди осваивают общественную действительность. В студенческом возрасте, в процессе интенсивного интеллектуального роста и обогащения информацией, ценностная детерминанта жизнедеятельности преобладает. Именно в студенческие годы происходит формирование ценностных идей, которые в последующем будут определять поведение будущих квалифицированных специалистов в обществе.

Многие исследователи определяют студенчество как особую социальную группу с определенными условиями труда, повседневной жизни и свободного времени, с собственной психологией и системой ценностных ориентаций. В социальной структуре общества студенчество является социальной группой, предназначенной к тому, чтобы в будущем заниматься высококвалифицированным трудом в различных областях управления, культуры, науки и техники. Студенчество имеет огромный

потенциал экономической, социально-политической и духовно-культурной деятельности, являясь интеллектуальной элитой молодежи.

В то же время студенческая молодежь характеризуется своего рода маргинальностью, относительной независимостью социальной психологии и поведения: «Основной характеристикой студенчества является «пограничность», которая делает его самой динамичной частью общества, чутко реагирующей на малейшие изменения в его структуре, его политические и экономические трансформации, быстро улавливает новые тенденции в культуре» [4]. Специфика молодежи в отношении к ценностным ориентациям определяется, во-первых, высокой заинтересованностью в изменениях, во-вторых, ориентацией на будущее, верой в собственные силы и возможности и, в-третьих, сочетанием максимализма и конформистских установок в достижении своих целей.

Молодые люди реагируют на происходящую в современном обществе трансформацию ценностных ориентаций различным образом. Украинский социолог С.В. Шмалей отмечает, что по характеру психологических и поведенческих реакций на изменения базовых и инструментальных ценностей можно выделить несколько типологических групп студенческой молодежи: 1) молодые люди, которые стремятся к сохранению и воспроизводству имеющихся ценностей при внешнем приспособлении к новым ценностям; 2) молодые люди, которые осознают распад старой системы ценностей и способны к коррекции ценностных ориентаций при условии сохранения ценностного ядра; 3) молодые люди, объединенные негативным отношением к прошлому и стремлением строить новое общество; 4) радикально настроенные молодые люди, которые ищут реальные возможности деятельности на основе новых ценностей; 5) молодые люди, у которых кризис ценностей доходит до разрушения смыслового ядра личности [см. 5]. Все эти группы представлены и в студенчестве, поэтому спектр предпочтений в иерархии инструментальных ценностей весьма велик.

Высшее образование, согласно проведенному на кафедре философии и культурологии БрГТУ исследованию (2000-2010 гг.), хорошее образование занимает одну из наиболее высоких позиций в ценностной иерархии брестских студентов. Вместе с тем мотивация в получении высшего образования весьма разнообразна. В ответе на вопрос, с какой целью студенты получают высшее образование, его значимость распределяется следующим образом: высшее образование дает хорошую перспективу в жизни; позволяет повысить уровень своего развития; дает хорошую специальность; дает возможность хорошо зарабатывать; наличие диплома позволяет сделать карьеру; студенческая жизнь вызывает положительные эмоции; учеба в вузе позволяет найти новых друзей; образование приобретается ради престижа.

Данные масштабного исследования, произведенного социологами БГУ в период до 2010 г., вполне кореллируются с данными, полученными в процессе опросов брестских студентов: белорусские студенты осознают ценность хорошего образования как средства самореализации, достижения профессиональных успехов и достойного социального статуса, который позволил бы обеспечить занятость и приемлемый уровень доходов [см. 2, с.94]. Таким образом, для современного студента высшее образование является одной из базовых ценностей, но в то же время рассматривается и как средство достижения различных жизненных целей, то есть выступает как инструментальная ценнрость. При всем многообразии условий и причин, стимулирующих получение высшего образования, одним из ведущих факторов является материальный.

Литература:

1. Мирошников, Ю. И. Ценностное сознание и его структура / Ю. И. Мирошников // Научный ежегодник Института философии и права. - Уральск, отд. РАН, 2003. - № 4.

2. Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998-2009 гг.) / под. ред. П.И. Бригадина, И.В. Левицкой. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010.

3. Гартман, Н. Этика / Гартман. – СПб: Владимир Даль, 2002.

4. Кемалова, Л.И. Трансформации ценностных ориентиров современной студенческой молодежи в условиях транзитивного общества / Л.И. Кемалова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum%20/KNP/162/knp162_156-158.pdf. - Дата доступа: 24.08.2013

5. Шмалей, С.В. Динамика ценностных ориентаций украинского студенчества / С.В. Шалей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/2293-dinamika-tsinnisnih-orientatsij-ukrayinskogo-studentstva.html. - Дата доступа: 02.09.2013.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЛОКАЛИЗАЦИИ В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Л.О. Ворошухо, г. Минск, Беларусь

Одной из ключевых характеристик современного мира выступает нестабильность во всем многообразии ее проявлений. Антропогенное давление на биосферу, достигшее своего критического уровня уже к 70-м годам XX столетия, и принимающее поистине катастрофические масштабы в условиях глобализации, выступает мощной предпосылкой для выработки стратегий по преодолению глобальной экологической нестабильности. С одной стороны, само понятие глобальных проблем предполагает то, что их разрешение зависит от совместных усилий всего человечества. С другой - как показал опыт концепции устойчивого

развития - диспропорции в экономическом, политическом, социальном развитии разных стран и регионов способны порождать крайне негативное отношение к каким бы то ни было стратегиям развития планетарного масштаба. Данные обстоятельства все в большей мере инициируют выдвижение на передний план локальных технологий, которые сегодня рассматриваются рядом специалистов как действенный способ обеспечения экологически устойчивого развития.

Развернувшийся глобализационный процесс, которым отмечены последние десятилетия, способствует все большему усугублению глобальной экологической проблемы. Так, И. Валлерстайн, определяя глобализацию как «экспансию капиталистического миро-хозяйства», выражает крайний скептицизм в отношении перспектив преодоления глобального экологического кризиса в рамках господствующей социально-политической системы [1]. По мнению мыслителя, это обусловлено тем обстоятельством, что капиталистический способ производства ориентирован не на удовлетворение потребностей, а на получение сверхприбыли. Развитие свободного рынка, детерминирующего процесс глобализации, ведет к усилению давления на биосферу. Глобализационные процессы, ведущие к стиранию границ и нивелированию частей единой миро-системы, в то же время порождают совершенно противоположные тенденции в мировой социодинамике. Так, Э. Гидденс, отмечая целый ряд негативных аспектов глобализации, в то же время в качестве ее позитивного эффекта называет локализацию, определяя последнюю как «процесс возрождения местной культурной идентичности во многих регионах мира» [2].

Локализационные тренды все больше обнаруживают себя в сфере отношений человека с окружающей социальной и природной средой. В социально-экологическом контексте под локализацией понимается процесс преодоления пагубного влияния глобализации на состояние биосферы путем возрождения и/или стимулирования культурных образцов и социальных практик в пределах локального сообщества. Ряд исследователей, интерпретируя глобализацию как корпоратизацию, указывают на то, что как локальные, так и национальные экономические системы по всему миру эксплуатируются и подавляются деятельностью инвесторов и ТНК [3, 4]. Глобализация представляется несовместимой с экологической устойчивостью, поскольку, основываясь на принципе свободной торговли, требует постоянного увеличения объемов грузоперевозок, что в свою очередь постоянно увеличивает объемы потребляемого топлива и выбросы CO_2 в атмосферу. Таким образом, локализация сегодня выступает как попытка предотвратить разрушение биосферы, которым неизбежно сопровождается глобализация.

Становление данного явления обусловлено рядом предпосылок. Одним из источников процесса локализации выступает движение локализма, которое возникло в 80-е гг. в Северной Америке, а затем распространилось и в Западной Европе. Изначально целью данного движения было развитие органического земледелия, а также поддержка производства и потребления местных продуктов. Основная идея данной инициативы заключается в том, чтобы свести к минимуму расстояние между производителем и покупателем. Локалистские практики имеют целый ряд преимуществ: сокращение количества вредных выбросов как следствие сокращения объемов транспортировки «глобальных» товаров, создание местных рынков труда, развитие малого бизнеса и местных экономических структур и др. Все это способствует формированию здоровой идентичности у членов сообщества и порождает чувство защищенности и психологического комфорта [4]. В свою очередь, организация экологически устойчивого производства и потребления требует развития институтов местного самоуправления. Таким образом, локализм, изначально ориентированный на производство чистых продуктов питания, стал импульсом для развития и других сфер жизни локальных сообществ.

Несложно заметить, что аналогичные идеи лежат в основе локальных стратегий устойчивого развития LA 21. Сегодня многим специалистам по устойчивому развитию именно локализация представляется наиболее перспективной альтернативой. Локальная стратегия устойчивого развития (LA 21), концепция которой была сформулирована по итогам мирового саммита Рио-91, по сути, артикулирует подход, изначально сформулированный в рамках локализма. Специфика и преимущество локальной стратегии заключается в том, что данная стратегия представляет собой не документ, а динамичный процесс, ключевым актором в котором выступает сообщество. Именно сообщество должно сформулировать образ устойчивого будущего, разработать план действий и реализовать его при финансовой и институциональной поддержке местных и национальных органов государственного управления. Выбор приоритетных аспектов локальной стратегии обусловлен рядом факторов, среди которых можно выделить следующие: уровень экономического развития, экологическая обстановка в регионе, безработица, социальные проблемы и конфликты, наличие и состояние институтов гражданского общества, уровень политической культуры. В то же время специалисты отмечают существенную динамику в определении приоритетности целей на пути к устойчивости. Так, в самом начале локализации в качестве основных направлений выступали вопросы возобновляемой энергетики, биоразнообразия, управления ресурсами, к началу 2000-х акцент сместился на социальные проблемы, а в настоящий момент интерес сообществ

направлен на вопросы, связанные с устойчивым потреблением, экологически рациональным ростом, а также социальным равенством и интеграцией [5]. Данный тренд сегодня обнаруживает себя в практике не только развитых, но и ряда развивающихся стран.

Таким образом, как движение локализма, так и практика локальных стратегий устойчивого развития отражают трансформацию представлений о путях преодоления глобального экологического кризиса. Данная трансформация нашла свое воплощение в феномене локализации, которая понимается как процесс, направленный на обеспечение и поддержание экологической устойчивости путем противостояния глобализации с разной степенью радикальности.

Литература:

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира / И. Валлерстайн. – М., 2003.

2. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М., 2004.

3. Page, J. Globalisation Explained / John Page. – Mode of access: //http: www.isec.org.uk

4. Norberg-Hodge, H., Gorelik, S. Social Costs of Globalisation / Helena Norberg-Hodge, Steven Gorelik. – Mode of access: //http: www.localfutures.org

5. Eckerberg, K., Dahlgren, K. Project of Process? Fifteen Years' Experience with Local Agenda 21 in Sweden / Katarina Eckerberg, Katrin Dahlgren // Economiaz. – 2007. № 64.

КИБЕРПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Е.Ф. Гонгало, г. Минск, Беларусь

Изучая историю медиа, канадский философ М. Маклюэн констатировал, что средство коммуникации само является сообщением (the medium is the message), акцентируя определяющую значимость не столько содержания того или иного сообщения, сколько формы организации передачи информации [1]. Каждое новое средство коммуникации может по-новому формовать наше видение действительности, задавать модель восприятия мира и своего места в нем. Основными вехами в развитии форм и методов хранения и передачи информации являются: возникновение речи; изобретение письменности и книгопечатания; появление радио и телевидения; развитие спутниковых, кабельных телекоммуникаций и компьютерных сетей. В современном мире неуклонно возрастает интенсивность информационно-коммуникационных процессов, по сути, задающих образ мира. Скорость распространения и многообразие информационных потоков открывают перед человеком

ранее невиданный спектр возможностей и, вместе с тем, бурное развитие средств массовой коммуникации таит в себе ряд опасностей.

На сегодняшний день, происходит трансформация традиционных механизмов идентификации под воздействием новых средств массовой коммуникации. В качестве такой новой среды для формирования идентичности современного человека выступает киберпространство. К примеру, Д. Белл выделяет два ракурса тематизации данного феномена: материальный и символический [2]. С одной стороны, киберпространство мыслится как глобальная компьютерная сеть, с другой, как воображаемое пространство между компьютерами, в котором пользователи могут конструировать себя и мир. Два этих ракурса являются взаимопроникающими.

Для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, самотождественных целостностей используется понятие идентичность. Существенно то, что идентичность является не свойством изначально присущим индивиду, а формируется и закрепляется или трансформируется только в ходе социальной интеракции. Это предполагает сознательную или не вполне осознанную ориентацию на определенный стиль жизни, систему ценностей. В ходе постепенной социализации человек осваивает различные социальные роли, можно сказать, что у него складывается множество идентификационных моделей. Личностное «Я» - точка пересечения этих «идентичностей», результат достижения баланса между персональным и социальным. Являясь важнейшим компонентом структуры личности, идентичность выступает условием сохранения равновесия «Я» и фактором развития развития личности.

Сеть Интернет – это не только способ хранения и передачи культурного опыта, это новая форма организации культурного содержания, задающая матрицу видения действительности современного человека. Среда, генерируемая компьютерными технологиями опосредования, тиражирует новую информационную систему координат, принципиально отличающуюся от транслируемой традиционными средствами массовой информации. Своеобразие Интернета в качестве коммуникативного пространства задано такими его характеристиками, к примеру, как мультимедийность, возможность формирования адресного контента, интерактивность, гипертекстуальность. Соответственно виртуальной личности (в английской терминологии virtual identity», а также «virtual personality», «virtual person», «virtual character») большинство исследователей приписывают такие черты как бестелесность, множественность и децентрированность, анонимность.

Киберпространство освобождает человека от навязчивой конкретности тела, выступая средой для свободной визуальной и

символической авторепрезентации. В этом пространстве особенно велика роль семиотической манифестации, субъективность конституируется через язык. Повествование способно поддерживать и организовывать реальность, в том числе, представление индивида о самом себе. Такое видение весьма созвучно конструктивистским и постмодернистским теориям. Основатель нарративного подхода в психологии Дж. Брунер для иллюстрации основной идеи своей монографии ссылается на показательное высказывание писателя Г. Джемса о том, что истории случаются только с теми, кто умеет их рассказывать, а если нет рассказа, то нет и самой истории [3], то есть жизнь – это нарратив. Интернет ресурсы в полной мере могут реализовывать потребность пользователя в проговаривании: от порождения дискурса о собственной повседневности до общения с Другими, порой воображаемыми.

В виртуальном пространстве возможно смелое игровое конструирование множества различных Я-образов, носящее экпериментальный характер. При «сборке биографии» [4] гендерный, этнический, гражданский, профессиональный признаки, традиционно ключевые в идентификационном процессе, могут отходить на второй план. Многочисленные и противоречивые информационные потоки, увеличение частоты контактов между индивидами (хоть и ставших менее устойчивыми и более поверхностными), расширение представлений об иных традициях так же приводят к сложности увязывания множества образов себя в единую систему. Именно в связи с этим вполне симптоматичны заявления о кризисе идентичности в информационном обществе. Вместе с тем проблема множественности Я не является порождением исключительно киберпространства, с особой остротой она была актуализирована в рамках экзистенциальной философии, акцентировавшей человеческое существование в качестве открытого проекта, в котором личность – возможность самой себя, которая не исчерпывается никакой самореализацией. С точки зрения психоаналитиков, человек имеет не неделимую, а фрагментированную, разорванную сущность. Он никогда не тождественен какому-либо своему атрибуту и его Я никогда не может быть определено, так как перманентно находится в поиске самого себя.

Изначально идеология киберпространства строилась на принципах анонимности, антииерархичности и свободы от цензуры, считаясь даже продолжением анархистских идей горизонтальных ассоциаций. Современные же тенденции развития сети скорее свидетельствуют об утрате анонимности. Достаточно упомянуть значительный объем информации личного характера о пользователях, накопленной в социальных сетях, или идентификационных файлах и контекстной

рекламе. В таком случае, виртуальное выступает продолжением социального, а не его альтернативой.

Литература:

1. Маклюэн, М. Г. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Г. Маклюэн. – М., 2003.

2. Bell, D. An Introduction to Cybercultures / D. Bell. – London, 2001.

3. Bruner, J. Life as Narrative / J. Bruner // Social Research. – 2004. – Vol 71. –№ 3.

4. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И САМОПОЗНАНИЕ

Г.Ж. Джуманова, г. Алматы, Казахстан

Одна из актуальных проблем в условиях глобализирующегося мира – это проблема сохранения национальной идентичности. В Казахстане этой проблеме уделяют особое внимание, так как национальная идентичность, национальное сознание, будучи элементом общественного сознания, духовной жизни общества непосредственно влияют на целостность и единство нашей страны, ее динамичное развитие. Роль национальной идентичности можно рассматривать как элемент «мягкой силы» («soft power»), влияющий на состояние духовной безопасности многонационального и многоконфессионального общества.

В широком смысле понятие идентичность означает самосознание индивида или группы, их самоопределение, самоотождествление в социуме. По сути, идентичность – это защитный механизм, оберегающий личность в контактах с другими людьми. Она помогает нам быть и оставаться теми, кем мы являемся или стремимся стать» [1, с.18].

Важной составляющей национальной идентичности является религиозная идентичность, которая особенно актуализируется в условиях возрождения религии, конфессионального плюрализма.

Проблема сохранения и упрочения национально-религиозной идентичности особенно злободневна среди молодежи, которая в силу возрастных особенностей, находится еще в процессе становления, самоопределения, духовного поиска. В условиях экономической, политической, духовной либерализации общества в мировоззрении, ценностных ориентациях казахстанской молодежи произошли заметные изменения. Современная молодежь проявляет больший интерес и уважение к религии, чем старшее поколение, воспитанное на идеологии советского атеизма. Она отстаивает религиозную свободу, поддерживает рост религиозности среди населения. Так, по данным социологических

опросов, почти две трети молодых людей (77,3%) идентифицируют себя верующими, а еще почти пятая часть (19%) – неверующие, но положительно относятся к религии и верующим. В то же время большую часть верующих составляют пассивные верующие. Лишь 3,8 % юношей и девушек отнесли себя к атеистам. При этом больше всего среди казахстанской молодежи приверженцев двух религий: ислама – 63,4% и православия – 22,3% [2, с.36].

Вместе с тем, сегодня наблюдается тревожная тенденция роста количества молодежи, приверженной радикальным религиозным течениям, у которой происходит изменение традиционной идентичности. Важно, чтобы эта тенденция не перешла в новое качество, коренным образом не изменила светский характер нашего общества и государства. Причины, которые толкают юношей и девушек в ряды экстремистских религиозных организаций разнообразные: экзистенциальные, психологические, образовательные, экономические и другие. Потенциальной жертвой деструктивных культов может стать любой человек с какими-либо проблемами, находящийся в состоянии страха, зависимости, беспомощности, разочарования. Молодые люди ищут в религиозной секте то, чего лишены в обычной жизни: любви, внимания, понимания со стороны близких людей, уверенности в себе, ясности перспективы. Именно в таких ситуациях появляются «мессии», которые предлагают простые и конкретные пути спасения, решения сложных проблем, избавляют от необходимости «много думать», принимать самостоятельные решения и брать на себя ответственность.

Особо следует отметить такой фактор изменения национально-религиозной идентичности как Интернет, существенно влияющий на сознание молодежи через различные сообщества, группы по интересам, их особые ценности, идеалы, образцы поведения. «Как и все здание культуры, Интернет способен оказывать влияние на идентичность пользователя» [3,с.128]. Создание новой сетевой, виртуальной идентичности, объясняется отсутствием реального живого общения, стремлением продемонстрировать все личностные стороны в Сети. Погружаясь в Интернет, отрываясь от действительности, убегая от скуки, заводя в виртуальном мире случайные связи и отношения, юноши и девушки быстро, некритично воспринимают новые опасные идеи, которые меняют их мировоззрение и поведение.

Религиозная идентичность формируется по-разному. Она может быть свободно выбранной, когда религию выбирает сам индивид, как, например, в протестантизме, где принцип свободы вероисповедания означает осознанный выбор человеком своей веры в совершеннолетнем возрасте.

Религиозная идентичность может быть традиционной, т.е. обусловленной существующими национальными, отеческими традициями, сложившимися в народе, семье. В традиционной идентичности национальный и религиозный компоненты самосознания обычно тесно переплетаются, могут совпадать, происходит «национализация» местных религий, что проявляется в истории некоторых народов. Например, в подавляющем большинстве арабы – приверженцы ислама, евреи – иудаизма, индусы – индуизма, итальянцы, испанцы, французы – католицизма, русские – православия, американцы – протестантизма и т.д.

Большинство современных казахов традиционно являются мусульманами-суннитами ханафитского мазхаба, признающего национальные традиции и обычаи. Эта местная особенность нашла отражение в Законе РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». В нем отмечается историческая роль двух традиционных религий в Казахстане - ханафитского ислама и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа. При этом данный закон также уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана, признает важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан [4].

Религиозная идентичность может быть навязанной. Такая идентичность несвободна, она насильно навязывается индивиду, в частности, деструктивными религиозными течениями. В результате идеологической и психологической обработки адепты идентифицируют себя только как членов данной религиозной общины, лояльны и преданны только ей. Им навязана групповая, сектантская идентичность, которая вносит отчуждение и разногласия в семью, разъединяет традиционную общину, раскалывает общество и государство.

В настоящее время в Казахстане навязывается исламская идентичность фундаменталистского экстремистского толка, представляющая угрозу традиционной национально-религиозной идентичности. Она отрицает национально-культурные особенности казахов, навязывает наднациональную религиозную исламскую идентичность, исламские ценности, традиции, нормы и законы шариата, действующие преимущественно в арабских странах. По сути, религиозный фундаментализм (салафизм) навязывает казахстанскому обществу исламизацию и арабизацию, способствует утрате собственной национальной идентичности, национального самосознания, чувства патриотизма.

Другие (неисламские) нетрадиционные религиозные направления также навязывают свою конфессиональную идентичность. Их идеология и практика способствуют размыванию, эрозии традиционной идентичности,

изменяют мировоззрение и поведение молодых казахстанцев, ведут к их маргинализации, в целом создают угрозу социальной, духовной стабильности общества. Устойчивость национальной идентичности тесно связана с самопознанием личности. В этой связи востребованность образовательной программы «Самопознание», инициированной Первой Леди страны С.А.Назарбаевой, как одного из эффективных средств, побуждающего учащихся глубоко познавать свое предназначение, место в жизни, свою историю, культуру, традиции, обычаи, а значит укрепляющего традиционную национальную идентичность, духовно-нравственное, патриотическое воспитание казахстанской молодежи, все более повышается.

Литература:

1. Де Фреде, Эрик. Культура, цивилизация, идентичность / Эрик де Фреде // Полис. – 2012. – № 5.

2.Телебаев, Г.Т. Особенности религиозной идентификации современной казахстанской молодежи / Г.Т. Телебаев // Проблемы религиозной идентификации в контексте национальной безопасности. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию КазНУ им. аль-Фараби. – Алматы, 2008.

3.Ильин, А.Н. Интернет как альтернатива политически ангажированным СМИ / А.Н. Ильин // Полис. – 2012. – № 4.

4.Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». – Астана, 2011.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

А.С. Дударёнок, г. Минск, Беларусь

Современный этап развития человечества характеризуется глобальным расширением влияния на общество информационной составляющей, постепенно переходящим в её доминирование. Следствием развития информационного общества, где главной ценностью является информация, выступает постепенное, но все более ускоряющееся и всепроникающее распространение сетевых структур разного рода, приобретение современной культурой сетевого характера, появление новых социокультурных идентичностей, внедрение «белых» и «черных» маркетинговых стратегий в процессы социального взаимодействия и в целом – формирование нетократического общества.

Процесс вхождения человечества в стадию информационного общества получил бурное развитие, начиная со второй половины прошлого столетия, когда кардинальные перемены, затрагивавшие практически все сферы жизни людей, происходили менее чем за десятилетие. После окончания Второй мировой войны начинается

тридцатилетний период взрывного роста экономики, политической активности и социальных преобразований. В числе основных причин экономических и социальных трансформаций В.А. Грабауров называет, прежде всего, развитие информационных технологий и последовавшую за этим революцию в управлении [1].

Именно тогда, по мнению Э. Хобсбаума, «для 80% человечества средневековье закончилось внезапно в 1950-е гг., хотя осознание этого пришло не раньше 60-х гг. XX в.», когда началось формирование новой глобальной мировой экономической системы, для которой государственная территория и государственные границы скорее являлись осложняющим фактором, которая фактически не имела четких пределов и сама задавала рамки экономическим системам государств [2]. Тогда же, в начале 1960-х гг., в научный оборот были введены понятия «информационная экономика» и «информационное общество» [1].

На волне значительного экономического роста и возрастания потребностей общества произошли серьёзные социально-культурные изменения. С середины XX в. начинается стремительная экспансия массовой культуры, ценностей общества потребления, на Западе зарождаются различные молодежные контркультурные движения. Одновременно с этим в 1960-1980-х гг. происходит подъем высшего образования, а число студентов в промышленно развитых государствах и странах третьего мира увеличивается в десятки, а иногда в сотни раз, что превратило студенческую молодежь в значительную социально-политическую силу. Вместе с тем на фоне научно-технического прогресса и интенсификации процессов урбанизации происходит резкое сокращение крестьянства и возрастание числа работников, занятых распределением или созданием новых знаний и информации [1]. Распространяется академический и общественный дискурс, согласно которому современное социальное развитие неизбежно ведет к секуляризации мира, ослаблению значимости религии для доминирующего мировоззрения и утраты ею центрального положения в публичных пространствах с последующим полным уходом религии из публичной сферы [3].

В 1972 г. А. Эйстер отмечал, что все институты общества, ответственные за производство и трансляцию в массы смысловых структур любого рода (религия, культура, политика, социальная сфера и др.), претерпевают в современном мире глубокие внутренние изменения, которые сопровождаются рядом кризисных состояний и всесторонним переосмыслением оснований и принципов своего существования. Эти процессы приводят к увеличению количества движений, также вырабатывающих смысловые стркуктуры, но альтернативные традиционным смыслополагающим институтам общества [4].

В это же время масштабный и массовый по сравнению с прошлым характер приобретает феномен нетрадиционной религиозности. С 1960-70-х гг. человечество начинает переживать рост числа нетрадиционных религиозных движений. На мировой религиозной сцене резко увеличиваются количество религиозных организаций с неразвитой структурой и вероучением, без постоянного членства и харизматического лидерства, с нечеткими границами и регулярно меняющимися целями существования [4]. Хотя возникновение и развитие новых религий в большей части мира обычно относят к XIX в., 60–70-е гг. XX в. часто характеризуют как время религиозного ажиотажа, возникновения множества новых и широкого распространения старых сект и культов [5, с. 84-86].

В свою очередь, в СССР вследствие сокращения влияния на общество традиционных религий и формирования в этот период на фоне кризиса советской идеологической политики ценностного вакуума (по Ч. Глоку – отсутствия значимой системы ценностей, в соответствии с которой они могли бы строить свою жизнь [6]) также наблюдалось возрастание интереса к различным проявлениям и элементам примитивизированной религиозности: астрологии, магии, колдовству, уфологии, экстрасенсорике, парапсихологии и др.

Информационная сфера и информационное общество стали тем полем, на котором начали осуществляться процессы коммуникации между источниками информации в различных сферах, в том числе религиозной, при этом в соответствии с принципам и способами сетевой организации.

Подобный подход нашел свое отражение и в сфере нетрадиционной религиозности. По мнению И.Г. Каргиной, здесь вполне уместно вспомнить слова Пьера Бурдье, написанные им 40 лет назад и обозначившие ключевой признак и вектор развития религиозного нарратива: «Сакральное становится капиталом, который актор может использовать для того, чтобы выстраивать или создавать различия между ним (актором) и другими, обеспечивать лучшую интеграцию, а также более высокий статус в социальном поле» [7]. В этом отношении конкурентные преимущества в информационном обществе определяются приоритетным положением качественной информации (знания) – талантом и умением получать эксклюзивное знание, манипулировать сетевой информацией, распоряжаться технологическим знанием как товаром [8].

Таким образом, в числе основных факторов, повлиявших на популярность новых религиозных движений в период зарождения и становления информационного общества можно отметить высокие темпы мирового научно-технического прогресса, распространение либеральной модели экономического развития, трансформацию социально-политического и культурно-религиозного пространства, интенсификацию

процессов глобализации, транснационализации и информатизации общества, кризис традиционных ценностей и идеологий, широкое распространение идеологии общества потребления и массовой культуры (на фоне «потерянного поколения», появившегося после Второй мировой войны), расширение процессов секуляризации, а также снижение авторитета религиозных конфессий.

Литература:

1. Грабауров, В.А. Информационные технологии для менеджеров / В.А. Грабауров. – М., 2005.

2. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / Э. Хобсбаум. – М.: Изд-во Независимая Газета, 2004.

3. Эйзенштадт, Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация / Ш. Эйзенштадт // Государство. Религия. Церковь. – 2012.№1.

4. Мартинович, В.А. Введение в понятийный аппарат сектоведения / В.А. Мартинович. – Минск: БГУ, 2008.

5. Быков, Р.А. Исторические условия формирования новых религиозных движений в России / Р.А. Быков // Вестник Томского государственного университета. – 2012.№ 360.

6. Мартинович, В.А. Влияние миграции и возникновения новых религиозных движений на формирование конфессионального пространства Беларуси / В.А. Мартинович // Сектоведение. – 2011. Том 1.

7. Каргина, И.Г.Новые религиозности: социологические рефлексии / И.Г. Каргина // Вестник МГИМО Университета. – 2012. № 2.

8. Зуев, А.Г. Нетократия: Стратовые противоречия сетевого информационного общества / А.Г. Зуев, Л.А. Мясникова // Свободная мысль-XXI. – 2005.№ 9.

АЛЬТРУИЗМ И НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СУЩНОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РАБОТЕ ПРАКТИКУЮЩЕГО ПСИХОЛОГА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НА МЕСТАХ КАТАСТРОФ)

Е.Ю.Ермакова, г.Марьина Горка, Беларусь

В настоящее время разворачивается катастрофа дегуманизации общества. Особенно трагично, что этот процесс захватил молодежь – будущее страны. Как российскую, так и белорусскую молодежь уже затронули пагубные процессы утраты нравственных ценностей – многовековой гордости наших братских народов,- и темпы этих процессов нарастают.

Альтруизм и нравственность в своей совокупности составляют гуманизм (человечность) – основополагающее качество человека. Хотя понятие альтруизма введено только в 19 в. О.Контом, само это качество

ценилось с глубокой древности. По мысли Ч.Дарвина [1], впоследствии развитой П.А.Кропоткиным [2] и акад. В.П.Эфроимсоном [3], альтруизм и нравственность выработаны в ходе естественного отбора и врождены человеку, а значит, гуманное поведение для человека естественно, а бесчеловечное – противоестественно. При этом генетик В.П.Эфроимсон опровергает взгляды модного ныне социал-дарвинизма, согласно которым «человек человеку волк» и в человеческом обществе «выживает сильнейший». Он доказывает, что без альтруизма и нравственности человечество вообще неспособно выжить и что продолжающийся и поныне естественный отбор физически уничтожает безнравственность посредством венерических заболеваний, СПИДа, наркомании и т.п.

Гуманистическая психология – одна из крупнейших в мире психологических школ – это своеобразная психология-философия, проникнутая духом гуманизма. Так, К.Роджерс ввел важнейшее для психологической помощи понятие эмпатии – полного и искреннего сочувствия [4]. А.Маслоу ставит во главу своего учения идею самоактуализации – счастливого служения полезному делу [5]. В.Франкл сам стал живым примером самоотверженнейшего альтруизма: будучи узником фашистского концлагеря, он оказывал психологическую помощь другим узникам, спасая многих от самоубийства [6]. Э.Фромм обосновал противопоставление «модуса обладания» (эгоистического, потребительского образа жизни) и «модуса бытия» (свободной и гуманной, единственно подлинной жизни человека) [7].

Мы используем в свой работе многие идеи гуманистической психологии, однако имеем основание утверждать, что гуманизм, понимаемый как *человечность*, шире, чем то содержание, которое вкладывает в это понятие гуманистическая психология-философия.

Наш опыт практической психологической работы в России и в Беларуси (с детьми и со взрослыми, в «мирных» условиях и в экстремальных ситуациях - на местах катастроф) полностью построен на естественных для человека нравственных ценностях. Центральное место в этой работе занимает становление альтруистической деятельности и нравственных отношений.

По России на рубеже прошлого и нынешнего веков прокатилась волна тяжёлых катастроф (множественные теракты, гибель подводной лодки «Курск» и др.). Российская ситуация при этом характеризовалась тем, что зачастую помощь людям на местах оказывали преимущественно добровольцы. В таких условиях от каждого психолога-добровольца требовалось быстро оказать экстренную помощь как можно большему количеству людей, - в идеале – своевременно найти и помочь всем нуждающимся. Здесь спасительным оказывается естественный для человека альтруизм на основе эмпатии (сочувствия). Психолог активно

привлекает тех, кто нуждается в помощи, в свою очередь оказывать посильную помощь друг другу, а также отыскивать тех, кто находится в тяжелом душевном состоянии. Возникает обстановка массовой бескорыстной взаимопомощи, направляемой психологом.

Так, например, не месте одного из терактов к психологу самостоятельно обратились два подростка с фобиями (страхами), возникшими после взрыва. Лучшим «лечением» для них оказалось обойти свой небольшой городок и выявить хотя бы часть семей, в которые пришло горе (оба подростка отвлеклись на альтруистическую деятельность от своих страхов, - и полностью избавились от них). В числе других пострадавших они разыскали мать, потерявшую сына и переживающую отчаяние. Психолог убедил эту женщину (врача по профессии) присоединиться к бригаде добровольцев-врачей, лечивших пострадавших. Эта работа, как выяснилось, помогла ей отбросить мысли о суициде. Еще две семьи удалось объединить для преодоления их горя: пожилых родителей, потерявших взрослого сына-военнослужащего (после взрыва многие военнослужащие отказывались от экстренной медицинской помощи в пользу детей; этот человек был одним из них) и молодых супругов, на глазах у которых погибли двое из трех их малолетних детей. Пожилые люди взяли на себя часть заботы о малыше, а молодые – заботу о пожилых. Практика показывает, что зачастую альтруистическая деятельность спасает эффективнее, чем традиционные формы психологической помощи.

Традиционные формы психологической помощи использовались также очень активно, но всякий раз они опирались на нравственные ценности. Приведем здесь только один пример. Родители одного из моряков, утонувших на подводной лодке «Курск», решили взять в свою семью молодую женщину - гражданскую жену своего погибшего сына, ожидавшую от него ребенка,- причем не одну, а вместе с ее ребенком от первого брака. Психологическая помощь этим родителям заключалась в беседе о том, что они своим поступком дают счастье сразу трем людям – молодой женщине, ее трехлетнему сыну и ее будущему ребенку. Одна такая беседа вывела обоих из состояния тяжелого горя и, по их словам, дала им ощущение глубокой радости.

В мирной жизни становление альтруизма и нравственности имеет особое значение в психологической работе с молодежью. В этом возрасте формируется нравственное мировоззрение человека, определяется его нравственный облик на всю дальнейшую жизнь.

В нашей практике (на базе школ и детского санатория) высокую результативность показали т.наз. *отряды добрых дел* - организованные психологом коллективы подростков, которые осуществляют активную альтруистическую деятельность и одновременно посещают специальные

занятия по психологии. На этих занятиях подростки обучаются эмпатии, альтруизму и нравственным отношениям. Подобные же занятия в форме спецкурсов пользуются популярностью среди студенческой молодежи (работа проводилась в психологических и педагогических частных вузах России; причем к ней часто присоединялись студенты других специальностей). *Последнее свидетельствует о том, что, вопреки массовой духовной деградации молодежи, та же молодежь в душе стремится к гуманизму. И здесь дело за преподавателями – нужно, по-видимому, не сетовать на «испорченность» молодежи, а находить формы эффективной воспитательной работы.*

При индивидуальной психологической помощи наш опыт показывает результативность нравственно-ориентированной работы с каждым человеком. Эта работа должна быть не поучающе-морализирующей, а направленной на принятие нравственных ценностей, гуманное отношение к людям и практические нравственные поступки. (Для молодежи это особенно важно!) При всем многообразии личных причин обращения за психологической помощью нет таких случаев, где работа психолога не должна носить нравственно-ориентированного характера. Подлинная гуманность, человечность - основа для разрешения любых жизненных проблем. И происходит это в силу того, что именно человечность для человека является высшей и абсолютной сущностной ценностью.

Литература:

1. Дарвин, Ч. Соч. / Ч. Дарвин. – Т. 5. – М.: изд-во АПН СССР, 1953.
2. Кропоткин, П.А. Этика / П.А. Кропоткин. – М.: Политиздат, 1991.
3. Эфроимсон, В.П. Родословная альтруизма. Этика с позиций эволюционной генетики / В.П. Эфроимсон // Новый мир. –1971. – № 10.
4. Rogers, C.R. Empatic: an unappreciated way of being / C.R. Rogers // The Counseling Psychologist. – 1975. – V. 5. – N 2.
5. Maslow, A. Self-actualizing and Beyond / A. Maslow // Challenges of Humanistic Psychology. – N. Y., 1967.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс. – 1990.
7. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: Прогресс. – 1991.

КАШТОЎНАСЦЬ ЯК ВЫЗНАЧАЛЬНЫ АБ’ЕКТ ДУХОЎНАЙ КУЛЬТУРЫ

У. А. Жылко, г. Мінск, Беларусь

На сённяшні дзень праблемы духоўнай культуры набываюць незвычайную актуальнасць, што непасрэдным чынам звязана з

асаблівасцямі сучаснай культурнай сітуацыі, для якой у пэўнай ступені характэрны своеасаблівы адыход ад духоўнасці, што прадугледжвае пасіўную энтрапію духоўных патэнцый.

Пад духоўнай культурай варта разумець сукупнасць феноменаў культуры, выражаных у ідэальнай форме. Да такіх аб'ектаў можна аднесці каштоўнасці, ідэі, ідэалы, сімвалы, веды, значэнні, правілы, узоры, эталоны, нормы, законы, міфы, звычаі, традыцыі. Духоўная культура ахоплівае сферу свядомасці, выступае так званым прадуктам духоўнай вытворчасці – стварэння, размеркавання і спажывання духоўных каштоўнасцей. Тым не менш, строгае адасабленне матэрыяльнай і духоўнай культуры з'яўляецца памылковым, паколькі любая ідэя пасля свайго фармулявання аб'ектывуецца ў нейкі артэфакт, твор. Феномен духоўнасці складана выразіць пры дапамозе рацыянальных паняццяў. М. Бердзяеў пісаў, што ў дачыненні да духу нельга выпрацаваць паняцце, але можна выявіць прыкметы: свабоду, сэнс, творчую актыўнасць, цэласнасць, любоў, зварот да боскага свету і яднання [1, с. 172 – 176].

Каштоўнасці, якія выступаюць у якасці аб'екта культуры, аднолькава характэрнага для матэрыяльнай і духоўнай яе разнавіднасці, тым не менш маюць адрозненні ў сваім выражэнні: каштоўнасці ў межах духоўнай культуры ёсць каштоўнасці агульначалавечага плана, яны не маюць межаў спажывання, не маюць коштавага выражэння, практычнай накіраванасці. Як кажуць, натхненне не прадаецца, але рукапіс прадаць можна.

Паводле М. Бярдзяева, чалавек – ёсць істота, якая ацэньвае. Чалавек здольны не проста ажыццяўляць нейкую дзейнасць, але і пэўным чынам ставіцца да гэтага. Каштоўнасці ёсць уяўленні, у якіх адлюстроўваецца значэнне (станоўчае або адмоўнае) для чалавека прадметаў, з'яў, падзей з пункту гледжання задавальнення яго патрэб і інтарэсаў. Дзякуючы сваёй здольнасці каштоўнаснага стаўлення да свету, чалавек напаўняе сваю дзейнасць і жыццё навокал сэнсам – асэнсоўвае яго, вылучае істотнае. Ён такім чынам імкнецца дайсці да каранёў існага – у гэтым і заключаецца сфера духоўнасці. А стваральная, творчая дзейнасць і атрыманы досвед – сферы, у якіх праяўляецца, развіваецца і існуе духоўная культура.

З трох вызначальных кампанентаў духоўнай культуры грамадства (іерархія каштоўнасцей, карціна свету, стыль мыслення) вядучым выступае іерархія каштоўнасцей. Каштоўнасці – дэтэрмінанты сэнсаўтварэння, якое становіцца сэнсавым напаўненнем любой культуры. Каштоўнасці, як з'ява, уласцівая суб'ектам культуры як то асобнаму чалавеку, так і грамадству, неразрыўна звязаны з катэгорыяй культуры. Роля культуры ў жыцці чалавека як цэласнай сукупнасці прадметных і духоўных умоў, перадумоў, што ўздзейнічаюць на яго, яго лад жыцця і светапогляд, немагчыма пераацаніць. Культура ўздзейнічае на чалавека, яго досвед, лад жыцця, тым самым праяўляючы свой сэнсаўтваральны патэнцыял. А каштоўнасці

самі па сабе з’яўляюцца тым стрыжнем, вакол якога будуецца культура, яны вызначаюць стракатасць, шматстайнасць традыцый, нормаў, сімвалаў і праяваў. Інакш кажучы, каштоўнасці адносяцца не да сферы быцця, а да вобласці значэнняў. Можна сказаць, што каштоўнасці адлюстроўваюць асаблівасці, патрэбы, інтарэсы чалавека і служаць падставай ацэнкі значэнні з'яў рэчаіснасці для суб'екта. Такім чынам, стаўленне да суб'екта ёсць зыходны прынцып каштоўнасных адносін. Прадукт матэрыяльнай або духоўнай дзейнасці становіцца дабром, ці каштоўнасцю, менавіта ў рамках гэтых адносін, калі ён нешта значыць для суб'екта. Але калі прызнаць, што чалавек стварае і ў матэрыяльнай і ў духоўнай сферы тое, што мае для яго значэнне, а значнае для суб'екта ёсць каштоўнасць, то выснова адназначная: ўсё створанае чалавекам, гэта значыць яго культура, ёсць каштоўнасць.

Тэма ўзаемадачыненняў культуры і каштоўнасцяў была прадметам разважанняў многіх вядомых філосафаў, паколькі яна тычыцца разумення самой сутнасці культуры. Адзін з заснавальнікаў тэорыі каштоўнасцяў у філасофіі Г. Рыккерт пісаў: "Калі працэс рэалізацыі усеагульных сацыяльных каштоўнасцяў на працягу гістарычнага развіцця мы назавем культурай, то тады мы зможам сказаць, што галоўным прадметам гісторыі з'яўляецца адлюстраванне частак і цэлага культурнага жыцця чалавека…[2, с. 164] ". Для сацыёлага П. Сарокіна каштоўнасці з'яўляюцца асновай, падмуркам усялякай культуры. З гэтымі азначэннямі можна згаджацца і не пагаджацца, але з тым, што такія буйныя мысляры збліжаюць і нават ідэнтыфікуюць культуру і каштоўнасці, безумоўна, варта лічыцца.

П. Сарокін вылучыў каштоўнасць у якасці базавага паняцця, ён падкрэсліваў, што менавіта каштоўнасці з’яўляюцца галоўнай пабуджальнай і рухаючай сілай грамадства. Любое грамадства характарызуецца уласцівай яму сістэмай каштоўнасцяў Яна з'яўляецца асноўным рэгулятарам чалавечай дзейнасці, ад яе залежаць думка, творчасць і вераванні індывідаў кожнага грамадства. П. Сарокін лічыць, што, даследуючы культурныя якасці (значэнні, нормы, каштоўнасці), схаваныя ў свядомасці індывідаў і выяўляючы ў іх дзейнасці (у культурных узорах), можна выявіць працяглыя перыяды чалавечай гісторыі, якія абапіраюцца на адны і тыя ж каштоўнасці, г.зн. розныя культуры. Кожная з гэтых культур непаўторная, яна нараджаецца, дасягае росквіту і затым памірае. На змену ёй прыходзіць іншая культура, якая абапіраецца на новую сістэму каштоўнасцяў і якая стварае свой, асаблівы свет чалавечага існавання.

Усякая вялікая культура ёсць не проста кангламерат розных суіснуючых з’яваў, якія аднак ніякім чынам не звязаны адна з адной, а ёсць адзінаства або індывідуальнасць, усе складнікі якога прасякнуты адным вызначальным прынцыпам і выражаюць адну галоўную каштоўнасць.

Дамінуючыя рысы мастацтваў і навукі такой адзінай культуры, яе філасофія і рэлігія, этыка і права, яе асноўныя формы сацыяльнай, эканамічнай, палітычнай арганізацыі, пераважная частка яе нораваў і звычаяў, яе лад жыцця і мыслення (менталітэт) – усе яны па-свойму выражаюць яе вызначальны прынцып, яе галоўную каштоўнасць [4, с 424].

Класіфікацыя каштоўнайцей паводле П. Сарокіна прадстаўлена чатырма групамі. Першая ўключае каштоўнасці, якія ўзнікаюць у выніку пазнавальнай дзейнасці (асноўная сярод іх – праўда). Другая ахоплівае каштоўнасці эстэтычнага задавальнення (цэнтральная – прыгажосць). Трэцяя тычыцца каштоўнасцяў сацыяльнай адаптацыі і маралі (дамінанта – дабро). Чацвёртая група прадугледжвае наяўнасць каштоўнасцяў, якія аб'ядноўваюць усё ў адзінае цэлае (карысць) 385 – 386 . Атрымліваецца, што культура – гэта сістэма каштоўнасцяў, з дапамогай якіх грамадства інтэгруецца, падтрымлівае функцыянаванне і ўзаемасувязь сваіх інстытутаў.

Такім чынам, культура выступае як сукупнасць дасягнутых у працэсе асваення свету матэрыяльных і духоўных каштоўнасцей. Усё вышэйакрэсленае дыктуе неабходнасць паглядзець на айчынную гісторыю і культуру з пазіцыі духоўна-маральнага пачатку, яе каштоўнаснага зместу і напаўнення.

Літаратура:

1. Бердяев, М. Царство духа и царство кесаря / М. Бердяев. – М.: АСТ, 2006.
2. Зборовский, Г. Е. История социологии / Г. Е. Зборовский. – М.: Гардарики, 2004.
3. Риккерт, Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998.
4. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М: Политиздат, 1992.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

С.В. Иглидан, г. Одесса, Украина

Социокультурная безопасность – неотъемлемая часть профессиональной культуры педагога. Наряду с духовно-нравственными и социально-правовыми аспектами, социокультурная безопасность на рубеже XX — XXI веков привлекает внимание ученых, различных научных отраслей (педагогика, философия, социология и психология), как близкого, так и дальнего зарубежья.

Сущность глобализационных процессов, связанных с безопасностью, невозможно понять во всей полноте, не учитывая всех тех изменений, которые произошли в области культуры. Влияние данных

процессов – значителен. Актуальность проблемы духовно-нравственного воспитания связана с тем, что в современном мире человек живет и развивается, окруженный множеством разнообразных источников сильного воздействия на него, как позитивного, так и негативного характера (это в первую очередь средства массовой коммуникации и информации, компьютерные технологии и Интернет ресурсы), которые ежедневно заполняют неокрепший интеллект и чувства молодого человека, и бесповоротно влияют на его формирующуюся сферу нравственности и диктуют свои критерии бытия и модели поведения. Формирование планетарного мышления как нового культурного феномена приводит к трансформации мировоззрения, ценностных ориентаций, разрушающие нравственные ценности и идеалы. По мнению Л.И. Шершнева, переход социума в фазу «информационной революции» породило войну «нового типа», военные действия которой осуществляются без использования оружия. Идея подобного рода «войны» XXI века заключается в уничтожении духовно-нравственной сущности личности. Поэтому вопросы безопасности с каждым годом приобретают вселенского масштаба.

Духовно-нравственный кризис, низкий уровень культурного развития молодого поколения, невосприятие им универсальной ценностной системы, основанной на высших духовно-нравственных абсолютах, может привести к возникновению реальной угрозы дальнейшего развития общества [3]. Этим обстоятельствам способствуют: интенсивные глобализационные процессы, некритическое заимствование с наружи и насильственное внедрение экономических и политических моделей, разрушение базовых ценностей религиозной и светской культур. Система ценностей, которая составляет фундамент первичных смыслов бытия, является наивысшим уровнем регуляции социальных процессов. Она формирует в человеке внутренний стержень культуры, становится «фундаментом» его отношения к миру. Так, потеря человечеством универсальной ценностной системы, которая опирается на высшие духовные и моральные абсолюты может привести к угрозе самоуничтожения. Поэтому особые требования сталкиваются высшие учебные заведения, которые должны осуществлять формирование социокультурной безопасности у будущих учителей на высших образцах духовно-нравственных идеалов, общечеловеческих ценностей средствами приобщения к классическому искусству.

В справочной литературе, под безопасностью подразумевается состояние, при котором невозможно нанесение вреда кому-либо или чему-либо вследствие проявления угроз, то есть защищенность их от угроз. Итак, безопасность можно рассматривать как защиту сфер бытия личности, семьи, нации и человечества: объективно-духовного бытия -

духовной жизни в их социальности: духовных ценностей, веры, морали, идентичности, культуры, менталитета; материально-предметного бытия - материальных условий существования, обеспечивается благодаря деятельности по созданию необходимых предметов, прежде всего в социальной, культурной сферах жизни человека, включающий в себя как материальные так и духовные элементы бытия.

Существуют широко распространённые словосочетания со словами «дух», «душа», которые по своей природе подразумевают далеко не религиозные воззрения, как в основном принято считать в научно-педагогическом знании. Ключевым понятием для полного понимания этимологии этих терминов является понятие «духовность». Так, Г.Гегель считал: «…и лишь через усовершенствование своего тела и духа, главным образом благодаря тому, что его самосознание постигает себя как свободное, он вступает во владениесобою истановится собственностью себя самого и по отношению к другим» [2].

В педагогической литературе под «духовностью» трактуется состояние человеческого самосознания, которое реализуется в мыслях, словах и поступках. Она определяет степень овладения людьми различными видами духовной культуры: искусством, философией, религией, а также комплексными знаниями изучаемых в вузе дисциплин.

Духовность, нравственность — базовые характеристики личности, проявляющиеся в деятельности и поведении. В научных источниках нравственность и мораль - тождественные понятия, но нравственность отражает общечеловеческие ценности, а мораль зависит от конкретных условий жизни различных слоёв общества.

Социокультурная безопасность многогранна. Она выражается в нормах закона, морали, социальных институтов, в экономических возможностях, социальным положением человека или группы. Не последнее место в этом процессе занимают и интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности, образовательный уровень населения, научные и производственные ресурсы, многообразие, эффективность экономических, культурно-исторических связей [4]. Социокультурная безопасность охватывает: духовную, социальную, информационную, гуманитарную безопасности.

Социокультурная безопасность - это основа развития общества, которая обеспечивает устойчивое состояние социума, оптимальное удовлетворение потребностей народа, качество жизни, создание условий для развития личности с учетом социокультурных особенностей страны [1].

Под социокультурной безопасностью будущих учителей мы подразумеваем-способность личности защитить свой внутренний мир, свою систему ценностей, от влияния факторов, которые превышают

нормативно допустимые уровни культуры, а также негативно влияют на развитие процессов в системе «человек-культура». Она составляет систему условий, которая обеспечивает сохранность и защищенность жизненно важных параметров (прежде всего культурного, духовно - нравственного и интеллектуального характера), в пределах исторического развития. Выход за эти рамки, нормы, приведет к распаду государства, нации, как целостной системы в связи разрушения его духовно-нравственных основанной.

Таким образом, достаточно сформированый уровень социокультурной безопасности служит свого рода защитной функцией «имунитетом» будущего учителя и выступает как норма защиты их духовно-нравственного потенциала. Её можно рассматривать как категорию, в которой воплощены не только социальное здоровье молодого человека, но и как духовное и нравственное здоровье личности.

Литература:

1. Антонова, Л.Л. Социокультурная безопасность и консолидация общества / Л.Л. Антонова, А.А. Полюшкевич Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс]. – № 12 (20). – 2012. – Режим доступа:www.sisp.nkras.ru
2. Гегель, Г. Сочинения: в 8 т. / Г. Гегель – Т 7. – М.- Л., 1934.
3. Запесоцкий, А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности / А.С.Запесоцкий // Педагогика. – № 2. – 2002.– Одесса, 2002.
4. Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс]. – № 12 (20), – 2012. – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Л.Г. Интымакова, г. Таганрог, Россия

Идентичность – это сложный феномен, «многослойная» психическая реальность, включающая различные уровни сознания, индивидуальные и коллективные, онтогенетические и социогенетические основания. Феномен идентичности возникает в рамках глобальной проблематики существования самого человека. Человек становится «вполне человеком», когда осознает свою идентичность. Понятие идентичности как защиты личного, соответствие образа «Я» его жизненному воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому надындивидуальному целому, охватывающему и субъективное время, и личностную деятельность, и национальную культуру, становится одной из главных проблем.

Важной проблемой не только философии, но и социально-психологических исследований по-прежнему остается изучение личности

во взаимодействии с социумом, а также выявление особенностей личностных проявлений в условиях социальной коммуникации. Как отмечал В.А.Петровский, сама личность должна рассматриваться как свойство индивида, существующего в пространстве межиндивидуальных связей [4, с. 18]. Интегративный характер данного явления требует междисциплинарного подхода, который в современной науке реализуется в изучении социальной идентичности как с психологических, так и с философских позиций.

В контексте исследования идентичности, важно также решить методологическую проблему, связанную со способом предъявления идентичности личностью как субъективного неосознаваемого переживания [2, с. 41]. Поскольку идентичность личности в полной мере не тождественна его самосознанию, наряду с речевым языком её описания, важно исследовать неязыковые, проективные формы её предъявления. Таким образом, ставится задача изучения глубинных, бессознательных аспектов переживания «Я».

Несмотря на разнообразие подходов, ученые сходятся во мнении, что в социальной психологии идентичность рассматривается как аспект «Я» и определяется как переживание и осознавание индивидом самотождественности, целостности и неделимости в пространстве, а также постоянства во времени [6, с. 53]. Сегодня проблема идентичности личности решается исследователями в социально-психологическом ключе интерсубъективного микросоциального и макросоциального взаимодействия. Рассмотрение проблемы «Я» в контексте изучения конституирующей роли значимых и обобщённых «Других» в процессе достижения идентичности можно отнести к ряду зарубежных и отечественных исследований, изучающих роль других людей в процессе личностного самоосознания, самоотношения и самоидентификации.

Научные разработки этих авторов в той или иной степени представляли в психологической науке общий взгляд на проблему идентичности как результат идентификационных процессов личности, реализующихся в ходе субъективной жизненной истории во взаимодействии с индивидуальным психофизиологическим потенциалом и социальным контекстом её существования.

Социальная идентичность вместе с личностной идентичностью (осознаваемыми индивидуальными особенностями) образует единую когнитивную систему – «Я-концепцию». В целях приспособления к различным ситуациям «Я-концепция» регулирует поведение человека, делая более выраженным осознание либо социальной, либо личностной идентичности.

Таким образом, «Я-концепция» личности может быть представлена как когнитивная система, выполняющая роль регуляции поведения в

соответствующих условиях. Она включает в себя две большие подсистемы: личностную идентичность и социальную идентичность. Первая относится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт. Вторая подсистема – социальная идентичность – складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, нации, классу, полу и т.д.

Нельзя забывать и о том, что обладателем социальной идентичности является конкретная личность, наделенная уникальным жизненным опытом и обладающая неповторимой картиной мира, в которой субъективно преломляются социальные отношения.

Анализ современного состояния исследований в данной области позволяет увидеть еще одну проблему. Между отечественной и зарубежной традициями существует определенная дистанция в понимании социальной идентичности. Отечественные исследователи чаще рассматривают социальную идентичность как, прежде всего, результат соотнесения личностью себя с большими социальными группами: этническими, гендерными, профессиональными, религиозными и т.д. [1, с. 36]. В западной социальной психологии акцентируются, скорее, идентификационные процессы, протекающие в малых социальных группах, в которые индивид непосредственно включен в ходе своей жизнедеятельности [5, с. 52]. Для более полного понимания феномена идентичности необходимо объединение двух этих подходов, формирование интегративной модели социальной идентификации.

Большая выраженность в самосознании социальной идентичности влечет за собой переход от межличностного поведения к межгрупповому. Основной чертой последнего является то, что оно контролируется восприятием себя и других с позиций принадлежности к социальным категориям. Как только на первый план в «Я-концепции» выходит социальная идентификация, личность начинает воспринимать себя и других членов своей группы как имеющих общие, типичные характеристики, которые и определяют группу как целое. Это ведет к акцентуации воспринимаемого сходства внутри группы и воспринимаемого различия между теми, кто относится к разным группам.

Наряду с личностной идентичностью социальная идентичность оказывается важным регулятором самосознания и социального поведения. Социальная идентичность складывается из тех аспектов образа «Я», которые вытекают из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп (или категорий, как предпочитают обозначать их Тэджфел и Тэрнер) [3, с. 67]. Когда социальная идентичность не удовлетворяет членов группы, они стремятся либо покинуть группу, к которой в данный момент принадлежат, и присоединиться к более высоко

оцениваемой ими группе, либо сделать так, чтобы их настоящая группа стала позитивно отличной от других.

Мы видим, что идентичность личности как объект научного анализа отличается многоуровневностью значений и разнообразием выявляемых смыслов. Поэтому эмпирическое исследование идентичности личности должно осуществляться с учётом многообразия проявлений данного феномена, его интенциональной сущности. Изучение идентичности предполагает анализ психических связей в контексте интерактивных, перцептивных, коммуникативных, экзистенциальных, функциональных, ментальных и речевых процессов развития личности.

Литература:

1. Бахтин, М.М. Диалог / М.М.Бахтин. Собр. соч.: в 7 т. –Т. 5. – М., 1997.

2. Бергер, П. Идентичность / П. Бергер, Т. Лукман// Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара, 2000.

3. Блумер, Г. Общество как символическая интеракция / Г. Блумер // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М., 1984.

4. Петровский, В.А. Психология неадаптивной активности / В.А. Петровский. – М., 1992.

5. Хиллман, Дж. Архетипическая психология / Дж. Хиллман. – СПб, 1996.

6. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М., 1996.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И МЕХАНИЗМОВ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Л.Г. Интымакова, Н.П. Чередникова, г. Таганрог, Россия

Современную эпоху невозможно представить без различного рода политических конфликтов. Поэтому особую актуальность приобретает поиск способов и механизмов разрешения подобных конфликтов как в региональном, так и в мировом масштабе.

Политический конфликт – это противоборство политических субъектов – индивидов, групп, движений, государств по поводу властных полномочий и ресурсов. Однако не следует видеть в их существовании только негативный смысл. Позитивные функции конфликтов заключаются в том, что они:

1) сигнализируют обществу и власти о существующих противоречиях, стимулируют действия по предотвращению дестабилизации политической жизни;

2) способствуют формированию позиций участников, чем благоприятствуют рационализации и структурированию политического процесса путем образования коалиций и союзов.

К негативным последствиям конфликтов относятся: дезорганизация общественной жизни, гибель людей, разрушение материальных ценностей, опасность подрыва самих условий существования человечества.

В политической жизни XIX–XXI веков сложились два основных направления в подходе к проблеме конфликтов. Первое, преобладающее (К.Маркс, В.Парето, М.Вебер, Р.Дарендорф, К.Боулдинг, Л.Козер и др), уделяет основное внимание изучению конфликтов и их мотивационной основы.

Второе, представленное прежде всего школой структурного функционализма (С.Липсет, Т.Парсонс, Н. Смелсер и др), рассматривает конфликты как явление в основном деструктивное и ориентируется на обоснование консенсуса, стабильности и устойчивости.

«Стороны конфликта – противоборствующие силы, имеющие противоположные или несовпадающие цели. Соотношение сил сторон определяется социальными, экономическими, военными, духовными и прочими ресурсами, которыми они располагают» [1, с. 31]. В международном конфликте совокупность этих ресурсов определяется понятием «государственная мощь».

В ходе конфликта принципиальным является выяснение позиций сторон конфликта. Это, в первую очередь, заявленные ими интересы или цели. Позиции могут быть жесткими, если они сформулированы в виде требований и ультиматумов, или мягкими, если не исключают уступки.

Политические конфликты могут быть вызваны различными причинами:

1) Различие статусов субъектов политики, несовпадение их потребностей во властных ресурсах (конфликты между элитой и контрэлитой, между группами давления в борьбе за часть бюджета и т.п.).

2) Расхождения людей (или групп и объединений) в базовых ценностях и политических идеалах, в оценках исторических или актуальных событий. Они типичны для стран, где закладываются основы нового общественного строя, изыскиваются пути выхода из социального кризиса.

3) Процессы «идентификации граждан с социальными, этническими, религиозными и прочими объединениями» [4, с. 72]. Они характерны прежде всего для нестабильных обществ, для периода смены укладов.

Политические конфликты классифицируются по следующим основаниям:

– области проявления (внутриполитические, международные);

– характер нормативной регуляции (институционализированные и неинституционализированные, отличающиеся способностью или неспособностью подчиняться действующим правилам политической игры);

– интенсивность и разрешимость противоречий, лежащих в основе конфликтов (агонистические, примиримые и антагонистические, непримиримые);

– степень выражения (открытые, выраженные в явных формах, и закрытые, где доминируют неочевидные способы отстаивания субъектами своих притязаний);

– временные параметры протекания (относительно непродолжительные и долговременные);

– особенности мотивации (ценности или интересы). При конфликте ценностей предполагается смена политической системы. Изменение правил политической игры и т.д.

– последствия для сторон конфликта (конфликт с «нулевой суммой», «ненулевой суммой» и «отрицательной суммой»).

Важнейшую роль в оптимальном разрешении политических конфликтов играет правильное управление ими. «Управление конфликтом – это воздействие на конфликтный процесс, в ходе которого уменьшаются его деструктивные последствия, происходит ограничение по числу субъектов и предметов» [2, с. 9]. Оно может осуществляться как одним, наиболее сильным участником конфликта, так и несколькими участниками, а также внешней силой. Управление конфликтом открывает перспективы его окончания.

Выбор технологии управления конфликтом подчинен решению ряда универсальных задач:

– воспрепятствовать возникновению конфликта либо его переходу в такую фазу, когда резко возрастет цена урегулирования;

– вывести все теневые, латентные конфликты в открытую форму, чтобы уменьшить неконтролируемые процессы их взаимодействия, избежать обвальных потрясений, на которые будет невозможно адекватно и оперативно реагировать;

– минимизировать социальное недовольство, вызываемое политическим конфликтом в смежных областях общественной жизни, чтобы избежать детонирования, потрясений, урегулирование которых потребует дополнительных ресурсов и энергии;

– институционализировать конфликты для их цивилизованного разрешения или перевода в такие формы, которые создают предпосылки для самозатухания.

Для обозначения путей выхода из конфликта используются понятия «разрешение конфликта» и «урегулирование конфликта». «Разрешение

конфликта – это устранение причин, породивших его, исчерпание предмета спора» [5, с. 78]. Урегулирование конфликта – такой его исход, когда соперники достигают соглашения по предмету спора, но не разрешают противоречие, вызвавшее конфликт. Неисчерпанность предмета спора через определенное время может привести к возобновлению конфликта.

Основные способы предотвращения, разрешения и урегулирования политического конфликта – переговоры, компромиссы и консенсус. Переговоры – это обмен мнениями между участниками конфликта с целью сближения позиций или рассмотрения альтернативных вариантов урегулирования взаимных претензий. Переговорное пространство – область, где возможно достижение соглашения. Понятие «компромисс» отражает баланс сил, действий и интересов, достигнутый путем взаимных уступок. Политический консенсус представляет собой согласие субъектов в отношении, с одной стороны, функционирующей политической системы (системный консенсус), а с другой стороны – правил и механизмов разрешения конкретных политических конфликтов.

Литература:

1. Зонова, Т.В. Конфликты или консенсус: дипломатия как средство достижения мира / Т.В. Зонова // Общественные науки и современность. – 2003. – №1.

2. Оружие и конфликты XX1 века // Международная жизнь. – 2001. – №9–10.

3. Серебрянников, В. «Цивилизационные» войны / В. Серебрянников // Власть. –2006. – №12.

4. Степанова, Е. Интернационализация локально-региональных конфликтов / Е. Степанова // Международная жизнь. – 2004. – №11.

5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. –2001. – №1.

АНАЛИЗ ФОРМ БЫТОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР

Л.Г. Интымакова, Е.Е. Дудникова, г. Таганрог, Россия

Человечество издавна пыталось разгадать загадки феномена культуры, задавалось вопросом о его сущности и о том, что может служить основной формой бытования и трансляции культуры. Многие философы в своих системах отводили значительное место решению этих проблем. Это привело к тому, что в XX веке сложилось множество оригинальных концепций культуры. Однако в настоящее время целый ряд течений внутри науки о культуре сближается в русле информационно-семиотического подхода к пониманию культурных феноменов. Идеи философии постмодернизма также были успешно синтезированы в

концепцию семиотики культуры. В классической традиции развитие культуры предстает как выработка новых смыслов и значений, регулирующих деятельность и общение людей, и как формирование новых кодовых систем, закрепляющих и транслирующих эти смыслы и значения. Ч.Моррис утверждал, что личность, которая в состоянии увидеть знаковые феномены с точки зрения семиотики, более восприимчива к тонким различиям использования способов обозначения, к знаковым ресурсам культуры. С самого рождения и до момента смерти, каждый день человек находится под непрерывным давлением знаков, без которых его жизнь немыслима [2, с. 25].

Рассмотрение культуры как мира человеческой деятельности раскрывает главным образом ее материальные проявления, а рассмотрение ее как мира смыслов – ее духовное содержание. Культура как мир знаков предстает перед нами как единство материального и духовного[1, с. 14]. Именно связь значения и знака, иначе говоря, информации и кода, в котором она фиксируется и транслируется, определяет неразрывную связь духовного и материального в культуре.

Однако изучение столь сложного объекта, как культура, в их единстве, достаточно сложно. Поэтому она рассматривается как своеобразная дихотомия: мир идей – так называемые «культурные смыслы» и мир знаков – так называемые «языки культуры». В соответствии с этим и сама семиотика культуры делится на две части, в плане функционирования немыслимые друг без друга: одна из них рассматривает культурные смыслы как идеациональные конструкты, связанные с культурными объектами (денотатами) как со знаками и являющиеся их информационным, эмоциональным, экспрессивным содержанием. Другая область семиотики культуры рассматривает языки культуры как средства фиксации и трансляции смыслов, являющиеся основным коммуникационным средством в культуре, благодаря чему освоение этих языков является ключевым моментом социализации, аккультурации. Ч.Моррис утверждал, что личность, которая в состоянии увидеть знаковые феномены с точки зрения семиотики, более восприимчива к тонким различиям использования способов обозначения, к знаковым ресурсам культуры. С самого рождения и до момента смерти, каждый день человек находится под непрерывным давлением знаков, без которых его жизнь немыслима [2,с. 74].

Герменевтика, будучи учением о бытии, рассматривает культуру как одну из важнейших форм существования человеческого общества. Человеческое бытие всегда находит свое выражение в опыте. Поэтому, с точки зрения герменевтики, культура понимается как опыт, накопленный народом или группой народов за период своего существования. Всякий опыт имеет свои специфические механизмы возникновения, может быть

оформлен в знаково-логическом формате, то есть в языковом формате. Этот факт говорит о том, что опыт может передаваться, интерпретироваться, быть предметом коммуникации, воспроизводиться в иной культурной среде, а, следовательно, может приниматься или не приниматься. В этой связи герменевтика подходит к рассмотрению культуры с позиции двух аспектов, а именно: ее интересуют способы интерпретации и оценки окружающей действительности, а также соотнесение человека, как носителя определенной культуры, с родной культурой и с иными культурами. Это весьма важные аспекты, так как они способствуют самоопределению как на уровне отдельно взятой личности, так и на уровне общества в целом.

Постмодернистское и постструктуралистское мышление отличается повышенным вниманием к анализу проблем текстологического плана. Мир в нем предстает как бесконечный, безграничный текст. Для постмодернизма и постструктурализма характерно стирание пространственных и временных границ. Впитывая в себя как прошлое, так и настоящее, оба эти направления в культуре постоянно соотносятся с предшествующим опытом, являясь по своей природе мозаично-цитатным, интертекстуальным. Мир человека постсовременности представляется плюралистичным, совершенно несводимым ни к какому объединяющему принципу.

Мировоззрение постмодерна – это фиксация ситуации, когда исчезают репрессивные границы между видами, формами и родами культурной деятельности, когда спонтанно и эклектически соединяются в новой реальности наука и искусство, философия и религия.

Новые грани семиотики культуры предстают в работах Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрияра. Особое влияние на развитие идей семиотики культуры оказал теоретик деконструктивизма Ж. Деррида. Основное внимание он уделяет понятию деконструкции, которая уничтожает связь между текстом и его значением, так как многочисленные значения появляются в тексте постоянно, но ни одно из них не совпадает с намерениями автора. Деконструкция, как обратная сторона декоративной ткани, должна показать нити изнанки во всей их сложности, из которых составляется определенное представление о реальности. Нити для Дерриды – это следы других текстов, которые открывают знания как продукт интертекстуальности. Получается, что культурные смыслы в «тексте» всегда перемешаны, а с помощью деконструкции они разделяются и распознаются. В этом смысле метод деконструкции служит для декодирования культурных констант, представленных в текстах. Каждый текст может быть прочитан через другой. Он рассматривается в качестве потенциальной цитаты, как бы изымается из своего окружения и помещается в другой контекст, что означает разрыв смысла.

Семиотика культуры рассматривает свой предмет как знаковую систему, а любые культурные явления – как тексты, несущие информацию и смысл. Понимать какую-либо культуру – значит понимать ее семиотику, уметь устанавливать значение использованных в ней знаков и расшифровывать тексты, составленные из них.

Тем самым постмодернизм фиксирует в теории реально сложившуюся ситуацию частичной утраты культурой второй половины XX века связи между знаком и его смыслом, традиционно являющейся предметом изучения семантики, смену классической европейской рациональной культуры иррациональным, стихийным началом, реализацию «дионисийского» начала в культуре, формирование обращенной вовне культуры «экстаза».

Постмодернизм отразил в своих построениях тот факт, что далеко не все культурные процессы технологичны, рациональны, что в человеческой культуре многое неповторимо, своеобразно, уникально [3, с. 61]. Кроме того, уникальность каждого участника общения привносит в него неповторимость. Поэтому Ж. Деррида и утверждает, что на пир автор приносит буквы, а читатель – смысл.

Таким образом, кризис европейской культуры выводит исследования культурных смыслов за пределы чистой философии: культура перестала рассматриваться в контексте философского обоснования бытия, хотя обращение к ее проблемам не уменьшается, а увеличивается.

Литература:

1. Бахтин, М.М. К философии поступка / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М., 1986.

2. Моррис, Ч. Значение и означивание / Ч. Моррис // Семиотика. – М., 1983.

3. Романов, В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии / В.Н. Романов. – М., 1991.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

В.Ф. Калуга, г. Киев, Украина

Каждому человеку свойственно задавать вопросы. Это качество, очевидно, связано с природой ума: пока человек мыслит, он всегда будет открывать для себя факт явной несоразмерности между наличной оперативной информацией, с одной стороны, и необходимой или желаемой информацией, с другой. Исходя из того, какого качества информацией оперирует человек, а точнее, какой уровень, условно говоря, общего развития человека, таковыми будут и вопросы по своему содержанию. Т.е.

содержание вопросов напрямую отображает особенности мировосприятия и миропонимание индивида, и, как следствие, его мироощущение.

В свою очередь отображение человеком мира, самого себя и других в своем сознании и, как следствие, его психо-эмоциональное состояние, если не всецело, то во многом зависит от уровня или же особенностей осознанности человека. Соответственно атрибутивным качеством человека является его способность осознавать, прежде всего, самого себя, а также мир и других. Но чем именно является осознание? Этот вопрос является фактически камнем преткновения, который большинство мыслителей предпочитают игнорировать, как если бы речь шла о самоочевидном факте или явлении. В ином случае переключаются на «познание» - как бы ключевую способность человека отображать весь спектр наличествующего, возможного и допустимого существования во всевозможных его проявлениях.

Тем не менее, в статус ключевого познание возведено лишь по тому, что обыденный человек не знает иного варианта осознания, невзирая на то, что так или иначе «проинформирован» о его возможном наличии или даже имеет некоторый ограниченный опыт иных форм постижения. Таким образом, человеческая мысль имеет дело со своеобразной коллизией: в той или иной степени понимая, что познание далеко неадекватно отображает действительность, все же оно автоматически идентифицируется как единственно доступный и надежный источник знания. Соответственно, осознанность обыденного человека возводиться на зыбком, так сказать, научном и бытовом знании, точнее на устоявшихся представлениях, возведенных рациональной верой в статус знания и сгруппированных воедино, таким образом, составляя целостную «картину мира» или философское мировоззрение.

В свою очередь неадекватность познания, которое «наделено только возможностью скрывать то, что с самого начала открыто в непознавательной деятельности» [6, с. 127], неизбежно приводит к искажению идентификации и самоидентификации познающего. Т.е. субъект, познающий сам себе, на самом деле не открывает самого себя для себя же, каковым он является, а лишь формирует некое представление о себе самом же. Последнее чревато множеством проблем, с которыми человек постоянно сталкивается в своем существовании как некой неизбежностью. А в конечном результате человек оказывается сам для себя тотальной проблемой или же в августиновском понимании – quaestio mihi factus sum [1, с. 34-39], т.е. сам для себя вопросом.

Таким образом, ключевым стремлением вопрошающего является желание максимально прояснить для себя, Чем (в арендтовском контексте этого вопроса [2, с. 38]) есть или является человек? Т.е. осмыслить собственную природу, попутно устанавливая для себя смысл собственного

существования на фоне смысла существования или бытия в целом. Для большинства исследователей собственной природы в контексте природы человека, оная сводится к сути «Я» или «Ego». Соответственно в философской сфере осмысление природы человека, как правило, ограничивается или сводится к выявлению природы и сути «Я», как некоего бытийствующего начала, открывающегося восприятию и осмыслению человека посредством собственных непосредственных и абстрактно выводимых проявлений.

«Я» или «Ego» так же подразумевает под собою и основу самоидентификации индивида. Т.е. онтологическую уникальность, источник собственного осознания, моделирование собственной экзистенции индивид связывает в первую очередь с «Я». Как следствие, «Я» или «Ego» оказывается краеугольным камнем индивидуального существования, что само по себе, является вопиющим заблуждением, которое неизбежно приводит к тому, что человек теряет собственную целостность, воспринимая и идентифицируя себя как мультисистему проявлений. С этого следует, что процесс познания, как его понимает и как его открывает для себя обыденный человек, автоматически ведет к искажению самоидентификации и идентификации человеком существующего.

Ярким примером тотального искажения является подмена понятий. К примеру, человек автоматически подменяет мотивы аргументами, будучи не в состоянии открыть для себя истинные мотивы или источник его помыслов и интенций, а также желаний. Тоже самое происходит со знанием, которое, так сказать, «успешно» подменяется представление. Очевидно, наиболее невероятным, а, значит, и непостижимым в перечне подмен является подмена причин следствиями. Корень же «зла», т.е. искажения, скорее всего, кроется в подмене истинного «Я» или основы самоидентификации вторичным «Я» или «Ego».

По поводу различия между истинным и производным «Я» также сказано не мало. К примеру, «каждый из нас живет, проявляя себя двояко – как абсолютное Я и как индивидуальное «я». Человеческое я в своей основе является бесконечным циклом забвений «я» и его утверждений» [4, с. 118]. И далее, «как человеческие существа мы состоим из двух видов деятельности. Первый вид называется абсолютным Я, в котором вы забываете о или не узнаете себя… Другой вид деятельности – это деятельность индивидуального «я», которая объективирует мир и самого себя, которая озадачивается этими проблемами» [4, с. 117]. Но для большинства подобное разграничение между истинной основой самоидентификации и выводимой из результатов познания эгоистичной платформой индивидуального бытия является не чем иным, как «изысканной» теорией или мистификацией.

Обыденный человек упорно тяготеет к иллюзии (собственного) бытия, избегая столкновения с реальностью. Причиной тому, если верить практикам, является панический страх перед неизвестным, который неизбежно испытывает любой человек. Психологи же, как и некоторые мыслители зачастую сходятся на мысли, что человеческое «я» как источник (само)познания и (само)идентификации, боится потерять собственную значимость и вес, если человеку каким-то образом открыть для себя истинную суть бытия или же истинный источник собственного существования. К примеру, З. Фрейд по этому поводу заметил: «Ты *[«Я»]* заходишь так далеко, что считаешь «душевное» тем же самым, что и «сознательное», т.е. известное тебе, не смотря на очевидные подтверждения тому, что в твоей душевной жизни происходит значительно больше, нежели может знать твое сознание» [5, с. 240].

Таким образом, опираясь на познание, человек создает благоприятные условия для утверждения собственного «Я» в качестве начала начал индивидуального бытия, альфа и омеги экзистенции, фактором самоидентификации и платформой для идентификации. Потакая утверждению познания в качестве «авторитетного» механизма осознания, человек становиться на зыбкий путь заблуждений со всеми вытекающими последствиями.

Литература:

1. Августин (Святий) Сповідь [Текст] / Августин (Святий). – К. : Основи, 1997.
2. Арендт, Г. Становище людини / Г. Арендт. – Л. : Літопис, 1999.
3. Калуга, В.Ф. Приречена сексуальністю: Проблема ідентичності людини з огляду на її сексуальну природу / В. Ф. Калуга. – Ніжин : Лисенко М.М. [вид.], 2011.
4. Роси Дзеио Сасаки. Где находится «я» // Психотерапия и духовные практики. – Мн. : «Вида-Н», 1998.
5. Фрейд, З. Основные психические теории в психоанализе Очерк истории психоанализа / З. Фрейд. – СПб.: «Алатейя», 1999.
6. Хайдеггер, М. Пролегомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер – Томск: Водолей, 1998.

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

И.И. Капалыгина, г. Гродно, Беларусь

Становление человека предполагает не только развитие его умственных возможностей, но и усвоение системы общечеловеческих ценностей, составляющих основу его культуры. И.Б. Котова и Е.Н. Шиянов в центре аксиологической концепции выделяют ценностное

мышление, обеспечивающее человеку понимание ценности всего мира и каждого человека в нем. Система ценностей, образующих аксиологический аспект педагогического сознания, включает: ценности, связанные с утверждением личностью своей роли в социальной сфере; ценности, удовлетворяющие потребности в общении; ценности, ориентирующие на саморазвитие творческой индивидуальности; ценности, позволяющие осуществить самореализацию; ценности, дающие возможность удовлетворения практических возможностей [1, с. 24].

Для возникновения ценности нужен не столько процесс осмысления, сколько процесс реального проживания, личный опыт. Человек часто не осознает, каким образом формируется ценностная структура, но она всплывает в моменты выбора в критических ситуациях. Ценностная ориентация – есть путь вхождения в культуру, позволяющий видеть за обыденными действиями драму отношений: обидел товарища, порадовался неудачам однокурсника, посмеялся над одеждой товарища. Ориентируясь на ценностные отношения, молодой человек не будет обижать друга, проявит сочувствие к однокурснику, из этических соображений не будет высмеивать другого из-за одежды. Тогда содержанием воспитания становится ценностное отношение к вещам, социуму, окружению. Оценивание – основной метод воспитания, искусство педагога, так как он транслирует мир воспитаннику и способен транслировать лишь то, что ценностно присвоено.

Ценности личности образуют систему ее ценностных ориентаций, под которыми имеется в виду совокупность важнейших качеств внутренней структуры личности, являющихся для нее особо значимыми. Эти ценностные ориентации образуют основу сознания и поведения личности и непосредственно влияют на ее развитие. Личность с развитыми ценностными ориентациями неотделима от таких качеств, как воля целеустремленность. Воля цементирует структуру ценностных ориентаций, способствует реализации их практической деятельности. При этом в соответствии с конкретной, индивидуальной, иерархией ценностей наблюдается относительный характер ценностных ориентаций. Так, один учится, чтобы больше зарабатывать, а другой работает, чтобы иметь возможность учиться и самосовершенствоваться. Но, так или иначе, конкретная система ценностных ориентаций выступают регуляторами развития личности. Они служат критерием норм и правил поведения личности, по мере усвоения которых происходит ее социализация [2].

В зависимости от ценностных ориентаций личности складывается определенность ее потребностей и интересов. Ценностные ориентации влекут за собой изменение системы индивидуальных потребностей и интересов, выделяя одни как более значимые, а другие менее значимые. Так, ценностные ориентации определяют всю мотивационную структуру

личности и обусловливают направленность ее жизнедеятельности в целом. Совокупность сложившихся устойчивых ценностных ориентаций является основой формирования типа поведения и деятельности индивида.

Система ценностей, образующих аксиологический аспект педагогического сознания, включает ценности, удовлетворяющие потребности в общении. Информационная среда способствует созданию благоприятного информационного поля для развития личности и ее нравственных ценностных ориентиров. Современные средства массовой информации значительно расширяют круг общения студентов. Достаточно распространенным и в научном и в повседневном общении является такое понятие как средства массовых коммуникаций, куда относится система печатных, визуальных и аудиальных средств. Необходимую информацию человек получает из непосредственного опыта, личного общения, а также из разнообразных источников информации (книги, радио, телевидение, журналы, газеты и другие источники).

Работа за компьютером в Интернете расширяет виртуальное общение, развивает познавательный интерес. Это позволяет школьникам «зависать» в чатах, что приводит к «синдрому зависимости» от компьютерной сети. Происходит сужение интересов, изоляция от общества, психические нарушения. Поэтому парадоксом современной ситуации является огромная масса контактов через средства массовой коммуникации и параллельно с этим наблюдается дефицит межличностного общения как социокультурная и психологическая проблема Увеличение доли информации, получаемой из различных информационных источников, ограничивает личностное общение, при этом само общение теряет свой ценностный смысл.

Формирование нравственных ценностей личности, которая постоянно находится в информационной среде и под ее влиянием, предусматривает наличие определенных умений: коммуникативные умения в процессе личного и виртуального общения с другими людьми; умение критически мыслить, изучая фактологический материал средств массовой информации; умение воспринимать, оценивать, понимать и анализировать информацию; умение понимать социальные, культурные, политические и экономические смыслы и подтексты в предоставляемой информации; умение идентифицировать и интерпретировать получаемую информацию, создавать новые информационные тексты, доступные для понимания; умение эстетически воспринимать информацию, оценивать эстетические качества различных текстов, слайдов, информационных потоков в информационных сетях; умение интерпретировать современные факты и материалы, через призму истории информационной культуры. Данные умения помогут справится с информационными потоками в современных условиях, воспринимать и понимать различную

информацию, осознавать последствия и воздействия ее на человека, овладеть способами невербального общения с помощью технических средств и современных информационных технологий.

Вопрос о сохранении национальной культуры и истории является одним из актуальных на сегодняшний день. Современная белорусская реальность позволяет увидеть, насколько успешно посредством информации происходит навязывание ценностей западного образца, как наиболее истинных и приводящих к социальной ориентации личности в сторону отрицания ценностей собственного народа и к отчуждению общества от своего исторически позитивного опыта. Отказ от национальной культуры, традиций, языка ставит под угрозу суверенитет государства как такового. Поэтому одна из главных задач белорусского государства в сфере образования должна включать в себя понятие информационной защиты подрастающего поколения от информации, поступающей из разнообразных источников для сохранения национального самосознания молодых белорусов.

Подытоживая сказанное, можно отметить, в современном мире всё сильнее осознаётся необходимость решения глобальной проблемы - своевременно подготовить людей к новым условиям жизни и профессиональной деятельности в высокоавтоматизированной информационной среде, научить их самостоятельно действовать в этой среде, эффективно использовать ее возможности, уметь защищаться от негативных воздействий.

Ценности являются стержневой основой любой социальной системы. Система ценностей в широком смысле слова – это внутренний стержень культуры, объединяющее звено всех форм общественного сознания. Ценностные ориентации являются источником активности личности, если самоутверждение индивида происходит при наличии свободы выбора тех или иных ценностей. Учреждения образования являются одними из главных социально-культурных институтов в работе с молодежью, которые играют важную роль в формировании нравственных ценностей личности.

Литература:

1. Котова, И.Б. Философские основания современной педагогики / И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1994.

2. Левко, А.И. Проблема ценности в системе образования / А.И. Левко, Л.В. Ахмерова. – Мн : НИО, 2000.

ЦЕННОСТНАЯ СФЕРА ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

И.И. Кауненко, г. Комрат, Молдова

Изучение ценностной сферы, в модернизирующемся обществе, даёт возможность «увидеть изменения, происходящие в культуре и личности, в ответ на исторические и социальные перемены» [1, с. 73-87].

Российский социальный психолог Почебут Л.Г. определяет ценности как «приобретённое, усвоенное из опыта предыдущих поколений людей обобщённое *понятие* о том, что для человека и сообщества является значимым. Содержание ценностей отражает цели, которыми руководствуются люди, когда думают, принимают решения и действуют» [3]. Изучение ценностной сферы разных этнических групп Республики Молдовы даёт возможность понимания направленности изменения вектора ментальности региона.

В настоящее время, одним из самых разработанных теоретических и методических подходов изучения ценностей является теория культурных ценностных ориентаций Ш.Шварца, профессора факультета психологии Иерусалимского университета. Он разработал два подхода к изучению ценностей – индивидуальный и культурный. Мы в данной статье остановимся на *культурном подходе.*

Важным для понимания теории культурных ценностей Шварца является определение им понятия культуры. Он рассматривает культуру как латентную переменную, которую можно измерить только через её проявления. Ценностные предпочтения, обуславливающие эти проявления, влияют на них, придают им определённую согласованность. Таким образом, *культура,* по мнению Шварца, связана с *давлением, которое испытывает индивид в определённой социальной системе.* Культура влияет на распределение индивидуальных убеждений, действий, целей и стилей мышления через *прессинг и ожидания*, с которыми сталкиваются люди. *Культурные ценности* группового уровня определяют *способы,* которыми разные общества решают *базовые проблемы* регулирования человеческой деятельности. (Лебедева, Татарко, 2009, 47-48).

В целом выборка составила 696 человек. Возрастной состав и образовательный статус: 16-18 лет (школьники); 18-19 - 25 лет (студенты); 25-55 лет (работающие взрослые). Этнические группы – русские – 165 респ.; гагаузы – 204 респ, украинцы – 161 респ.; болгары – 166 респ.

Перейдём к результатам исследования ценностной сферы группового уровня. Для группы *русских,* независимо от возрастной группы, в целом характерна направленность ценностей на *индивида*. Для русских Молдовы значимы ценности - Овладение (Мастерство), Интеллектуальная, Аффективная Автономия, Равенство. У группы русских мы выявили «ценностный провал» между группой молодого поколения и взрослыми. С нашей точки зрения, это связано с теми социокультурными потрясениями которые пришлось пережить старшему поколению. Которому в сжатые сроки пришлось адаптироваться к новым условиям, и к которым в целом

этническая группа ещё не адаптировалась. Так, например мы можем фиксировать значимую разницу между ценностями Аффективной автономии взрослых и молодёжи, которая включает удовольствие, наслаждение, разнообразие жизни. Это подтверждают и наши многолетние исследования по этнической идентичности. Только у группы русских, независимо от возрастного периода, этническая составляющая значима на личностном уровне. Ценности молодого поколения русских Молдовы направлены на *индивида*, и эта особенность прослеживается как у школьников, так и у студентов. У взрослого поколения, кроме значимости ценностей Равенства (Равноправие) и низких показателей ценностей Иерархии, Аффективной автономии, остальные ценности выражены практически одинаково на уровне некоторой важности. Это может свидетельствовать, с нашей точки зрения, о продолжающемся процессе адаптации данной возрастной этнической группы. Пока мы ценностную сферу русских взрослых обозначили как «смазанную», неопределившуюся, в отличие от более молодого поколения русских. Ценностную сферу, которых можно обозначить как «европейский тренд», в который входят ценности культурных ориентаций Автономия, Равноправие.

Ценностную сферу *гагаузов* в целом, так же, как и титульного этноса можно обозначить как направленную как на *группу* Включённость (Консерватизм) и на *индивида* Равенство (Равноправие). У гагаузов школьников наблюдается «ценностный скачок», который отличает их практически полностью от их сверстников выборки 2004г. в сторону увеличения значимости таких ценностей как Автономия, Равенства (Равноправие), Овладение (Мастерство). Но что интересно, произошло и увеличение значимости ценностей групповой принадлежности - Включённость (Консерватизм). С нашей точки зрения, это связано с этнокультурными переменами, происходящими в АТО Гагаузии, которые и отражаются на ценностях молодого поколения. Ценности молодёжи гагаузов практически малозначимо отличаются от ценностей взрослых, за исключением возрастания значимости ценностей Включённость (Консерватизм), Аффективной автономии. Пока социально-экономические процессы не оказали значимого влияния на межпоколенную трансляцию ценностей. Вместе с тем, основываясь на анализе ценностей старших школьников и продолжающейся интенсификации трудовой миграции, можно предположить, что в ближайшее время, данная этническая группа переживает глубинные структурные изменения в ценностной культурной матрице.

Анализ ценностной сферы *украинцев* в целом позволяет отметить направленность ценностей культуры на *индивида (*аналогичная тенденция выявлена была и группы русских). По группе в целом значимы ценности - Овладение (Мастерство)_, Интеллектуальная автономия, Равенство. У

группы украинцев молодёжи наблюдается возрастание значимости ценностей стабильности, предсказуемости, безопасности и психологического комфорта.

Ценности *болгар* характеризуются высоким уровнем по всем ценностным ориентациям культуры, кроме Включённости (Консерватизм), Иерархии. У школьников сохраняется устойчивая значимость культурных ориентаций на ценности Автономия, Равенства (Равноправие), Овладение (Мастерство), что может свидетельствовать о сложившейся иерархии ценностей. У студентов возрастают значимо ценности Гармонии, Иерархии, т.е.ценности *группы.* Значимость ценностей Иерархии остаётся у группы взрослых, снижается значимость ценностей Аффективной автономии, Гармонии. Для группы молодых болгар более характерны ориентации ценностей культуры на *индивида,* для взрослых – как на *группу,* так и на индивида.

В целом, для всех этнических групп характерны ценности Равенства, Овладение (Мастерство), Включённость (Консерватизм), Гармония. Это означает, что представителей всех исследуемых этнических групп важны ценности морального равенства всех людей, учитывать благополучие окружающих, быть социально ответственными.

Люди готовы к активной деятельности, важны такие ценности как честолюбие, успех, смелость. Ценности Овладение (Мастерство) так же являются сквозной культурной ориентацией для всех этнических групп. И важно, чтобы этот энергетический потенциал был использован, востребован у нас в Молдове, а не являлся основой для «омоложения» трудовой миграции. Для нашего поликультурного пространства значимы не только ценности *индивида,* но и гру*пповые* - Включённость (Консерватизм), Гармония. Одним из факторов является системный кризис, который охватил все сферы жизнедеятельности людей, что естественно порождает повышенную потребность в безопасности, стабильности, предсказуемости окружающего мира.

Для большинства этнических групп Молдовы характерна *коллективистическая направленность культуры,* поэтому и не удивительно, что в целом по нашей выборке достаточно значимыми оказались ценности блока Включенность (Консерватизм). Учитывая данные особенности нашего культурного пространства важно, чтобы в государственные цели, программы были вовлечены представители всех этнических групп. Тогда коллективистическая составляющая будет выступать как консолидирующая, креативная сила нашего Социума». (Кауненко, Каунова, 2010, с. 138). Но если обозначить общее, то люди, независимо от их этнической принадлежности хотят Социальной справедливости, преобразования своей окружающей жизни, гармонии с окружающей средой.

Положения, высказанные российским социальным психологом Лебедевой Н.М. относительно ценностной сферы россиян, с полным правом можно отнести и к нам, о том, что наш национальных характер «должен «повзрослеть», перейдя из инфантильного периода надежды на «сильную руку», внешний авторитет, в фазу личностной зрелости и ответственности» [2].

Литература:

1. Лебедева, Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века / Н.М. Лебедева // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – №3.

2. Лебедева, Н.М. Культура как фактор общественного прогресса / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009.

3. Почебут, Л.Г. Ценности в жизни людей / Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис // Социальная психология. – СПб.: Питер, 2010.

ОСМЫСЛЕНИЕ ДИАЛОГА КАК ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

И.М. Клецкова, г. Минск, Беларусь

Идеи диалогизма становятся все более востребованными в условиях современных социокультурных трансформаций. Необходимость осуществления межкультурного и внутрикультурного диалога осознается уже не как теоретическая проблема, а как насущная необходимость, важнейшее условие преодоления наличных и потенциально возможных социальных конфликтов. Теоретические формы осмысления этого феномена происходят в контекстах, конфигурация которых отражает вполне устойчивый интерес к реконструкции важнейших духовных доминант ушедших культурных эпох. Для отечественной философской традиции тематизация диалога не теряет своей актуальности, поскольку именно в этой смысловой зоне осуществляются попытки обнаружения оптимальной модели социального взаимодействия.

Безусловно, идея диалогизма в современном философском дискурсе связана с именем М.М. Бахтина. Именно в его философии диалога предложены смысловые диспозиции, благодаря которым диалог рассматривается как важнейшая характеристика современных социокультурных практик. Модель понимания диалогизма, предложенная Бахтиным, задает точку отсчета, по отношению к которой осуществляются генеалогические реконструкции, позволяющие взглянуть на историю рассмотрения диалога сквозь призму именно бахтинской модели.

Современные исследователи творческого наследия М.М. Бахтина отмечают, что он «раскрыл эстетическую модель истории как богочеловеческого диалога в его самоцельной культуротворческой интенции»[1]. Отмечая тесную связь идей Бахтина с традицией русской религиозной философии, К.Г. Исупов полагает, что «мыслитель искал

способ описать царственную божественность познания. Его Богочеловек— это очеловеченное троичное сознание «я-ты-мы», переживающее мистерию неслиянности, предвечного диалога, творческого агона внутри бытия»[1].

Следует заметить, в начале XX века в русской религиозной философии сложилась своя традиция интерпретация диалога в контексте философии всеединства. Так или иначе, но диалог в русле этой традиции рассматривался сквозь призму *соборности*, введенной в русскую философию еще в XIX веке славянофилом А.С. Хомяковым. Первоначально соборность понимается как соборность православной церкви, но затем формируется гораздо более разносторонняя интерпретация этого концепта, который предполагает сложный комплекс этическо-моральных норм, существующих внутри сообщества. Соборность - это такая форма социального взаимодействия, в которой социальная общность и индивид находятся в гармоничном единстве, при этом индивид подчиняет себя социальной целостности не под воздействием внешнего принуждения, а благодаря осознанию собственной сопричастности целостности бытия социума и принятию ценностных координат этого социума. При этом предполагается, что индивид обладает достаточно высоким уровнем свободы для того, чтобы проявить собственное «я».

П.А. Флоренский диалогический характер соборности объясняет следующим образом: «полная свобода всех голосов, “сочинение” их друг с другом, в противоположность подчинению. ...Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками»[2]. За каждым способом ведения культурного диалога стоит свое особое мирочувствие, особое видение роли человека в культуре. Описывая диалог сквозь призму музыкальных аналогий, философ отдает предпочтение именно гетерофонии (модели взаимодействия, принципиально отличающуюся от европейской полифонии и гомофонии), полагая, что именно она в наибольшей степени свойственна русской культуре; более того, в этой модели коммуникации ему видится будущее мировой культуры.

Принципиальное отличие такой модели видится, во-первых, в присутствии в культуре смыслообразующей ценности, которая может быть понимаема и как самоочевидная ценность самой коммуникации, и как направленность ее на сопричастность, созвучие с некоторой высшей духовной ценностью. Во-вторых, это признание неоднородности пространства – как в метафизическом, социальном, так и в физическом смысле. И, в-третьих, это не только соотнесенность с общей сверхценной задачей, но и достаточно высокая степень свободы в выборе путей соотнесения с этой задачей.

Другой русский религиозный философ, С.Л. Франк, описывая сущность соборности как важнейшего принципа социальной онтологии, отмечает, что «"Мы" мыслится не как внешний, лишь позднее образовавшийся синтез, объединение нескольких "я" или "я" и "ты", а как их первичное неразложимое единство, из лона которого изначально произрастает "я" и благодаря которому оно только и возможно»[3]. По сути, на понимание сущности диалога С.Л. Франком оказали влияние идеи М. Бубера. В частности, следует зафиксировать следующие положения, являющиеся системообразующими у М. Бубера и в равной степени значимые для понимания принципа диалогизма как у С.Л. Франка, так и у М.М, Бахтина: а) диалог есть явление речевое, причем слово несет в себе отражение человеческого бытия; б) диалог немыслим вне отношения к Другому; в) диалог есть человечески опосредованное отношение к бытию.

Таким образом, в русской философии начала XX века формируются важнейшие представления о природе диалога, которые нашли затем свое полное выражение в философии диалога М.М. Бахтина. Прежде всего, это подчеркивание онтологизма диалога, его включенность в бытие, невозможность редукции диалога к простым речевым актам. Более того, сам диалог понимается как процесс личностного усвоения общечеловеческой сущности ценностей культуры.

Литература:

1. Исупов, К.С. Уроки М.М. Бахтина / К.С. Исупов // М.М. Бахтин. Pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология: в 2 т. – Т.1. – Санкт-Петербург, Издательство русского Христианского гуманитарного института, 2001.

2. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики) / П.А. Флоренский. – М.: Издательство “Правда”, 1990.

3. Франк, С.Л. Русское мировоззрение / С.Л. Франк // Духовные основы общества. – М.: Издательство «Республика», 1992.

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН СНГ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

В.А. Клименко, г. Минск, Беларусь

В современных условиях становления экономики знаний, формирования инновационного общества особое значение придается знаниям, информации, инновациям, являющихся основой инновационного развития государства. Вследствие того, что в последние десятилетия наблюдается рост взаимозависимости национальных государств и углубление межгосударственного сотрудничества, которые охватывают практически все сферы жизнедеятельности, актуальным становится тесное сотрудничество государств–участников Содружества Независимых

Государств в инновационной сфере, объединение усилий ученых стран Содружества в поиске новых форм взаимодействия в этом направлении с целью решения проблем по модернизации национальных социально-экономических систем и повышению уровня благосостояния и качества жизни людей.

Сотрудничество стран СНГ в инновационной сфере, на наш взгляд, должно опираться на такие программные документы, принятые в последние годы в рамках Содружества, как «Основные направления долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере» [1] и «Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года» [2].

Межгосударственная программа, в частности, заложила основу для формирования инновационного пространства Содружества. Цель Программы – создание условий для реализации приоритетов экономического развития в инновационной сфере на основе эффективного взаимодействия национальных инновационных систем в интегрируемом инновационном пространстве, утверждения международного авторитета Содружества как одного из мировых центров технологического лидерства.

Главная задача Программы – предложить механизм, позволяющий гармонизировать национальные инновационные системы, разрабатывать и реализовывать межгосударственные целевые программы и инновационные проекты других форматов, а также взаимодействовать с целевыми программами государств – участников СНГ.

Следует подчеркнуть, что мероприятия и проекты Программы планируются и реализуются с учетом согласования и координации с действующими национальными программами по поддержке и развитию инновационной деятельности, а также с другими программами, реализуемыми межгосударственными и международными организациями. Это позволит обеспечить условия для достижения конечного результата программы – сформировать межгосударственное инновационное пространство и эффективно функционирующую систему межгосударственного инновационного сотрудничества государств–участников СНГ.

Если вести речь о конкретных структурных блоках Программы, то она включает в себя следующие:

Подпрограмма «Развитие межгосударственной кооперации в инновационной сфере» («Кооперация»): формирование технологических платформ СНГ на основе методологии Форсайта путем разработки дорожной карты модернизации и научно-технологического развития в соответствующей области и программы исследований и разработок для реализации дорожной карты; разработка совместных инновационных

проектов, отвечающим мировым тенденциям и приоритетам научно-технического развития, в том числе инвестиционные; содействие развитию деловых контактов инновационно активных предприятий, научных организаций и вузов государств – участников СНГ.

Подпрограмма «Мобилизация и развитие научно-технологического потенциала» («Потенциал»): поддержка поисковых исследований, обеспечивающих ускоренное развитие научно-технологического потенциала государств – участников СНГ по приоритетным направлениям сотрудничества; создание общего инновационного пространства государств – участников СНГ, сохранение и развитие их исследовательского и инновационного потенциала, его адаптацию к новым экономическим условиям; координация национальных исследовательских программ.

Подпрограмма «Кадровое обеспечение межгосударственного инновационного сотрудничества» («Кадры»): развитие и совершенствование системы поддержки академической мобильности исследователей и инженеров и межгосударственного обмена кадрами между организациями, ведущими исследования и разработки; создание и развитие сети центров (прежде всего на базе научных центров и учреждений высшего профессионального образования), являющихся «провайдерами» образовательных и консультационных услуг мирового класса в сфере инноваций и предлагающих специализированные образовательные программы и программы повышения квалификации инновационного профиля (в том числе в области менеджмента высокотехнологичного бизнеса, венчурной индустрии, правового регулирования в инновационной сфере и т. п.); разработку рекомендаций по гармонизации стандартов профессиональной подготовки научных и инженерно-технических кадров по специальностям, соответствующим приоритетным направлениям научно-технического и инновационного сотрудничества.

На прошедшем 31 мая 2013 года в г. Минске заседании Совета глав правительств СНГ утвержден Перечень пилотных межгосударственных инновационных проектов Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года, участниками которых являются научные организации стран Содружества. Важно подчеркнуть, что участники этих пилотных проектов создают совместные корпоративные центры научных исследований и опытно-конструкторских работ, так называемые центры генерирования новых знаний и инноваций. В качестве примеров таких центров инноваций («точек инноваций») уже сейчас можно назвать инновационный центр «Сколково», национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», НПК «Дубно». На наш взгляд, реализация этих проектов будет

способствовать развитию межгосударственной кооперации в инновационной сфере, мобилизации и развитию научно-технологического потенциала в странах СНГ, эффективному использованию и развитию в них инновационной инфраструктуры, созданию модели инновационного развития экономики, основанной на знаниях, формированию в целом на пространстве СНГ новой зоны мирового технологического лидерства.

Необходимо отметить, что Решением Совета глав правительств СНГ от 20 ноября 2009 года образован Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах государств – участников Содружества Независимых Государств [3]. Главная цель деятельности данного Совета состоит в том, чтобы в тесном взаимодействии с Советом по сотрудничеству в области фундаментальной науки и другими органами отраслевого сотрудничества СНГ создать современную институциональную модель генерации, распространения и использования знаний и инноваций во всех сферах государств Содружества.

Таким образом, функционирование такого регионального объединения государств, как Содружество Независимых Государств, обуславливает необходимость формирования наряду с общим культурным, социально-экономическим, политическим также научного и инновационного пространства стран СНГ.

Литература:

1. Основные направления долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере. Утверждены Решением Совета глав правительств СНГ 20 ноября 2009 года. Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-cis.info/page.php?id=20752. – Дата доступа: 30.08.2013.

2. Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года. Утверждена Решением Совета глав правительств СНГ 18 октября 2011года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-cis.info/foto/pages/20060 doc. – Дата доступа 05.08.2013.

3. Протокол о внесении изменений в Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств – участников СНГ от 3 ноября 1995 года. Утвержден Решением Совета глав правительств СНГ 20 ноября 2009 года. Право. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.levonevski.net/pravo/razdel3/num9/3d972.html. – Дата доступа 30.08.2013.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА – ОСНОВА ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Т.Ф. Ковалева, г. Брест, Беларусь

В настоящее время происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества и отдельного человека. В этот период все большее значение приобретает формирование творческих качеств человека, способствующих успешной адаптации личности в условиях постоянно меняющихся реалий. «Есть эпохи, когда целое поколение оказывается между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую преемственность в обычаях, всякую защищенность и непорочность»[1, с. 155]. Человечество ищет выход из ситуации глобальных кризисов, потенциальных катастроф и умирания планеты, но в первую очередь – из кризиса духовности и нравственных ценностей. На современное состояние культуры оказывает колоссальное влияние научно-технический прогресс, особенно в сфере коммуникации, который изменил сами способы общения между людьми. С одной стороны, происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных, а с другой – их адаптация к старым ценностным системам происходит как бы в более сжатых временных рамках. Иногда этот процесс укладывается в рамки жизни одного человека или того меньше. В результате почти «мгновенно» происходит разрушение старых систем ценностей и традиций, которые господствовали на протяжении столетий. Нарушается синхронизация культуры, когда новообразования в ней формируются столь стремительно, что не успевают адаптироваться к традиционной системе. Людям уже некогда «впитывать» новые ценности, постоянно соотнося их с предшествующими, они начинают их попросту потреблять. «Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество, - писал В. Розанов. Но она же ее и раздавила». «Вместо того, чтобы знакомить нас с лучшими литературными и музыкальными произведениями, средства массовой информации забивают людям головы самым низкопробным вздором, далеким от реальности и изобилующим садистскими фантазиями, которыми маломальский культурный человек не стал бы даже изредка заполнять свой досуг» [2, с. 276].

Постсовременный человек предпочитает жить одним днем, не слишком задумываясь о завтрашнем и тем более о далеком будущем. Если наши предки информацию получали «из первых рук», личным опытом, который, накапливаясь в поколениях, определял ту глубину знаний о мире и человеке, которая называется мудростью. Информация же, поставляемая техническими средствами, этим свойством не обладает: она уже определенным образом отобрана и сформирована, порой с нескрываемой тенденциозностью (например, реклама). Такого рода «вторичная» информация при отсутствии прямого контакта приводит часто к фальсификации знания. «Где наша мудрость, потерянная ради знаний; где

наши знания, потерянные ради информации!» - сетовал Т. С. Элиот. «Человек-создатель 20в., превратившийся в человека-потребителя, к 21в. снова меняет свой лик: он становится потребителем-не-реальности»[3, с 7]. Важную черту культурной ситуации постсовременности составляет возрастающая роль развлекательной функции искусства, ее театрализация, многочисленные шоу, которые охватывают практически все области жизни. Сегодня шоу – это современный карнавал, который вошел в нашу жизнь. Мы живем в обществе, в котором карнавал затянулся и вместо одной-двух недель длится почти постоянно. Современная индустрия массовой культуры, отвечая на запросы публики, все более эксплуатирует наркотические функции искусства, создавая грандиозные шоу не как зрелище, которое смотрят, а как пространство, в котором живут. Человек массового общества–это, часто, несостоявшийся человек. Он не знает и не выполняет самой главной своей задачи – продвигаться по пути к преображению. Его отличают инертность, безынициативность, нежелание утруждать себя размышлениями о сложных процессах, эгоистичность и агрессивность. Агрессивность масс растет пропорционально пассивности. 6 часов переключений с канала на канал – с боевика на «ужастик» или 10 часов компьютерных погонь выматывают сильнее любой деятельности, а самореализация приобретает призрачный характер: ведь уничтожать монстров кажется куда более значительным, чем заниматься творчеством. Способность к творческому мышлению катастрофически падает, состояние усталости, нежелание думать становится привычным. «Сегодня мы видим все возрастающую тенденцию к нервозности. С каждым днем жизнь становится все более и более искусственной, и с каждым шагом человек все больше теряет тот покой, который был закваской человеческой расы»[4, с. 123].

Безусловно, что не научно-техническая революция и не появление аудио-видеосредств являются источником кризисной ситуации. Они лишь ускоряют процесс, расширяют возможности для экспансии разрушительных сил внутри самой цивилизации. Что само по себе только следствие более глубинных сдвигов, произошедших в духовных основах культуры. Человек, по убеждению В. Соловьева, призван продолжать начатое самой природой дело по созданию красоты и порядка мира, и на определенном этапе эволюции становится решающим фактором его организации. Ведь задуман человек как творческая жизнь, и творчество есть главная основа и сущность бытия человека. Быть способным к постоянному становлению, значит быть творческим. Ситуация невостребованности творческого потенциала и нереализованности творческих людей и их энергий не только лишает общество необходимых ему для развития сил, но и может оказаться, прямо небезопасна для его нормального существования и функционирования. Небывалый всплеск

терроризма в наше время в известной степени имеет культурно-психологические причины. Разрушение Центра международной торговли (11.09 в США) в числе многих других обстоятельств положило конец бездумному принятию постмодернистского релятивизма. «Через несколько дней музыканты в Нью-Йорке и других городах начали давать посвященные этой трагедии концерты, собиравшие полные залы. Что же приходила послушать публика? Йо-Йо Ма играла Баха в Карнеги-холл, Пласидо Доминго пел Отелло в «Метрополитен-опера», «Немецкий Реквием» Брамса в исполнении оркестра Нью-Йоркской филармонии под управлением Курта Мазура транслировался на всю страну. Если события 11 сентября научили нас чему-нибудь, то этот урок состоит в том, что красота реальна – столь же реальна, как и зло, и за нее стоит вести борьбу. «Когда смерть подступает близко, человеку нужна красота», - поет старый король Аркел в опере Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда» [5, с. 8].

На фоне невостребованности творческой личности, нарушения условий для проявления созидательной активности, при психической неустойчивости, вызванной неопределенностью положения человека в обществе, существенным образом искажаются прежние функции культуры и искусства, смещаются критерии отношения к человеку и жизни. Как свидетельствует И.-В. Гете в «Фаусте», ни деньги, ни власть не могут дать человеку понимание смысла жизни: только творчество способно наполнить жизнь смыслом. В творчестве человек переживает яркий праздник бытия, всю полноту своей реализация. «У жизни своя динамика: человек должен расти, должен проявлять себя, должен прожить свою жизнь. По-видимому, если эта тенденция подавляется, энергия, направленная к жизни, подвергается распаду и превращается в энергию, направленную к разрушению. Иными словами, стремление к жизни и тяга к разрушению не являются взаимно независимыми факторами, а связаны обратной зависимостью»[6, с. 157].

Творческая деятельность дает человеку особое ощущение свободы проявления, сообщает ему уверенность в себе и чувство самоценности своего внутреннего мира. Реализация творческого потенциала не только обогащает общество, укрепляет его научные и производительные позиции, но и регулирует уровень напряжения в социуме, обеспечивая безопасные нормы социального сосуществования. «Чтобы видеть, каков тот или иной народ, нужно обратить внимание на то, что он любит. Народ будет…настолько лучше, насколько в лучшем он единодушен, и настолько хуже, насколько единодушен в худшем»[7, с 169].

Литература:

1.Гессе, Г. Степной волк / Г. Гессе // Иностранная литература. – 1977. – № 4.

2.Фромм, Э. Здоровое общество. Психоанализ и культура / Э.

Фромм. – М., 1995.

3.Чернянская, В. Личность и культура / В. Чернянская. – Минск, 2003.

4.Инайат, Хан Х. Мистицизм звука / Хан Х. Инайат. – М., 1998.

5.Терри, Т. Искусство в Америке / Тичаут Терри. – М., 2004.

6. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1990.

7. Августин. Творения Блаженного Августина / Святой Августин. – Ч. 6. – Киев, 1987.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Д.В. Ковалёнок, г. Минск, Беларусь

После образования Таможенного союза, а позднее Единого экономического пространства, в свете вступления Республики Беларусь во Всемирную торговую организацию основными векторами развития белорусской таможенной службы являются ее модернизация с целью соответствия международным стандартам и совершенствование таможенных технологий с целью создания безбарьерной среды для ведения бизнеса [1]. В этой связи возможно определить основные перспективы упрощения системы таможенного администрирования, способствующие реализации поставленных перед таможенными органами задач:

1. Усиление роли государственно-частных форумов по вопросам упрощения таможенных процедур

Внедрение механизма, предполагающего проведение консультаций на регулярной основе между заинтересованными государственными органами (организациями) и частными компаниями до, во время и после возникновения новых таможенных инициатив. Учитывая положительный опыт государств-соседей, таким примером может явиться широкое распространение специальных рабочих групп и советов. В частности, с 2002 года успешно функционирует *Общественно-консультативный совет при Государственном таможенном комитете Республики Беларусь*, в состав которого входят руководители крупнейших промышленных предприятий, организаций-перевозчиков и иных представителей бизнес-сообщества [2].

Подобный механизм должен стать платформой для диалога между различными сторонами, чьи интересы и приоритеты разнятся в зависимости от осуществляемых задач, властных полномочий, отрасли, месторасположения и сроков ведения бизнеса. При этом целесообразно избегать создания новых институтов, влекущих

увеличения штата и затраты на финансирование, используя имеющиеся кадровые ресурсы.

2. Введение обязательного электронного предварительного информирования (ЭПИ) в отношении товаров, перемещаемых всеми видами транспорта

На конец 2012 года системой ЭПИ, реализующей информационное взаимодействие по линии «бизнес–таможня», охвачено 90% перемещаемых через таможенную границу товаров.

Достигнув высокой степени заинтересованности субъектов хозяйствования в ЭПИ, в обозримом будущем необходимо активизировать работу по созданию единого информационного пространства для обмена электронной предварительной информацией с таможенными органами иностранных государств.

3. Содействие межведомственному сотрудничеству и совместным действиям на границе

В 2012 году проектная пропускная способность автодорожных пунктов пропуска по сравнению с 2010 годом увеличилась с 23000 до 28000 автомобилей в сутки, а к 2015 году планируется увеличить пропускную способность всех автомобильных пунктов пропуска до 34000 автомобилей в сутки [3]. Вместе с тем, несмотря на усилия, уделяемые таможенными органами Республики Беларусь в пунктах пропуска, перевозчики в качестве одной из основных причин длительного пересечения границы отмечают недостаточность координации действий между контролирующими ведомствами [4][3].

В этой связи предусмотрено внедрение принципа “две службы на границе”, т.е. поэтапный план передачи функций транспортного контроля таможенным органам и органам пограничной службы к 2013 году, а также передачи до 2015 года таможенным органам функций ветеринарного, фитосанитарного, санитарно-эпидемиологического контроля.

4. «Дематериализация» представляемой документации

Использование бумажной документации в международной торговле является дорогим, трудоемким и склонным к допущению ошибок процессом. Вместе с тем, развитие безбумажного документооборота при совершении таможенных операций направлено на сокращение расходов в процессе торговли и упрощение таможенных и торговых процедур посредством облегчения тяжести процесса доставки, хранения и предъявления оригиналов бумажных сопроводительных документов.

[3] в настоящее время контрольные функции на белорусском участке таможенной границы Таможенного союза помимо таможенных органов осуществляют пограничная служба, транспортные ведомства, органы ветеринарного, санитарного и эпидемиологического контроля.

В целях внедрения системы электронного представления сопроводительных документов таможенным органам необходимо:

(a) установить список сопроводительных документов, которые прилагаются к таможенным декларациям, а также определить необходимость их использования в процессе таможенной очистки на предмет достаточности (избыточности) содержания сведений;

(b) отменить требования по предъявлению сопроводительных документов в бумажном виде в случаях, если они ранее были представлены в бумажном и (или) электронном виде;

(c) оформлять выпуск товаров только посредством использования таможенных деклараций, представленных в электронном виде;

(d) активизировать систему автоматической регистрации таможенных деклараций и автоматизированной проверки информации, содержащейся в «дематериализированных» сопроводительных документах;

(e) внедрение стандартных форматов электронных документов, в частности, лицензий, сертификатов, разрешений.

5. Введение единых стандартов передачи таможенной информации

Автоматизация и стандартизация передачи данных между Беларусью, ее партнерами по Таможенному союзу и иными игроками на внешнеторговых рынках, включая ЕС и страны Центральной Азии, позволят консолидировать трансграничный обмен данными.

Тем не менее, такая консолидация возможна только после обеспечения соответствия информационных структур Таможенного союза международным стандартам, таким, как Модельные данные Всемирной Таможенной Организации или Основные компоненты ООН/СЕФАКТ (Библиотека основных компонентов ООН/СЕФАКТ, 180 15000).

6. Обеспечение координированного подхода к управлению рисками при совершении таможенных операций, в том числе на границе

Одной из причин задержек перемещения товаров через таможенную границу является большое число требований по смягчению рисков, определяемых контрольными ведомствами в пунктах таможенного оформления.

Решением такой проблемы может служить взаимное признание набора критериев оценки рисков и осуществление совместных процедур различными контролирующими органами на основе аккумулирования человеческих ресурсов и оборудования.

Кроме того, применение системы управления рисками позволило снизить в 2012 году количество проводимых досмотров по сравнению с 2007 годом в 3 раза, а долю досматриваемых грузовых автотранспортных средств довести до 1,5% (т.е. был проведен таможенный досмотр каждого 66-ого автотранспортного средства). При этом их эффективность за этот же период увеличилась в 2 раза.

В целях более значительного снижения количества досматриваемых транспортных средств без ухудшения эффективности таможенного контроля целесообразно оснастить крупнейшие, а впоследствии все пункты пропуска средствами интрузивного контроля инспекционно-досмотровыми комплексами (ИДК), в том числе за счет привлечения средств международной технической помощи.

Литература:

1. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (в ред. Протокола от 26 июня 1999 г.): совершено в г. Киото 18 мая 1973 г. // КонсультантПлюс: ВерсияПроф / ООО «Юрспектр», Справочная правовая система. – Минск, 2013.

2. О создании Общественного совета: приказ Председателя Государственного таможенного комитета Респ. Беларусь, 06.03.2002, №82-ОД // Система автоматизации делопроизводства и электронного документооборота «Дело» [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 02.09.2013;

3. Об утверждении Комплексной программы развития инфраструктуры автодорожных пунктов пропуска на Государственной границе Республики Беларусь на 2011 - 2015 годы и внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 января 2006 г. N 35: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 08.02.2011, № 152// КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.

4. Регулятивные и процедурные барьеры в торговле в Беларуси. Оценка потребностей: Нью-Йорк, Женева, 2012, ECE/TRADE/403 // Сайт Европейской экономической комиссии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/trade/ct/ct_2012/BelarusNeedsAssessment_ECE-TRADE-403R.pdf. – Дата доступа: 02.09.2013.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

З.М. Кодар, г. Алматы, Казахстан

На постсоветском пространстве гендерная политика и гендерные исследования приобретают в гуманитарных науках всё большую актуальность. До сих пор в культурологии речь шла о человечестве как о сообществе индивидов, чьи различия рассматривались как незначительные. Разумеется, гуманитариями подразумевалось,что действующими лицами истории были как мужчины, так и женщины. Однако эта интенция не привела к определённым принципиальным выводам, имеющим мировоззренческое и методологическое значение для осмысления эволюции культуры. Как отмечает Г. Ф. Будде «социальная история и история общества пишутся всё ещё без учёта “гендерного”аспекта» [1, с. 143]. И лишь с XX в. гендерный аспект стал приниматься во внимание. Своеобразным толчком в развенчании маскулиноцентризма (или иначе:андроцентризма) явилось появление такого социокультурного феномена, как феминизм. Представители феминизма развернули крупномасштабную критику наличной культуры и её истории как сферы безраздельного мужского доминирования и пришли к такому пониманию половых различий, которое выражается посредством понятия «гендер», обозначающее социокультурный способ существования пола. Нетрудно заметить, что феминистские исследования строились и продолжают строиться, во-первых, акцентируя роль женщин и женского начала в культуре, во-вторых, аксиологически противопоставляя женское начало как якобы более высокое по сравнению с мужским.

Эти перекосы были в значительной степени преодолены появившимися в 1980-е – 1990-е годы гендерными исследованиями. Г. Г.Соловьёва справедливо говорит о своеобразном «гендерном повороте» в социокультурных и гуманитарных исследованиях [2, с. 6-15].

Гендерные исследования стали активно развиваться в 80-е годы прошлого, двадцатого века и уже со следующего десятилетия фактически оформились в особую научно-исследовательскую и педагогическую дисциплину. Но их появлению предшествовала длительная история существования другого рода исследований и общественных движений. Логически и исторически гендерным исследованиям предшествуют феминистские дискурсы, зародившиеся во вторую половину70-х годов XVIII в. на основе философско-политических и социально-антропологических идей эпохи Просвещения. Точкой отсчёта феминизма можно считать выход в свет в1792 г. книги Мэри Уоллстонкрафт «В защиту прав женщины» [3, с. 24-39].За этой книгой последовали многие другие публикации, посвященные поставленным М. Уоллстонкрафт проблемам. В XX в. философским бестселлером стала двухтомная работа Симоны де Бовуар «Второй пол» [4, с. 24-39]. В советское время гендерная проблематика рассматривалась преимущественно лишь под углом зрения брака и семьи, а также в демографическом аспекте. Издавались работы и

более общего характера, посвященные таким темам, как например:«Женщина и социализм», «Женщины в современном мире», «Женщины Востока»,«Женщины зарубежного Востока и современность», «Женщины в странах Азии и Африки», и др. Так, например, накануне распада СССР была опубликована в переводе с немецкого языка книга Е. Вардиман «Женщина в древнем мире» [5].

В настоящее время гендерная тематика представлена в научных кругах достаточно широко. При этом гендерные исследования подразделяются на: 1) общетеоретические,в которых с разных позиций исследуются проблемы гендера и общеметодологическая проблематика; 2) исследования, которые можно назвать прикладными, или дисциплинарными (в них анализируется гендерная проблематика в различных дисциплинах и в сферах жизнедеятельности.

К числу ведущих западных теоретиков, рассматривающих общетеоретические проблемы гендера, относятся: Л. Ауслендер, Дж. Батлер, С. де Бовуар, Р. Брайдотти,Г.-Ф. Будде, Э. Голдман, Л. Иригарей, Ю.Кристева, Т. де Лауретис, Н. Менделл, Дж.Ст. Милль, Г. Мур, Г. Рубин, Э. Сиксу, Дж.Скотт, Э. Спенсер, Б. Фридан, Р. Хоф, б.хукс, Ю. Эвола, П. Элиот и др.

Из постсоветских специалистов по гендерным исследованиям можно отметить наиболее продуктивных: Н. Абубикирову, Ж. Баймухаметова, Г. Брант, О. Воронину, С. Жеребкина, И. Жеребкину, Е. Здравомыслову, С. Касымову,Т. Клименкову, А. Кодар, З. Кодар, И. Кона, М. Малышеву, Н. Пушкареву,Л. Репину, А. Темкину, С. А. Ушакина и др.

Позитивное начало, присутствующее во многих гендерных исследованиях заключается в том, что в них заключён первоначальный импульс для развития мысли о человеке как о носителе определённого пола, его идентичности и адекватных способах его бытия.

Литература:

1. Будде, Г.Ф. Пол истории / Г.Ф. Будде // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. – М.: РГГУ, 1999. – Вып. 1.

2. Соловьёва, Г.Г. О «гендерном повороте» в современной гуманитаристике / Г.Г. Соловьёва // Адам әлемі – Мир человека. – 2007. – № 3.

3. Уоллстонкрафт, М. В защиту прав женщины / М. Уоллстонкрафт //Феминизм: проза, мемуары, письма. – М.: Прогресс; Литера, 1992.

4. Бовуар, С. Второй пол.: в 2 т. / С. Де Бовуар. – Т.1 – СПб.: Прогресс; М.: Алетейя, 1997.

5. Вардиман, Е. Женщина в древнем мире / Е. Вардиман. – М.: Наука,1990.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ БЕЛАРУСИ

Т.П. Короткая, г. Минск, Беларусь

Содержательная наполненность белорусской философской мысли теснейшим образом связана с христианской традицией. Начиная с 10 века установки христианства оказывают определяющее влияние на формирование культуры, философии, менталитета белорусского народа. Философская мысль Беларуси имеет давнюю и богатую традицию. Начальный ее этап восходит к XI-XII векам, времени Киевской Руси. Именно в тот период был сформулирован ряд положений, которые затем прочно вошли в философию последующих эпох: эстетизация и этизация философских идей, интерес к проблеме человека и общественно-политической проблематике, художественная окрашенность философского творчества. Принятие христианства дало толчок развитию письменности, зодчества, культуры древней Руси в целом, а кроме того – заменило языческое понимание мира как вечного круговорота идеями линейного исторического развития, самоценности каждого человека, важности морального выбора. Все это привело к своеобразной духовной революции, к открытию нового духовного горизонта – горизонта веры. Проблемное поле философии, культуры в целом начало определяться новыми смысловыми коннотациями, зачастую радикально переворачивающими их первоначальное античное значение и смысл. Фактически сама философская рефлексия после возникновения христианства и ассимиляции его идей не выходила за рамки новой религии, которая задала совершенно иной импульс философскому дискурсу. В истории философии можно фиксировать три основные установки, в которых философская мысль решала основную проблему взаимоотношения веры и знания, философии и религии. Первая установка нацелена на их синтез и представлена различными вариантами христианской философии. Вторая установка стремится к противопоставлению веры и знания, пытается найти критерии автономии этих сфер. Третья установка направлена на отвержение веры и философствование вне ее границ. Все три подхода в процессе развития европейской культуры претерпели значительную эволюцию. Философия Средних веков—прежде всего патристика и схоластика- задала вектор развития новому смысловому образованию-христианской философии. Эпоха Нового времени во главу угла поставила разум. Философы Нового времени (Декарт, Лейбниц, Спиноза и другие философы) считали, что в разуме находятся начала познания, которые не нуждаются в дополнительном обосновании, поскольку являются достоверными и могут сами служить основой для верификации знания. Разум стал всеобъемлющим принципом, который понимали как

универсальную способность человека и человечества. Начиная с эпохи Просвещения в европейской философии получают распространение философские течения, опирающиеся на разум, науку, т.е.доминировали светские формы общественного сознания. Эти течения ориентировались на развитие естественных наук и техники, как основ социального прогресса. Следует отметить, что все отмеченные установки взаимоотношения разума и веры присутствуют в интеллектуальном пространстве Беларуси.

С 14 века белорусская философская мысль стала своеобразным пограничьем меду Востоком и Западом Европы, точкой столкновения не только политических интересов России и Польши, но и двух духовно близких, но все-таки различных миров - православия и католицизма. Позднее (с 16 века) в это противостояние включается протестантизм, а начиная с эпохи Просвещения в более или менее систематической форме - идеи рационализма и материализма. Все это ставит перед исследователями ряд непростых задач. Прежде всего, необходимо исследовать формы проявления, персоналии и ,если это возможно, определенную специфику бытования в интеллектуальном пространстве Беларуси религиозной философии в таких ее существенных формах, как патристика(восточная и западная), схоластика(т.н. первая схоластика и вторая схоластика, связанная с периодом контрреформации в Беларуси и деятельностью ордена иезуитов). Сложной и чрезвычайно актуальной является проблема унии на белорусских землях, ее роль в духовной культуре Беларуси, оценка ее исторических судеб. Эти проблемы основательно исследовались историками, филологами, искусствоведам, однако они далеки от окончательного решения. В частности, творчество такого знакового и относительно изученного для белорусской культуры деятеля как Ф.Скорина остается и сегодня актуальным. По- прежнему актуален вопрос - кем же был Скорина - православным или католиком, какова роль протестантских идей в его творчестве? Надо признать, что эти проблемы решались в работах таких известных белорусских историков философии как Н.Алексютович, С. Подокшин, В. Агиевич и др. Однако вряд ли мы можем считать проблему исчерпанной. И в этой связи вновь встает вопрос о том, чем, какими причинами духовного порядка можно объяснить расцвет старобелорусской культуры 15-16 веков, появления в ней выдающихся личностей, «пассионарных» в терминологии Л.Гумилева (Ф.Скорина, С.Будный ,Л.Сапега и другие), какова роль в данном случае христианских конфессий? В этом же проблемном поле лежит и оценка культуры барокко, ее деятелей и ее значимости в развитии белорусской культуры.

Изучение религиозной философии является одним из важнейших направлений отечественной мысли. Ее актуальность видится как

собственно в восстановлении смыслового поля интеллектуального пространства Беларуси, так и тесно связанной с этой проблемой оценки роли и значения основных конфессий в истории духовной культуры Беларуси. Изучение религиозной философии является актуальным направлением историко-философских и религиоведческих исследований. При этом следует иметь ввиду, что изучать мы должны не только конкретно-историческую обстановку, описывать историю бытования конфессий в Беларуси, но должны исследовать те мировоззренческие, идейные образования, на которых строилась деятельность конфессий на том или ином этапе истории. В поле зрения исследователей должно попадать соотношение «местных» идейных образований с общеевропейскими духовными процессами. Здесь важно определить, какова специфика бытования той или иной идеи в социокультурном пространстве Беларуси. Думается, в методологическом плане эвристически значимой здесь является подход, который обозначается как история идей. До нашего времени этот подход использовался, но лишь частично, скорее рассматривалась интеллектуальная история, т.е.контекст. Как известно, история идей как направление в истории философии возникает в 20-ые годы 20 века(А. Лавджой, Д. Боас). Суть этой концепции состоит в том, что в процессе развития истории значительную роль играют т.н. «идеи-единицы». Идеи-единицы возникают и изменяют свою форму не только во времени, но также переходят из одной области знания в другую. Думается, что в методологическом плане этот подход плодотворен для исследования религиозной традиции в Беларуси, а именно, раскрытия бытования той или иной идеи в различных пластах белорусского общества, и прежде всего, в интеллектуальном пространстве конфессионального пограничья. В условиях пограничья развитие тех или иных идей «задерживалось» на наших землях и порождало свою специфику, свою окрашенность. Поэтому очевидно, что при исследовании религиозных идей в Беларуси необходимо учитывать общеевропейский контекст, а также специфику их бытования в белорусском регионе.

В методологическом плане также непростой задачей является экспликация ряда понятий, прежде всего, понятия религиозная философия. Известно, что ряд исследователей вообще отрицают правомерность такого образования, считают его нестрогим и неверным по существу. При этом следует иметь ввиду, что каждое из направлений христианства (православие, католицизм, протестантизм) имеет собственные конфессиональные особенности, задающие параметры взаимоотношения веры и разума, исходя из которых и строится отношение как к философии в целом, так и определяется статус религиозной философии. Для Беларуси христианство является основной религией, поэтому важно учитывать

конфессиональные особенности трактовки взаимоотношения веры и разума в той или иной конфессии христианства.

HOMO MORALIS ЯК ПРОДУКТ ЕВОЛЮЦІЇ: СУЧАСНІ ТЕНДЕНЦІЇ ПОЯСНЕННЯ МОРАЛЬНОЇ ПОВЕДІНКИ

О.П. Котовська, г. Львов, Украина

Традиційно західноєвропейське етичне вчення виходило із двох ключових положень: по-перше, кантівського розуміння категоричності (незмінності) етичних міркувань, першочерговості раціонального над емоційним, загального над приватним; а, по-друге, визначеного представниками етичного сенсуалізму історичного характеру моралі, яка виникає на основі елементарних психічних реакцій (почуттів, емоцій) людини, як біологічної істоти. На перший погляд два суперечливі щодо пояснення причин моральної поведінки твердження, по суті, доповнювали одне одного, адже визначили *homo moralis* і як самоствердкуючу особистість, і як соціальну істоту. Однак, наголосивши на тому, що вибір між добрим і поганим вчинком залежить не тільки від усвідомлення результатів дії чи бездіяльності, а й від індивідуального емоційного («упередженого») ставлення, теоретики філософії моралі продовжували розвивати її як теорію раціонального обґрунтування морального обов'язку (деонтологію, нормативну етику).

У другій половині XX ст. етичні розмірковування з приводу сутності моралі й моральної поведінки зазнали глибокої кризи. Під загальну критику потрапили традиційні моральні цінності, а відтак і критерії їх раціонального обґрунтування. Вже у 30-х рр. XX ст. різко загострилась проблема індивідуальної «відчуженості» на фоні поширення колективістичних та реваншистських настроїв «людини маси» (Х.Ортега-і-Гассет). Під владною рукою харизматичних лідерів, здеморалізовані маси ступали на шлях «баналізації зла» (Х.Арендт), на якому здійснення масових вбивств перетворились на «рутинну роботу». А по двох світових війнах індивід в першу чергу прагнув втекти від екзистенційних дилем у мовчазний, але безпечний комфорт. Задоволення примітивних бажань визначило ідейно-цільовий підмурівок техногенного суспільства, а карколомні темпи НТР створили можливість їх масової реалізації. Відтак техногенне суспільство породило феномен «консюмеризму» (споживацтва), коли індивід виступив у ролі пасивного споживача запропонованої йому соціально-політичної реальності, користувача матеріальних благ і попкультурних цінностей. Людина «плинної сучасності» (З.Бауман), як турист, не заглиблюється у внутрішню дилемність життєвих виборів, не бере участі у громадсько-політичному житті власного міста чи держави, а ставиться до життя як до розваги. Все, що виходить поза межі приватних інтересів, не цікавить людину «плинної

сучасності». Зокрема, діагностуючи негативні зміни, які впродовж останньої чверті сторіччя відбулись у виборчій активності американців, Р.Патнем прийшов до висновку, що зниження показників стосується не лише громадсько-політичної сфери, а й звичного проведення вільного часу. Традиційні для американців «командний дух», родинні цінності відійшли у минуле й сучасний американець надає перевагу грати навіть групові ігри наодинці із собою, а не у колі друзів чи сім'ї [2].

Звичні для нормативної етики механізми пояснення конкретних ситуацій у практичному застосуванні показали свою неефективність. Водночас глобальні соціальні, політичні, економічні та екологічні проблеми доводили, що їх вирішення неможливе без етичної позиції окремого індивіда, держави, світової спільноти. Усе частіше етична аргументація почала стосуватися прикладних питань та конкретних ситуацій. У 70-80-х рр. XX ст. «етичний бум» призвів до появи спеціалізованих етик (біоетика, екоетика, етика бізнесу, юридична етика, політична етика та ін.), кожна з яких визначила відповідні до сфери застосування механізми відповідальності.

Для прикладу, етика бізнесу, як одна з складових прикладної етики, займається регуляцією неекономічних питань професійної поведінки, спрямованої на максимальне одержання прибутку. Зазвичай у керівників та власників бізнесу немає чіткої організаційної та соціальної стратегії реалізації довгострокових інтересів. Для них простіше не задумуватись над моральними альтернативами, а думати виключно про власні інтереси. Діючи за алгоритмом короткострокового й егоцентричного прийняття рішень, їм важко перейти до стратегії відповідального бізнесу (управління), щоби у такий спосіб із середини зробити бізнес-середовище сприятливим. З цієї позиції важливим завданням етики бізнесу є раціональне доведення переваг моральної поведінки, подолання корупції та недовіри в бізнесі, у державній службі. Досліджуючи мотиваційну сферу прийняття рішень, етика бізнесу враховує як етико-філософські підходи (утилітарний, прагматичний, універсалістський та ін.), так і специфічні відносини, які складаються у межах групи та між стейкхолдерами (учасниками); зосереджується на аналізі індивідуальних (егоїстичних) мотивів у прийнятті рішень. Тому важливою складовою практичного переосмислення загальних положень бізнес-етики є залучення методу кейс-стаді, який базується на реальних проблемах професійної діяльності та є максимально наближеним аналогом прийняття рішень. Таким чином, етика бізнесу інтерпретує нормативне визначення моральних принципів крізь призму конкретної професійної діяльності та ситуації. Зважаючи на визначальний для кожного учасника відносин мотив одержання прибутку, етика бізнесу зосереджується на формуванні прибуткових і морально виправданих бізнес-рішень та наголошує на тому,

що довгострокові інтереси організації повинні базуватись на довірливих відносинах із громадськістю.

Предметне поле етики як науки про мораль вийшло далеко поза межі філософських узагальнень. Ще одна найновіша тенденція пояснення моральної поведінки ґрунтується на емпіричних даних із психологічних, соціологічних досліджень та широкого спектра, здавалося б, несумісних з етикою дисциплін. Міждисциплінарні та суперечливі з погляду традиційного етичного вчення дослідження з етології (науки, що вивчає поведінку тварин), когнітивістики та нейронаук (біології, генетики, медицини, хімії, інформатики, математики, лінгвістики) спрямовані на принципову переорієнтацію розуміння механізмів формування моральної поведінки. Ключова ідея, яку пропагує значна частина дослідників (Д.Деннет, Р.Докінз, С.Пінкер, П.Сміт-Черчленд та ін.) з цих галузей – *homo moralis* є продуктом еволюції. Прихильники нового витка етичного еволюціонізму доводять, що механізми моральної поведінки закладені генетично та не залежать від етнокультурної приналежності. Для більш наочного зображення ними часто використовуються аргументи з теорії ігор (математичних моделей прийняття оптимальних рішень) та мисленнєвих експериментів. Серед них широкої популярності набула «дилема вагонетки». Вона була вперше запропонована у 1967 р. британською філософинею Ф. Фут, щоб показати моральне розрізнення між вбивством і пасивним дозволом на смерть. У інтерпретації М. Хаузера ця моральна дилема передбачає ситуацію, в якій трамвай, що втратив керування, прямує до місця зупинки, на якій перебувають п’ять людей [1]. Серед варіантів показовими є гіпотетичні дилеми пасажирки трамваю Деніз, яка може повернути ручку й направити трамвай у сторону на чоловіка, та Френка, який, спостерігаючи за ситуацією з мосту, може зупинити трамвай, кинувши під нього будь-який великий предмет (єдиним таким об’єктом на мості, який стоїть поруч Френка, є огрядний чоловік). З прагматичної точки зору ці варіанти рівнозначні: Деніз та Френк стоять перед вибором здійснити певну дію заради порятунку п’яти життів та спричинити смерть одного. Але, керуючись в цій ситуації моральними складовими прийняття рішення, більшість людей (близько 90%) вважають, що Деніз повинна повернути ручку, тоді як Френку категорично заборонено скидати чоловіка з мосту. Отже, приходить до висновку колишній професор психології та завідувач лабораторії когнітивної нейробіології приматів Гарвардського університету М. Хаузер, у такій ситуації людьми керує так званий «орган моралі», який «захований» у мозку людини.

Підсумовуючи загальні тенденції розуміння моралі, слід зазначити, що сучасне її пояснення головно наголошує на доказових, емпірично доведених аргументах та не вирішує екзистенційного занепокоєння тих

мислителів, які не перестають апелювати до духовного начала кожного окремого індивіда при виборі моральної поведінки.

Література:

1. Hauser, M.D. Moral Minds: How Nature Designed a Universal Sense of Right and Wrong / M.D. Hauser. – New York: Ecco, 2006.

2. Putnam, R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / R.D. Putnam. – New York: Simon & Schuster, 2000.

ЦЕННОСТИ МЕТРОПОЛИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Е.Г. Кривых, г. Москва, Россия

Преемственность ценностей – одна из закономерностей общественного развития. Колоссальные темпы научно-технического прогресса, значительные изменения в образе жизни человечества, которые можно характеризовать как цивилизационные сдвиги, глобальный урбанизационный переход оказывают воздействие на культурные универсалии, содержательное ядро которых составляют ценности. Динамика ценностных сдвигов проявляется в понимании феномена города в общественном сознании.

Урбанизация, проявляющаяся как объективный процесс, находит своё выражение не только в увеличении удельного веса городского населения, возрастании значимости городов в общественном развитии, но и в формировании новых форм социальности, основанных на ранее не свойственных обществу способах пространственной организации социальных практик.

Город исторически возникает как воплощение главной функции – защиты своих граждан. Архетипический образ основателя города – это древний воин, тень от копья которого очерчивает сакральный круг, утверждая таким образом субъективное пространство, обитаемый ландшафт. Образование, имеющее форму круга, окруженное естественными и искусственно созданными преградами, наиболее адекватно воплощает идею создания жизненного пространства, *места*, которое «включает представления об основных ориентациях, …центрах и целях, в которых мы выражаем значимые события нашего существования» [1, с.142]. Основная функция возникновения города получает оптимальное выражение в адекватной форме. Концентрация усилий в противостоянии хаосу примитивных социальных отношений, первичной жёсткой зависимости от природы оформляется как онтологически укоренённая идея «собирания пространства вокруг центра».

Идея субъективно центрированной формы исторического изначального места обитания обосновывается современной психологией и философией. Немецкий философ П.Слотердайк в труде «Макросферология» в качестве базисного тезиса представляет идею, что

«бытие-в-сфере составляет фундаментальное человеческое отношение» [2, с. 238], поскольку именно с таким способом восприятия мира связан социокультурный иммунитет людей, своего рода «человеческий modus vivendi». Бытие-в-сфере основывается на представлениях о защищённости, целостности человеческого рода, рождении идей о добре и зле, гармонии и красоте мира. Классическая форма города во всех многообразных исторических явлениях восходит к этой традиционной системе ценностей, которая находит своё воплощение в социокультурных механизмах, нормативно определяющих градостроительную структуру города посредством функционального зонирования, возведения наиболее значимых объектов, зданий-символов. Классические элементы городской структуры, таких как дом, квартал, главная улица, площадь, мосты и т. д., являются своего рода «паттернами», образцами, порождающими ценностные смыслы в обретении горожанами своей культурной и коммуникативной среды.

В последующем цивилизационном развитии переход к форме индустриального города осуществлялся «через идею социального класса», выдвигавшего новую систему ценностей, что нашло своё выражение и в меняющемся облике города: масштабные публичные пространства, широкие проспекты предназначались для символических действий в духе социального оптимизма марксистской теории [3, с. 59].

Современная урбанизация характеризуется движением от пространства мест к пространству потоков. Пространство мест обусловлено привязанностью людей к занимаемой ими территории. Формирование пространства потоков (термин М.Кастельса), определяемого сетевой коммуникацией, характеризуется прежде всего «превосходством инфраструктуры», и следовательно рыночной стоимостью, социальным отбором. Новая урбанизированная среда возникает как глобальная горизонтальная коммуникация, отличающаяся гибкостью, адаптивностью, предоставляющая широкие возможности индивидуального самовыражения [4, с. 153].

Набирают силу центробежные тенденции, ломающие представления о традиционной форме города. Очевидность этого процесса выражается в «исходе» жителей в ближние и дальние пригороды, снижении коммерческой активности центра путём вывода офисов и мегасторов к кольцевым магистралям. «Публичное пространство» в своём функциональном значении как место коммуникативного взаимодействия часто переходит в закрытое пространство, в замкнутые объёмы зданий (здания общественного назначения, мегамоллы, ТРЦ). И наконец, как отмечает В.Глазычев, происодит угасание эстетического стиля культурного исторического центра, как и классической формы города, которая дошла до нас в качестве одной из традиционных ценностей,

ностальгически переживаемых, но постепенно угасающих в общественном сознании [5, с. 21]. Если для классического города в целом было характерно стремление к единству формы и содержания, что находило своё выражение в меняющихся исторических образах городов-храмов, -крепостей, -садов, -заводов, то для современного мегаполиса подобное единство проблематично. Форма агломерации предстаёт как многополюсное гибридное пространство, пронизанное сетью коммуникаций, в качестве таковых выступает транспортная структура, информационные потоки. «Новая урбанистика» находится в поисках новых текучих гибридных форм проектирования урбанизированного пространства. Невозможно конструирование доминирующего эстетического стиля, идентичность жителя метрополии в силу динамичности и мобильности господствующего образа жизни приобретает виртуальный характер, система ценностей ориентирована на постоянное обновление.

Житель мегаполиса испытывает тяготы «принудительной социальности» (термин П.Слотердайка). В обществе, которое декларирует первенство коммуникации как постоянного взаимодействия, как информационного напряжения, - необходимо, в том числе и посредством архитектурных и градостроительных решений, обеспечить защиту человека, личности от интенсивности социальной жизни. Одна из важных задач новой урбанистики - разграничение частного и публичного пространств, создание возможности для личности «эмоционального переживания пустоты», что является и физиологической потребностью. Культурный иммунитет человека должен подпитываться «архитектурной и санитарной автономией» [6, с. 584]. Обращаясь к наследию Ле Корбюзье, П.Слотердайк трансформирует его идею о жилой ячейке в понятие апартаментов, имея в виду более обширное, технологично обустроенное пространство, обеспечивающее дискретное существование.

В проблеме публичности проявляется и важный политический аспект. Г.Ленк своё выступление на Мировом философском конгрессе в Афинах посвятил рассмотрению публичности в контексте информационного общества. Одна из ценностей человеческого общежития, сформированная в античном полисе в эпоху Перикла, публичность принятия решений в аргументированной доказательной дискуссии привела к возникновению политических демократических институтов современного общества. Современный горожанин постоянно находится в информационном пространстве. Мгновенные массовые всплески человеческой активности в результате спонтанной эмоциональной реакции на информационный сигнал превращаются в значимые политические события, и это заставляет вновь определять

границы проявления свободы, сущность этого концепта как одной из главных ценностей «Открытого общества».

Вспомним афоризм – «городской воздух делает человека свободным». В эпоху становления западного либерально-демократического общества в этом понятии концентрировались все значимые ценности человеческой жизни. Ныне параметры, позволяющие оценивать значение города в системе мировых городов – деловая и политическая активность, информационный обмен, индекс человеческого капитала, событийность культурной жизни, – технологичны в смысле количественной измеримости показателей, но весьма далеки от метафизической составляющей человеческого бытия.

Литература:

1. Степанов, А.А. Архитектура и психология: Учеб. пособие для вузов / А.А. Степанов. – М., Стройиздат, 1993.

2. Слотердайк, П. Макросферология: в 3-х т. / П. Слотердайк. – Т.1.: Пузыри. – М.: Наука, 2010.

3. Цит. по: Филиппов, А.Ф. Пустое и наполненное: трансформация публичного места. Социологическое обозрение / А.Ф. Филиппов. – Т. 8. – № 3. – 2009.

4. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. –Екатеринбург: У- Фактория, 2004.

5. Глазычев, В.Л. От традиционной формы города – к мегаполису / В.Л. Глазычев // Города мира – мир города. – М.: «Северный Паломник», 2009.

6. Слотердайк, П. Сферы: Плюральная сферология / П. Слотердайк. – Т. III: Пена. – СПб.: Наука, 2010.

7. Город в контексте глобальных процессов. – М.: МГУ, 2011.

ФЕНОМЕН НОВОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ: ГЕНЕЗИС В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА

Е.А. Круподеря, г. Минск, Беларусь

Вторая половина XX - начало XXI вв. отмечены множеством новаций в социокультурной и духовной жизни, оказывающих значительное влияние на конструирование постмодернистской картины мира и формирование мировоззренческих ориентиров в современном постиндустриальном, информационном обществе. Одним из выразительных проявлений таких культурных и духовных новаций стал феномен новой религиозности, отразивший разнообразие и неоднозначность форм возрождения религиозной жизни в западном, а затем постсоветском обществе.

Различные новые религиозные течения возникают в западных странах со 2-й половины XX в., как альтернативные формы духовности

или проявления контркультуры; многие из них отличаются крайней эклектичностью религиозной идеологии и философии, спецификой религиозно-психологического воздействия и культовой практики. В 1980-х гг. феномен новой религиозности начинает проявляться на территории СССР, а в 1990-е гг. – на постсоветском пространстве, в странах СНГ, включая Беларусь. Поиск его истоков предполагает обращение к тем процессам, что протекали в общественно-культурной и духовно-нравственной жизни во второй половине XX в. и обусловили изменения в массовом сознании, приведшие к всплеску новой религиозности.

По мнению многих западных исследователей, в разного рода социокультурных изменениях, имевших место в западном обществе начиная с 60-х гг. XX в., проявляется феномен социальной трансформации, который влечет за собой отчуждение индивида от прежних социальных структур и объединений и поиск новых, что и обусловило возникновение новых религиозных движений. Основные же причины этого явления заключаются, во-первых, в преобразовании культурных и ценностных ориентиров (поиск новых идеалов, призванных оспорить традиционное христианство и утилитарную культуру Запада); во-вторых, в деформациях социальной структуры (например, деинституализация многих аспектов частной жизни, что приводит к нравственной и психологической дезориентации); в-третьих, в изменениях роли и назначения религиозных институтов (связанных с проблемой секуляризации) [1, с. 57-58].

Весьма существенным оказалось влияние социально-психологических факторов на мировосприятие в контексте оценки глобальных общецивилизационных процессов. XX век в восприятии современников выступал не просто рубежом тысячелетий, но и эпохой природных и социальных катаклизмов, свидетельством глубокого кризиса, переживаемого человечеством и поразившего все сферы жизни общества: экологическую, социально-политическую, культурную, духовно-нравственную и религиозную. В массовом сознании это порождало острую психологическую напряженность и становилось основанием для возрождения или оживления религиозных чувств, особенно мистических и эсхатологических настроений. Таким образом, оживление религиозности и возникновение новых религиозных движений отражало реакцию людей на кризисное состояние социума, актуализировавшее компенсаторную функцию религии.

Генезис новой религиозности на постсоветском пространстве был обусловлен еще и спецификой социальной и духовной ситуации, сложившейся в последнее десятилетие XX в. Наступивший после распада СССР глубокий кризис, вызванный ломкой прежних государственно-политических, социально-экономических и идеологических основ, и

трансформационные процессы переходного общества создали благоприятную почву для распространения новых религиозных движений. Социальные негативы: падение жизненного уровня, безработица, рост преступности и коррупции, наркомания, алкоголизм, духовно-нравственная деградация – приобрели ранее неизвестные масштабы. Это накладывалось на атмосферу идеологического и духовно-психологического кризиса, связанного с крушением прежней системы базисных мировоззренческих ориентаций и коммунистической идеологии, формируя пессимистическое социальное мироощущение, состояние страха, тревоги, неуверенности. С другой стороны, проявления морального кризиса и бездуховности вызывали, как обратную реакцию, «усиленное стремление людей к восприятию духовно-моральных, особенно религиозных, ценностей» [2, с. 10]. Возникшая необходимость заполнения образовавшегося мировоззренческого вакуума и поиска новых смысложизненных ориентиров приводила к возрождению религиозности, принимавшему разные, подчас неоднозначные формы, одной из которых стало увлечение новыми религиями.

Фактическое же отсутствие контроля со стороны государственных властей конфессиональной ситуации в данный период способствовало активизации и неограниченной деятельности новых религиозных организаций [3, с. 67]. Таким образом, идеологический плюрализм и духовная свобода, преломившись сквозь призму сложившейся социокультурной ситуации, приобрели и неожиданно проблематичную форму, проявившуюся в активизации и бесконтрольной деятельности новых религиозных организаций. Этому способствовала и специфика религиозной ситуации в начале 1990-х гг., заключавшаяся, во-первых, в трудностях восприятия людьми вероучения и культовой практики традиционных конфессий из-за отсутствия религиозного опыта; во-вторых, в институциональных и организационных проблемах у традиционных церквей, а также внутри- и межконфессиональных противоречиях. Это объясняет легкость увлечения новой религиозностью, мистицизмом, оккультизмом и т.д., чему способствовали также массовый интерес к необычным, экзотическим духовным новациям, «мода на сакральное».

В результате, генезис новой религиозности проявился в возрождении и распространении суеверий и паранаучных знаний (астрология, мантика, экстрасенсорика, уфология и т. д.), усилении миссионерской деятельности зарубежных проповедников и религиозных центров, появлении местных неокультов, росте числа соответствующих организаций и активизации их деятельности, религиозно-мистической и оккультной пропаганде в СМИ. При этом стоит учитывать и субъективно-психологические факторы, обеспечивающие подверженность индивида манипуляциям сознанием, что активно используется в психотехниках по привлечению и обработке

адептов многими неокультовыми организациями, особенно т.н. «деструктивными сектами».

Итак, если в Западной Европе и Америке неорелигии возникают как альтернатива традиционной религиозности, то в постсоветских странах – еще и как следствие плюрализации всех общественных процессов и религиозной жизни, в частности, «проявление голода и своеобразного идеологического протеста» [4, с. 235]. Масштабы распространения новых религиозных движений в мире, трансляция ими новых религиозных ценностей и идеологических концептов, а также занятие определенной социальной, культурной и политической ниши в обществе отражают их становление в качестве влиятельного феномена в мировоззренческой системе эпохи постмодерна. В то же время неоднозначные духовно-психологические воздействия, инциденты асоциального и антисоциального характера в истории деятельности многих новых религиозных организаций позволяют отметить и деструктивный потенциал, присущий данному явлению.

Литература:

1. Можейко, Л.М. Феномен неокультов как объект рефлексии: важнейшие подходы и результаты / Л.М. Можейко // Веснік Гродзенскага дзяржаунага універсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1. Гіст. Філ. Паліт. – 2002. – № 2.

2. Бабосаў, Я.М. Сацыёдынаміка рэлігійнасці і рэлігійнай сітуацыі ў постсацыялістычнай Беларусі / Я.М. Бабосаў // Весці Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 1995. – № 3.

3. Гурко, А.В. Новые религии в Беларуси: генезис, эволюция, последователи / А. В. Гурко. – Минск: МИУ, 2006.

4. Землякоў, Л. На пераломе: рэлігія ў сучасным беларускім грамадстве / Л.Землякоў // Полымя. – 1996. – № 11.

КУЛЬТУРА МЕГАПОЛИСА: СОСТОЯНИЕ И ПРИОРИТЕТЫ

В.Н. Ксенофонтов, г. Москва, Россия

Сложные и актуальные проблемы модернизации российского общества и перспективы его развития выдвигают на передний рубеж научных исследований выяснения места и социальной роли культуры как важного феномена. Особое значение в этой связи приобретает анализ состояния, детерминантов и тенденций развития сферы культуры в крупных мегаполисах, ее роли в духовной жизни горожан.

Следует подчеркнуть, что важным показателем в выяснении культуры, её состояния и приоритетов применительно к такому массиву, как москвичи, петербуржцы и минчане выступают социологические исследования.

Результатом исследования (метод анкетирования) стали социально-статистические данные, раскрывающие реальное состояние процессов, протекающих в культурной сфере духовной жизни жителей Москвы, Санкт-Петербурга и Минска.

Время культуры предстает не только как готовая организационная форма, реализующая культурный опыт (в том числе Москвы, Санкт-Петербурга и Минска), но как единство этой объективной социальной формы и формы осмысления бытия людей. Время культуры есть также ее проявление через значимость видов и жанров в духовной жизни общества на определенном историческом этапе развития, и вместе с тем, объективации тех духовных ценностей, на которые она ориентирует людей и которые закрепились в духовном мире личности.

Однако такой процесс протекает далеко не беспроблемно. Об этом говорят данные исследования (таблица 1).

Таблица 1

По Вашему мнению, какое воздействие оказывает на формирование духовного мира москвича, петербуржца, минчанина состояние культуры в городе?

Вариант ответа	**Москва (%)**	**СПб (%)**	**Минск (%)**
Позитивное	49,8	56	62
Отрицательное	20,8	16	12
Затрудняюсь ответить	24,9	20	19
Другое	2,2	5	4
Нет ответа	2,3	3	3

Из таблицы видно, что состояние культуры мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург, Минск) далеко не одинаково оценивается в воздействии на духовный мир личности опрашиваемыми.

В этой связи весьма актуальное теоретическое и практическое значение приобретает знание россиянами приоритетов культуры в современной России. Согласно исследованию выяснению этой проблемы служат вопрос и ответы на него, приведённые в таблице 2.

Таблица 2

Отметьте приоритеты, на которые должна опираться, на Ваш взгляд, сфера культуры мегаполиса (определение места по степени важности с 1-го по 5-е):

Вариант ответа	**Место**						
						Затрудняюсь	**Нет**

						ответить	ответа
Отечественная культура	2,2	5,7	,4	,3	,5	0,3	0,9
Зарубежная культура	,3	3,1	8,8	6,5	9,0	0,3	1,0
Национальная культура	2,1	6,6	1,1	0,9	,7	0,3	1,3
Народное искусство	,8	5,7	0,3	4,3	3,1	0,3	1,6
Интеграция отечественной и зарубежной культуры	,6	,3	2,5	5,8	4,8	0,3	0,6

Ответы респондентов (г.Москва) позволяют сделать два важных вывода: во-первых, более 72% из них убеждены, что именно отечественная культура – доминирующий компонент эстетической культуры россиян; во-вторых, каждый третий из опрошенных подчёркивает в ней такой компонент, как интеграция отечественной и зарубежной культуры.

Искусство, и прежде всего литература, как форма общественного сознания, выполняющее функцию отражения действительности в образах и формирования духовного мира людей, занимает особое место в культуре. Это подтвердило и наше исследование (г.Москва). (таблица 3)

Таблица 3

Проранжируйте, пожалуйста, виды искусства, воздействующие на духовную культуру личности, по степени Вашего предпочтения с 1-го по 5-е места (1-е – наиболее важное; 5-е – наименее важное):

Вариант ответа	Место					
					5	Нет ответа
Художественная литература	7,2	0,8	,6	,7	3,2	2,6
Кинематограф	6,0	6,8	7,6	8,5	14,1	7,0
Классическая музыка	,7	8,8	6,5	0,8	10,5	15,7
Театральное искусство	2,1	7,9	5,6	2,7	9,9	11,8
Эстрадная музыка	,9	,1	,0	,9	18,5	58,4

Изобразительное искусство	,1	0,5	,9	3,7	29,1	32,2
Монументальное искусство	,9	,2	,8	,6	15,3	65,8

Из исследования респондентов-москвичей с очевидностью вытекает, что первое место по степени предпочтения видов искусства принадлежит художественной литературе. Второе место, по взглядам опрошенных принадлежит кинематографу, а третье место занимает классическая музыка.

Литература – явление специфическое. Она отличается от любой другой деятельности тем, что произведение искусства всегда есть результат духовной деятельности, осознания и характерного отражения в художественной форме нравственных сторон действительности.

В этом плане интересны и поучительны точки зрения респондентов г.Москвы, г.Санкт-Петербурга и г.Минска на проблему нравственной роли культуры в духовной жизни крупных городов (таблица 4).

Таблица 4

По Вашему мнению, современное состояние сферы культуры мегаполиса по своей направленности…

Вариант ответа	**Москва (%)**	**СПб (%)**	**Минск (%)**
Способствует росту нравственности личности	30,4	41	58
Не влияет на его нравственность	18,5	15	13
Подавляет нравственные ориентиры личности	15,7	14	12
Зачастую тиражируется безнравственность	27,2	21	12
Затрудняюсь ответить	5,4	5,9	3,5
Другое	1,0	2,1	1,5
Нет ответа	1,9	2	1

Сравнение полученных ответов можно охарактеризовать следующим образом. 58% респондентов г.Минска считают, что культура их города по своей направленности способствует росту нравственности личности, а 12% склонны полагать, - «зачастую тиражируется безнравственность». Соотношение таких показателей у опрашиваемых г.Санкт-Петербурга выглядит так: 41% (позитивная оценка), 21% - негативная. В свою очередь каждый третий респондент-москвич подчеркнул роль культуры в росте

нравственности личности, а 27% указало на распространение в столице безнравственности через культуру.

Проведенное сравнительное исследование состояния культуры таких мегаполисов как Москва, Санкт-Петербург и Минск с учетом ее реалий, как позитивных, так и негативных, ведет к важному выводу. Он выражается в том, что все респонденты едины в том, что культура формирует духовный мир личности, способствует её развитию, играет важную социальную роль.

МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Т.В. Кузьменко, г. Минск, Беларусь

О необходимости укрепления и развития местных сообществ все чаще говорится в контексте мировых процессов глобализации. Местное сообщество представляет собой важный социокультурный ресурс и источник процессов развития и является тем социальным пространством, где сохраняется местная самобытность, альтернативные массовой культуре и потребительству ценности личностного развития.

Особое место в рассмотрении проблемы развития местных сообществ принадлежит малым городам как наиболее распространенной, многочисленной и устойчивой во времени категорией населенных пунктов в Беларуси. Кроме того, именно эти города выступают в качестве промежуточного звена между большими городами и сельскими поселениями, являются местами приложения труда и выполняют функции центров обслуживания для многочисленных сельских поселений республики.

Под местным сообществом понимается консолидированная общность людей, связанная общими интересами, целями и осознающая свою связь друг с другом и с данной территорией как ценностью [1, с. 128]. Важнейшим фактором формирования местного сообщества является идентификация с территорией проживания. Именно идентификация социального и культурного плана представляет собой довольно значимый ресурс местного развития. Ведь чем большее количество людей увязывает свою судьбу, судьбу своих детей и свои жизненные успехи с проживанием в данном месте, тем большим энергетическим потенциалом и соответствующими ресурсами для претворения в жизнь программ дальнейшего развития эта территория обладает. Только связывая собственную судьбу и судьбу своей семьи со своим селом, агрогородком, городом, человек будет проявлять активность, направленную на улучшение жизни на данной территории.

Социологическое изучение и измерение состояния местных сообществ малых городов включает спектр вопросов, связанных с

отношением к своему населенному пункту, идентификацией, а также со спецификой социальных связей и социального капитала в данном фрагменте социального пространства. Результаты исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси (в 2011 г. опрошено 1768 жителей малых городов и сел по республиканской выборке), свидетельствуют о преобладании позитивного отношения большинства жителей малых городов к своему населенному пункту: четверть (26,4%) рады, что живут в нем, более половины (53,2%) в целом довольны, хотя многое их все-таки не устраивает.

Включенность в местное сообщество во многом обусловлена степенью идентификации с окружающими людьми – соседями, жителями района и т.п. Большинство населения малых городов (76,9%) испытывает чувство общности с жителями своего поселения. Вместе с тем, при анализе выявилось, что жители малых городов практически в равной степени испытывают чувство общности как с городскими (64,1%), так и с сельскими жителями (57,6%), что обусловлено существованием прочных связей между селом и городом (обмен ресурсами, трудовая миграция, родственники и дети в городе и т.п.). С другой стороны, это свидетельствует о своего рода «промежуточном» состоянии малых городов между городом и селом и о неопределенности самоидентификации их жителей.

Демонстрируя в целом позитивное отношение к своему городу, 42,1% опрошенных жителей малых городов тем не менее, не хотят, чтобы их дети жили и работали в их населенном пункте, ориентируя их на получение высшего образования и жизнь в крупном городе. С одной стороны, это следствие более низкого социально-экономического развития малых городов относительно крупных областных центров и столицы. А с другой − результат рассогласованности между социальными ожиданиями и социальной повседневностью, когда под воздействием западной массовой культуры, предлагающей через средства массовой информации чуждые, не обеспеченные ни общественным богатством, ни культурными традициями нормативные образы, у людей (особенно у молодежи) формируется установка на недостижимый в условиях своего городка образ жизни и потребления. Такая тенденция несет в себе значительные социальные риски для сохранения человеческого потенциала малых городов и общества в целом.

Одним из важнейших ресурсов адаптации и источников жизнеспособности социума выступают социальные сети, неформальные институты поддержки – семейная и соседская взаимопомощь. Их роль в жизнедеятельности местных сообществ в малых городах достаточно высока. Только 7,7% среди опрошенного населения малых городов указали, что в их населенном пункте нет людей, которым они доверяют и к

которым можно обратиться за помощью в трудную минуту. Высока степень включенности населения малых городов в процессы сетевых обменов (более 70% опрошенных участвуют в оказании/получении помощи со стороны родственников, друзей, соседей).

Важным показателем включенности населения в местное сообщество выступает степень сознательного, осознанного отношения сельчан к делам своей территории. Данные исследований показывают, что жители малых городов не безучастны к жизни своего населенного пункта: большинство (76,9%) постоянно интересуется информацией о событиях в своем городе, отражаемых в местных средствах массовой информации, четверть (23,7%) принимают участие в инициативах по благоустройству, улучшению жизни в своем городе, оказанию помощи нуждающимся и т.п.

Высокая степень включенности в сети межсемейной и соседской взаимопомощи, интерес к жизни своего города, наличие активных жителей могут выступать в качестве предпосылок для актуализации самоорганизации местного сообщества как ресурса развития территории. В этой связи все более актуальной становится проблема участия местных сообществ в местном самоуправлении. Социологические исследования фиксируют слабую степень включенности населения в процессы управления своей территорией. Так, только 46% опрошенных жителей малых городов ответили, что в их населенном пункте существуют те или иные формы местного самоуправления (собрание, сход граждан, публичные слушания и т.п.), в которых, по мнению респондентов, участвуют лишь наиболее активные граждане. А между тем, создание условий для распространения различных форм местного самоуправления и стимулирование населения к участию в них способствует росту ответственности каждого жителя за судьбу своего региона, за решение насущных проблем своего населенного пункта и как следствие, интеграции общества.

Таким образом, именно самоорганизационные и генерирующие возможности населения, повышение активности жителей и развитие местных сообществ служат фундаментом интеграции и развития общества. Включенность в сети социального взаимодействия, способность к самоорганизации для решения насущных проблем выступает одним из ключевых элементов его социокультурного потенциала. В этой связи поиск форм включенности населения в процессы социокультурного развития территорий представляет основное проблемное поле, на которое сегодня должны быть направлены усилия исследователей и специалистов-практиков в области управления. Функционирование того или иного населенного пункта, в первую очередь, должно базироваться на вовлечении людей в процесс позитивных преобразований, становлении местного сообщества.

Литература:
1. Тюрин, Г.В. Кто будет развивать местные сообщества / Г.В. Тюрин // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития: Сб. науч. ст. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2010.

ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ И САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

А.И. Левко, г. Минск, Беларусь

Относительно философии давно и прочно утвердилось представление как об одной из разновидностей рефлексивной мыследеятельности, выраженной в познании в виде логики рассуждений и умозаключений, обретающих форму различных научных концепций и теорий. Традиция такого ее видения восходит еще ко времени жизни Платона. «При нем, - как отмечал, – немецкий философ, глава баденской школы неокантианства Вильгельм Видельбанд(1848 –1915), – культурный идеал человечества – придать своей жизни определенный образ при помощи науки – нашло свое воплощение в виде образа для всех времен… Эта историческая позиция Платона основана на том, что свои убеждения о сущности, ценности и цели науки – убеждения, проникающие во всю его жизнь и его учение,– он развил и творил, исходя из потребности и нужд греческого мира» [1, с. 365]

Платон и его последователи, как полагал Виндельбанд, и не подозревали, что ничто, в том числе и наука, не остается неизменным и что изменения эти заключены в самом развивающемся обществе. Для каждой исторической эпохи характер свой тип рациональности, основанный на той или иной системе ценностей. А сама история есть ни что иное, как процесс осознания и воплощения ценностей.

Менее распространенным является представление о философии, как учении об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру, включающую в себя не только гносеологию (учение о познании), но и аксиологию, и праксиологию, или учения о ценностях и основах нашего бытия (социально-культурной практики). Оно появилось лишь в конце Х1Х начале ХХ столетия в эпоху научно-технического прогресса, но по мере его углубления незаметно отошло как бы на задний план и даже стало вступать в противоречие с его основами. По этой причине само учение о бытии, за исключением экзистенциализма и феменологии, чаще всего до сих пор трактуется как «логос» или как составная часть теории отражения. Сама мыследеятельность в одном случае представляется как исключительно теоретическая или научная деятельность, критерием истинности которой выступает, противостоящая субъекту познания практика. Во втором – мыследеятельность фактически отождествляется с

социально-культурной практикой. Речь идет не только о неокантианстве и неогегелианстве, но и современной философской системно-мыследеятельной методологии. В одном и другом случае роль ценностей в современной культуре до сих пор явно недооценивается. Сама же культура при этом чаще всего представляется как что-то внешнее по отношению к человеку и его самосознанию. С большим трудом при таких подходах дается осознание того факта, что культура это не только то, что нам противостоит в качестве объективной реальности, но и то, что является неотъемлемой частью нас самих, нашего собственного «Я» нашего внутреннего духовного мира, нашей индивидуальности и нашей личности и степени проявления свободы ее воли. Ведь неразрывная связь между существующей социально-культурной практикой и нашим сомосознанием, с одной стороны, а также между самосознанием и свободой воли личности – с другой, носит далеко не явный характер, как и то, что сама существующая социально-культурная практика - неотделима от нашей творческой созидательной деятельности, нашей субъективности. Не случайно еще древние греки познание самого себя считали важнейшей философской проблемой, которая сегодня имеет не только познавательное, но и практическое значение в связи с развитием, как инновационных технологий, так и гражданского общества. Иное дело, что древние греки еще не связывали философию с социальными ценностями, считая ее выражением любомудрия самого познающего субъекта. Аксиология как философская дисциплина сформировалась достаточно поздно и еще позже стала достоянием и марксистско-ленинской философии, традиции которой унаследованы на постсоветском пространстве. "Представители господствовавшей в СССР версии марксистской философии отвергали само понятие ценности как "буржуазное" и считали аксиологию идеалистическим учением (как впрочем, и философскую антропологию, и культурологию - все, что выходило за пределы теории познания, к которой сводился диалектический материализм, и содержания исторического материализма, трактованного как "общая социология".

Воспитывавшийся у нескольких поколений советских философов примитивный рационализм и однобокий гносеологизм преодолевались с большим трудом – во всяком случае, ни в одном университете нашей страны до сих пор нет кафедры аксиологии, в новых учебниках по философии, написанных в последние годы, проблема ценности по-прежнему отсутствует, отданная "на откуп" этике и эстетике;..." [2, с .7].

Как следствие отечественная философия столкнулась к настоящему времени с неразрешимыми проблемами свободы и творчества, сознания и самосознания личности, которые в эпоху постиндустриального или информационного общества становятся ключевыми факторами общественного развития. Мы сегодня с трудом представляем себе, что

широко импортируемые с Запада педагогические и другие практико-ориентированные технологии, как и «новации» в области науки и образования, есть своеобразный результат философской рационалистической традиции и нежелания что-либо менять в этой области. Еще сложнее дело обстоит с формированием самосознания личности и, прежде всего профессионального самосознания, без которого на серьезные успехи ни в экономической, ни в политической областях рассчитывать не приходится.

Самосознание немыслимо вне ценностно-смыслового отношения к миру, вне осознания себя как части социально-культурного бытия, вне духовно-практического освоения мира и свободы самореализации. Оно, прежде всего, социально-культурный феномен, имеющий ценностно-нормативную, а не логико-рациональную основу, а потому трансформируется по мере трансформации самой культуры, ее смыслов и значений, а не вслед за изменением социальной структуры общества, его социальных институтов. Субъект-объектные отношения, на которых основана познавательная деятельность, не есть нечто само собой разумеющееся. Чтобы выделить себя из мира, прежде всего надо идентифицировать себя с ним, определить свое место и роль в его развитии, сделав соответствующий духовно-нравственный выбор. Чаще всего это не только не происходит вслед за изменением объективных условий, но и значительно затруднено в связи с изменением ценностных критериев. Стремление же господствовать над этими условиями за счет сознательного использования закономерностей природы в собственных прагматических целях обычно оборачивается потерей субъективности личности, превращением ее в элемент социальной системы и потерей ее самосознания. Деперсонализация человека происходит вместе с прогрессом рационалистического мышления, осознания силы власти и денег и потерей чувства внутреннего достоинства. Она во многом закрепляется существующей системой образования, ориентируемой на основы наук, исходя из представления о человеке как существе разумном уже по своей природе или как образе и подобия Бога. Однако самосознание человека как образ и подобие Бога разительно отличается от самосознания человека, определяемого его общественной значимостью и реальными социальными ролями или естественными потребностями и способностями. Оно неразрывно связано с его волей и творческими способностями, с внешним и внутренним принуждением и законодательством.

Как отмечал все тот же Вильгельм Виндельбанд, являющийся одним из основоположников западной аксиологии, «проблема свободы в бесконечно разнообразных вариантах повсюду вырастает из этого сознательного законодательства, которому подчинена наша повседневная

жизнь: законодательства принужденного и естественного процесса и законодательства долженствования и идеального предпочтения. Лишь начиная с того времени, когда возникло представление о божественном велении и о грехе как его нарушении, когда была осознана противоположность между естественным и божественным порядком лишь тогда возникла проблема свободы» [1, с. 184]. Этому способствовала, по его мнению, прерывающая естественную необходимость форма психической жизни, которая привила чувство величия. Эта проблема коренится в чувстве ответственности. Объективному мировоззрению проблема свободы известна только с ее моральной стороны. В этой области каждый осознает, что существует система предписаний, которые он должен выполнять и от которых он в большей или меньшей степени уклоняется в своем действительном волении и поведении. Однако, прежде всего, необходимо указать на то, что народным массам доступно в этой области было лишь чувство ответственности под действием наших гражданских учреждений, с одной стороны, и религиозных убеждений – с другой, оно сравнимо с чувством страха перед неприятными последствиями, выраженными в гражданском осуждении. Стоило было утерять это чувство, и свобода превращалась в безответственность и произвол. Не по этой ли причине борьба с коррупцией и другими должностными преступлениями превращается в неразрешимую проблему, возрастающую как снежный ком по мере ориентации на прагматический интерес и по мере замены элементов общественного самоуправления практикой классического менеджмента.

Истоки существующих экономических, политических и социальных проблем коренятся в самой существующей социально-культурной практике и состоянии самосознания народа, ориентируемого на ту или иную систему социальных ценностей, которые могут формироваться как спонтанно, так и целенаправленно. Однако, к сожалению, существующая государственная идеология, которая призвана регулировать данный процесс, пока не выходит за рамки традиционного рационализма и глобализма. Ценности современной культуры и их трансформация не находятся в эпицентре ее внимания. Отсюда и соответствующая ее эффективность.

Литература:

1. Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. – М.: Юрист, 1995.

2. Коган, М.С. Философская теория ценностей / М.С. Коган. – Санкт-Петербург: ТОО ТК "Петрополис", 1997.

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.И. Лойко, г. Минск, Беларусь

Идентичность рассматривается нами как определенное содержание и структура индивидуального и общественного сознания. В этом сознании важную роль играют механизмы культурного детерминизма, которые обеспечивают преемственность социальной жизни, солидарность поколений, выполняют охранные функции по отношению к ценностям и традициям. При этом идентичность не сводится только к кумулятивной функции. В ней представлена интенция на модернизацию деятельности. Она проявляется в виде проективной миссии. Эта миссия содержательно представлена ценностями рефлексивного и пассионарного происхождения. Пассионарные компоненты впервые были изучены Л. Гумилевым. Их суть заключена в нерефлексируемом интенциальном импульсе, детерминированном космической энергией [1, с. 12]. За относительно короткое время этот импульс трансформируется из совокупности разрозненных носителей в коллективное бессознательное с кумулятивной структурой архетипов. Космические, биосферные факторы дополняются цивилизационными маркерами идентичности. Они выбираются путем сравнительного анализа, что и сделал князь Владимир, отдавший предпочтение православию. В пределах древнерусского государства возникло евразийское пассионарное движение русичей-славян, которое топологически сместилось в место отдаленное от Европы, но максимально близкое для реализации межкультурного синтеза с финскими, тюркскими этносами в суперэтнос великороссов.

Сочетание пассионарной энергии с цивилизационной основой является важным условием конструктивной роли ценностей, с которыми интегрируют свои интересы форватерные нации. В Евразии, как и в Европе, подобное сочетание ключевых компонентов идентичности играет важную роль. Это более глубокая историческая основа актуализировалась в виде европейского и евразийского региональных союзов. Эта идея, как показал Л.Н.Гумилев, формировалась естественной историей региона. Ее результатом стал определенный культурно-исторический тип [1, с. 21]. Содержание этой истории формировали процессы этногенеза, совместимости различных этнических групп, в пределах конкретной природно-ландшафтной локальности. Границы Евразии определились к XIX столетию, когда великорусский суперэтнос вышел к границам других природно-ландшафтных комплексов, и прекратил движение в их направлении из-за нараставшего сопротивления этнических групп, находившихся под влиянием других культурно-исторических типов.

Эта особенность формирования евразийского региона показывает, что на фоне систематично внедрявшегося в общественное сознание

европоцентризма, работали другие механизмы. Они фиксируются понятием идентичности. Периоды политической раздробленности не тождественны распаду партикулярной структуры. Они являются лишь способом ее эволюции через динамический хаос и самоорганизацию. Даже в самые сложные периоды политической раздробленности евразийские народы сохраняли приверженность региональному культурно-историческому типу. Это позволяет малонаселенным огромным территориям демонстрировать лидерские амбиции во взаимоотношениях с другими партикулярными структурами. И именно этот приоритет всякий раз детерминирует интеграционную динамику не столько политического характера, сколько кластерного, в рамках которого решаются задачи геополитической, инновационной безопасности. Это видно на содержании разногласий между участниками евразийской интеграции. Они отсутствуют в вопросах борьбы с терроризмом, геополитическим давлением на государства евразийского региона. Разногласий нет на уровне военного сотрудничества.

Это говорит о том, что партикулярная структура имеет иерархическую структуру, представленную цивилизацией, локализованной конкретным природно-ландшафтным комплексом, культурно-историческим типом этнических контактов, а также национальным государством, призванным решать задачи нации в тех условиях, что заданы естественной историей.

Евразийская идентичность содержит важный пассионарный ресурс демографической безопасности. Его потребность назрела, судя по депопуляции государств с преимущественно славянским населением. До конца 70-х годов XX столетия в Беларуси наблюдалась устойчивая тенденция послевоенного роста населения. Произошло восстановление численности населения со времени окончания второй мировой войны. Однако уже в начале XXI века все чаще стал использоваться термин «депопуляция», отражающий динамику сокращения численности населения Беларуси по показателям смертности, рождаемости, устойчивости браков. Можно было бы эту тенденцию связать с политическими катаклизмами и потрясениями. Однако более глубокий философский анализ эволюции института семьи показывает, что одна из базовых структур гражданского общества претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные эмансипацией, феминизмом, массовым потреблением товаров и услуг, сексизмом, социальным инфантильностью. В совокупности все эти тенденции нарушили связи и солидарность поколений. В урбанизированном пространстве белорусских городов стала жить молодежь, не имеющая укорененности в этой культуре. Постоянно прибывавшая в быстро растущие послевоенные города молодежь лишалась

традиций большой семьи. Молодые люди стали жить в городах, а их родители оставались в сельской местности, в отдаленных деревнях.

Исторически сложившаяся региональная динамика в эволюции современной семьи делает эту тему ключевой для политиков, экономистов, теологов, поскольку любой механизм рационального управления институтом семьи указывает на вмешательство в ситуацию, обусловленное конкретными причинами. Нам кажется, что оба типа семьи – традиционный и современный выполняют важную информационную функцию. Тот, кто внимательно к этой информации относится, получает много тем для размышлений, конкретных действий. Мировая динамика демографической миссии семьи сопряжена с очевидной нелинейностью ее локальных проявлений. Эту тенденцию создал косвенным путем патернализм. Никто не подозревал, что механизмы социальной помощи и социальных гарантий постепенно трансформировались в патернализм. Основным его проявлением является нарушение солидарности поколений. Это значит, что нарушается равновесие между трудоспособным населением и тем, что находится на пенсионном обеспечении. Сокращение трудоспособного населения увеличивает давление на производственный сектор в виде дополнительных налогов, необходимых для пополнения пенсионных фондов. Дополнительные налоги снижают мотивацию предприятий, их конкурентоспособность. В результате патернализм превратился в серьезную региональную проблему для Европы, где наблюдается депопуляция коренных наций. Проблема заключается в том, что патернализм проник в общественное сознание. Он занял лидирующие позиции в секторе демографических ценностей. В результате он парализовал жизненные функции генетической программы солидарности поколений.

В Беларуси ситуации генетического кризиса возникали не один раз за ее историю. В основном они были связаны с последствиями региональных войн. В подобных ситуациях политические решения были связаны с хорошо продуманной миграционной политикой. В результате на территории страны появились общины евреев, татар, старообрядцев, которые улучшили демографическую и экономическую ситуацию. Вторая мировая война, и связанный с ней Холокост, подорвали результаты этой политики, но не разрушили, поскольку социальные программы в СССР не имели патерналистской основы вплоть до семидесятых годов XX века. Именно в этот период население Беларуси достигло довоенной численности. За эти годы сформировалась национальная идентичность, которая находится в постоянном сопряжении с региональной идентичностью евразийских народов. На практике ценности получили реализацию через институциональную деятельность. Ее результатом стали политические и экономические конфигурации, которые создали

устойчивое основание для конструктивной деятельности в регионе. Меркантильные, коммерческие интересы из-за доминанты ценностей не могут разрушить общие интересы, формирующие пространство евразийской идентичности. В этом убедились жители Беларуси и России на примере событий, связанных с белорусской калийной компанией.

Литература:

1.Гумилев, Л.Н. Чтобы свеча не погасла: Диалог / Л.Н. Гумилев, А.М. Панченко. – Л.: Советский писатель, 1990.

ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Л.Е. Лойко, г. Минск, Беларусь

Значительная часть проблем жизнедеятельности современного общества уходит своими корнями в историю. Конкретные механизмы трансляции смыслов прошлого в настоящее фиксируются в понятиях «преемственность», «социальная память», «традиция».

Понятие преемственности в отечественной литературе проанализировано А.И. Зеленковым и представлено в двух аспектах: с точки зрения развития научного знания и применительно к сложным системным объектам. В последнем случае оно используется для отражения специфического типа связи в качественных состояниях развивающейся реальности, сущность которой состоит в кумуляции положительных признаков системы и сохранении ее способности к самоорганизации [1, с. 44]. В обществе в качестве конкретного механизма преемственности выступает историческая память. Ее содержание конституируют ценности, которые создают матричное пространство культуры.

Современная культура претерпела трансформации связанные с переоценкой ценностей, в процессе которых преемственность была подвергнута радикальному сомнению. Сторонники исторической памяти пытались восстановить статус социальных детерминант общественного сознания на основе фундаментальных исследований аксиологической проблематики.

Ценностный параметр истории как реальности актуализировали неокантианцы – представители Баденской школы В.Виндельбанд и Г.Риккерт. Основное влияние на разработку их теории оказал И.Кант. Оно прослеживается в выборе критического метода и общей трактовки познания, в центр которого помещается познающий субъект, что делает устойчивым интерес не к содержанию, а к формам познания. Движение от ощущения к представлению и общему понятию не может быть простым отображением того, как есть или было на самом деле. Это есть преобразование, предполагающее упрощение действительности, а как таковое, оно требует критерия отбора, признания некоторых аксиом, с

помощью которых мы можем что-либо доказывать о фактах или из фактов (априорные синтетические суждения И.Канта). У Г.Риккерта кантовское влияние выражается в положении о том, что все науки нуждаются в «априори», в предпосылке, как в принципе выбора некоторой части действительности, имеющем по отношению к содержанию формальный характер [2, с. 70-71].

Функция, связанная с концептом «априори» позволяет использовать методологический потенциал интерпретации в культуре постмодерна. Постсовременная культура вариативна в истолковании фундаментальных смыслов и ценностей. Но эту вариативность нельзя трактовать как отрицание ценностей. Интерпретация призвана максимально использовать новый статус ценностей, связанный с адаптацией исторической памяти к условиям быстро меняющейся социальной реальности. Внимание к этой проблеме сделало очевидным, что неточности в интерпретациях, нестрогость исторического мышления проистекают из отсутствия в гуманитарном познании культуры оперирования понятиями. Обнаружилось также, что построение исторической теории невозможно, если ограничиваться сугубо логическим определением ее исходных концептов.

Язык современной теории, отмечает Х.-Г.Гадамер, определяется самой сутью теории. Если в классическом, восходящем к античности, представлении она является самоцелью, то современная теория строится с определенной целью и выступает как средство. Поэтому ее идеалом является чистый язык знаков, в то время, как язык греческой теории укоренен в языковом опыте мира [3, с. 525-526].

Однако если в историческом прошлом видеть только историю рационального мышления, познающего сознания (как, например, у Р.Дж.Коллингвуда), то может быть понятен акцент исключительно на экспликации понятий, выяснении их семантического объема, механизмов движения, процессе роста исторических знаний.

В современной же герменевтике очевидны иные подходы, связанные с онтологизацией исторического сознания, всех сторон жизни прошлых эпох. Становление исторического сознания, как способ его реализации, осуществления, содержится в языке, потому что человеческий опыт мира вообще имеет языковой характер.

Таким образом, считая почвой исторического мышления традицию, Х.-Г.Гадамер переводит проблему исторического сознания в онтологическую плоскость. Историческое сознание познает ту истину, что история – это процесс помещения себя в традицию путем совмещения исторических горизонтов прошлого и настоящего. Создавая традицию, которая является не субстанцией, а способом бытия, историческое

сознание активно и ответственно перед прошлым, ибо должно уметь выбрать правильный вопрос к традиции.

Литература:

1. Зеленков, А.И. Диалектика преемственности и адаптивности в развивающихся системах / А.И. Зеленков // Методологические проблемы эволюционной теории. – Тарту, 1984.

2. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г.Риккерт. – Спб., 1911.

3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988.

ВРЕМЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Л.И. Мазур, г. Львов, Украина

Представление о пространстве и времени как категориях внутреннего мира человека стало зарождаться еще в античности, но уже начиная с “Исповеди” Августина анализ внутреннего сознания времени ограничен моим собственным прошлым, которое было когда-то было моим настоящим и которое в принципе я могу вспомнить. Времени в виде отсчёта равных интервалов физически не существует. Этот отсчёт – свидетельство человека об изменениях, отличающихся своей цикличностью. Иллюзию течения времени создаёт наша память. Однако природа человеческого восприятия и памяти свидетельствуют о том, что время для меня всегда есть время Другого.

Согласно Платону, процесс зрительного восприятия осуществляется благодаря одновременному истечению световых лучей как из видящего глаза, так и из видимого предмета, причем оба луча сливаются в нечто одно целое, не находящееся ни в глазу, ни в видимом предмете и образующее собой зрительное тело, – синавгию. В комментариях А.Ф. Лосева синавгия лишена каких бы то ни было фактических свойств видимого и видящего: она есть чистый *смысл, словами* Платона, *эйдос* [2, с. 419]. Из сказанного следует, что восприятие балансирует на границе с иным, в целостности с ним, например, – замок в двери, дверь в стене, стена в доме и т.д. Именно здесь, на границе с иным, находится область памяти, придающая каждому ощущению качество продолжения в другом. Если восприятие (как и любое действие) означает разрыв, утрату себя, то память, возвращает из состояний потери и забывания, собирает вовне-себя, обретая себя в качестве целого, собирающего различие уходящего и наступающего. Поэтому встреча с иным лежит в основании всего восприятия света, звука, прикосновения, она есть то единственное в своем роде тело памяти, без которого, как считает Платон, не возможно мыслить явление являющегося, воспринимаемый эйдос сущего.

Память удерживает кроме целостности собственного тела еще и взгляд Другого (радикально иного), возвращающий нам наш собственный взгляд, заставляющий видеть себя и ощущать себя под “взглядом” вещей. Другой, будучи местом постоянного лишения, нехватки (согласно Лакану, объектом а, которым чем больше владеешь, тем больше его не хватает), вызывает у субъекта нескончаемый ряд самоидентификаций – саморазличений от Другого и иного, без чего был бы невозможным процесс взаимообмена лишения (дара) и обретения себя. М. Мерло-Понти отмечает, что самоидентификация с Другим делает возможной обратимость: тот, кто смотрит, просматривается, а видимый – сам видит. Говоря словами Ж.-П. Сартра, взгляду не хватает собственной плоти, он требует плоти Другого для своего проявления; взгляд – это липкая субстанция, клей, который образуется между двумя телами в результате обмена касаниями.

Отсюда следует, что память – не хранилище “следов” прошлых восприятий, а представляет собой особое пространство, в котором явление чего бы то ни было совершается и продолжается в Другом, в артикуляции иными действиями и качествами, тем самым обеспечивая непрерывность опыта. То, что проживается как настоящее, как непрерывность чувственного опыта, является необратимостью обмена потерянного и воспринятого как условием обладания собой, собственного бытия во времени.

Мы не можем заново пережить ушедшую в прошлое длительность: речь идет только о возможности переживания себя, о своего рода самоаффектации. В этом отношении совершенно прав Э. Левинас, для которого присутствие Другого в моем прошлом недостаточно, поскольку Другой не просто участвует в определении смысла моего прошлого, дело в том, что прошлое всегда в конечном итоге оказывается прошлым Другого [1]. Время Другого может изменить мое прошлое: сами события изменить невозможно, но можно изменить их смысл. Примером тому служит для Левинаса ситуация быть прощенным, которая не означает возврат к состоянию невинности, – содеянное зло остается, однако процесс очищения означает другое отношение к собственным ошибкам, прошлое “склеивается” уже по-другому, ему придается совсем другой смысл. Так же и будущее, будучи реализацией одной из множества возможностей, зависит от Другого. Следовательно, только отношение с Другим дает возможность связать воедино прошлое, настоящее и будущее.

Смысловое предшествование Другого делает его важнее меня, его близость налагает на меня ответственность не только перед ним, но и за него. “Близость, – как пишет Левинас в “Инобытии, или по другую сторону сущности”, – упразднение дистанции, которую несет в себе “сознание о”, – обнаруживает расстояние диахронии без общего

настоящего, где различие есть прошлое, которое нельзя наверстать, есть невообразимое будущее, не-представимость ближнего, к которому я – одержимый им – навечно опоздал, но где это различие есть мое не-без-различие к Другому. Близость есть сбой времени, доступного для воспоминания" [3, с. 246-247]. Это запаздывание, сдвиг бытия, вызванный тем, что в игру вступает "вне-памятное", т.е. чужое прошлое, которое никогда не было моим настоящим, обусловливает изменение установки сознания с действия на самого себя. Анализ временных несовпадений держит в постоянном напряжении нравственную рефлексию личности, оберегающую ее самоидентичность.

Опорными пунктами для памяти (времени) выступает пространство коммуникации, в котором происходит самоидентификация как акт предстояния перед Другим. Речь-для-другого является первичной формой интерсубъективного отношения и, согласно Левинасу, сказывание – это всегда ответ Другому, ответственность за него.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что пространство и время интерсубъективны по своей природе, поскольку только непрерывность взаимосвязи себя и Другого, их взаимная самоидентификация предоставляет возможность быть вне-себя, экстернализировать внутренне пространство. Именно Другой делает субъекта открытым новому опыту, новым переживаниям, сопричастным длительности, которая принадлежит скорее будущему, чем настоящему или прошлому. Не случайно, что у Пруста, Фолкнера, Жида, Хаксли межличностное отчуждение порождает расчленение и непрерывное ускользание времени. Без Другого жизнь монотонна и одномерна: нет новизны, да и часы сплющились, искривились, расплавились, потекли, и в них поселились черви, как на картине Сальвадора Дали "Упорство памяти".

Таким образом, внутреннее сознание времени связано с возможностью изменения Я, разрыва неизменности и неизбежности, освобождением Я от самого себя. Открытость иному (обновление) осуществляется через отношение к Другому (конкретному человеку). Становление личностью происходит через этическое обновление человека, которое связывает воедино его настоящее, прошлое и будущее.

Литература:

1. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.

2. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: Ладомир, 1994.

3. Ямпольская, А. Эмманюэль Левинас. Философия и биография / А. Ямпольская. – Киев: Дух і Літера, 2011.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Н.В Малая, И.И. Петухов, г. Минск, Беларусь

Ценности, носителями которых выступают государственно-властные субъекты, всегда оказывают воздействие на регулирование многочисленных жизненных процессов в государстве. Это связанно не только с тем, что роль ценностей не ограничена какой-либо одной стадией государственно-правовой деятельности, но и с тем, что в процессе данной деятельности государственно-властные субъекты обычно сталкиваются с выбором относительно варианта своего поведения, где главным ориентиром выступают именно ценности.

Социальное взаимодействие характеризуется тем, что в нем в качестве ценностных регулятивов используются соответствующие нормы. Они могут быть представлены в двух аспектах: дискриптивном и деонтическом. В первом случае ценность опосредуется в терминах классического понимания концепции истины, во втором – действия могут быть обязательными, разрешенными, запрещенными или безразличными в зависимости от их соответствия или несоответствия определенной системе.

Осознанный интеллектуальный выбор вектора правового поведения субъектов деятельности представлен в науке термином «правовое усмотрение» (далее – усмотрение). Приставка «правовое» указывает и на основания, и на границы осуществляемого выбора - сфера социальных норм, где нормам права по известным причинам отдан приоритет, но последние представляют собой внешние рамки данного выбора: нормы, закрепленные в источниках права и субъективно-объективные ценности права.

Правовое усмотрение, как проблема ценностного выбора, существует с момента происхождения права. Со времен античности «усмотрение» интерпретируется в различных контекстах, что представлено в ряде произведений философов, политиков и юристов античности (Аристотель, Платон и др.). Существенные характеристики усмотрения представлены в постулатах римского права: «disretion est scrire per legen guid sit justum» - «усмотрение есть знание того, что является, с точки зрения права, справедливым», «disretio est discerne per legem guid sit justum - «усмотрение есть установление, путем обращения к праву того, что является справедливым». Отметим расширение проблемного поля исследования феномена «усмотрение» в работах Макиавелли Н., Гоббса Т., Гегеля Г.В.

В рамках весьма обширного материала обнаруживается лишь фрагменты, прямо или косвенно связанные с проблемами усмотрения (Локк Дж., Монтескье Л.). Последующие исследования усмотрения в центр

внимания ставят проблему оптимизации выбора решений и роль информации при осуществлении такого выбора (Н.Винер). В отечественной правовой науке отношение к данной проблеме сложилось неоднозначное и противоречивое. В дореволюционное время, несмотря на то, что отдельные авторы признают ценность и необходимость усмотрения, в целом, доминирующим оставался критическое отношение: идеи правового усмотрения, как субъективной составляющей, отрицались либо рассматривались в абсолютно негативном качестве (как например, в отношении судейского усмотрения). Сохраняется преимущественно негативный взгляд на проблему усмотрения и в советский период. В частности, в 30-50 годы XX столетия ценностные ориентиры основывались на диктатуре закона, субъективная составляющая творческой деятельности рассматривалась как произвол и нивелировалась из правотворчества.

В аксиологическом контексте процесс выбора вектора поведения можно представить как отношение субъекта к желаемому результату. Целью правовой государтсвено-властной деятельности выступает регулирование общественных отношений, соответсвенно результат выбора должен соотносится именно с ней и быть целесообразным.

Механизм усмотрения представляет собой сознательный творческий процесс выбора варианта поведения, который для выбирающего субъекта является наиболее эффективным и оптимальным, целесообразным. Усмотрение как интеллектуально-волевая деятельность затрагивает субъективную социально-психологическую атмосферу фактических обстоятельств, а также индивидуальные особенности правосознания субъекта, в связи с чем, оно реализуется практически в любом акте действия, предполагающем выбор.

Поиск и выбор определенно варианта поведения осуществляется, в первую очередь, из внутренних источников субъекта, где главную роль играют ценности. Однако чистые ценности субъекта будут соотноситься с собственными ценностями права как инструмента его деятельности и, прежде чем осуществится выбор, данные ценности пройдут этап взаимодействия (отбор и принятие субъектом приоритетных ценностей). Результат такого взаимодействие может привести как к правомерному поведению, требующего подражания, так и к неправомерному поведению субъекта, требующего порицания.

Примечательно то, что с точки зрения ценностей в юридическом подходе усмотрение субъекта должно иметь место только в случае если это вытекает из закона, то есть прямо либо иным образом указано в законе о возможности выбора варианта поведения субъектом. В противном случае, можно заявлять о пробелах в законодательстве, либо произволе в деятельности государственно-властных субъектов.

Именно благодаря деятельности правового субъекта, позитивные нормы оживляются и превращаются в эффективный инструмент регулирования и удовлетворения потребностей общества. Некоторые правовые нормы носят декларативный характер, не имеют прямого действия, однако содержательно фиксируют объективированные ценностные ориентиры общества. могут быть применены и оживленны лишь государственно-властными субъектами, используя усмотрение.

Как справедливо отмечает Н.Гартман, «закон творит через человека, через него выводит из небытия в бытие то, что предписывает в своей идеальности». Таким образом, субъекты государственно-властной деятельности сквозь усмотрение могут создавать идеальное право.

На наш взгляд, правовая деятельность становится более эффективной при удовлетворении насущных социальных потребностей всех государственно-властных субъектов с учетом эвристической компоненты деятельности при принятии решений, отвечающих правовым нормам и ценностным ориентирам субъекта.

БЕЛОРУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

Т.Г. Мдивани, г. Минск, Беларусь

Феномен культуры представляет собой целостную систему, охватывающую материальную и духовную сферы человеческой деятельности. В структуру культуры как формы общественной жизни человечества входят мировоззренческие, философские, социальные идеи и взгляды людей, просвещение и образование, искусство и наука, творчество, включая научно-техническое, и нравственные нормы, регулирующие отношения между людьми и их отношение к природе. Этот специфический способ жизни людей выражается в результатах их деятельности и представляет собой не только производство, но и хранение и усвоение, восприятие и потребление созданного. В самом общем значении понятие «культура» есть совокупность духовных, эстетических ценностей, идей и достижений в области идеологии, науки, образования, искусства, а также сам созидательный процесс, творческая деятельность, которые исторически и социально обусловлены. В дефиницию культуры включают и систему идеальных образцов и ценностей, и реально бытующие материальные достижения, а также представления, идеи, образцы поведения, являющихся результатом творческо-преобразовательной деятельности человека. Изложенное понимание культуры является универсальным и имеет прямое отношение к национальной художественной культуре, в т.ч. музыкальной.

Отличительной особенностью развертывания белорусской культуры, её сущностью как процесса является творчество. Процесс творчества

приобретает общественный характер через механизм воплощения его в новые стереотипы. Последние, будучи воспринятыми обществом, стимулируют изменение или динамику развития культуры во всех формах ее проявления. Ш***а***гом изменения выступает обычно поколение. Здесь следует отметить присущее белорусской культуре многообразие культурных слоев в их сочетании и взаимодействии. Это означает, что каждый народ, живущий на территории Беларуси, вносит свой вклад в общую сокровищницу национальной духовной культуры, создает духовные ценности, которые нередко являются подлинными завоеваниями общечеловеческой культуры. Неотъемлемой частью национальной духовной культуры выступает художественная культура, которая, будучи специфическим видом человеческой деятельности, также является сложной системой, компонентами которой выступают деятельность в ее воплощениях, и содержание человеческого сознания, закрепленное в специфических формах ценностей, навыков, норм; художественно-освоенная действительность, основанная на совокупности эстетических ценностей, и создатель произведений искусства; потребитель искусства, в котором воплощаются соответствующие потребности общества, и способность людей осваивать мир ценностей, или художественное воспитание, вкус; процесс передачи эстетических ценностей, их восприятие и функционирование в обществе. В целом, художественная культура включает в себя и процесс творчества, и процесс духовного производства, и совокупность связей духовной культуры с материальной. В самом общем значении понятие «художественная культура» есть «одна из специализированных сфер культуры, функционально решающая задачи интеллектуально-чувственного отображения бытия в художественных образах, а также различных аспектов обеспечения этой деятельности» [1, с. 136].

В этой и других близких ей трактовкам отражено системное понимание художественной культуры как специализированной части целого. Осознание системности феномена художественной культуры формирует представление о музыкальной культуре как её составной части. Понятие *«музыкальная культура»* многоаспектно и может рассматриваться с самых различных позиций: исторической, социальной, общекультурологической; можно говорить о музыкальной культуре города, села, страны, республики, региона. В целом, музыкальная культура предстаёт как сумма явлений, его окружающих и сопутствовавших появлению произведения искусства – факты истории, музыкальной жизни, композиторского творчества, исполнительской сферы, образования. Традиционная трактовка музыкальной культуры – как суммативного явления, контекстуально связанного со своим окружением, – между тем требует дополнений, так как содержит свою специфику, связанную с

принадлежностью к художественной культуре. В частности, необходимым представляется введение понятия *«музыкальная исполнительская культура»*, относящегося к воспроизведению нотного текста музыкантами, а также понятия, указывающего на художественную ценность произведения музыкальной культуры. На наш взгляд, ее аксиологический статус имеет следующее определение: музыкальная культура - это «череда уникальных музыкальных созданий» [1, с.36], шедевров, наполняющих музыкально-исторический процесс. Таким образом, музыкальная культура предстаёт как содержательная целостность, включающая широкий спектр структурных компонентов. Изучение проблем развития музыкальной культуры невозможно без представления о ней как особой сфере жизни, без тщательного анализа этой жизни в конкретно-историческом и конкретно-социальном контексте. Это связано со знанием характера реальных процессов, протекающих в рамках культуры, специфики её динамических свойств, содержательного стержня, а также с учётом того, что музыкальная культура, с одной стороны, – органическое целое, развивающееся имманентно, с другой – система, в основе которой лежит практическая деятельность людей. Взгляд на музыкальную культуру как на область практической деятельности определяет введение в исследовательское поле понятия *«музыкальная жизнь»* – специфической области деятельности человека, включающей совокупность различных форм музыкально-творческой практики, сконцентрированных вокруг музыки. Сюда входят процесс создания, распространения, усвоения ценностей, норм и традиций музыкальной культуры, осуществляемый в рамках соответствующих институтов и форм. Музыкальная жизнь – это и конкретная практика, в основе развития которой лежит определенная модель (европейской) культуры, сформировавшаяся в течение целого ряда столетий. Сравнение модели (образца, эталона) с её наличным, реальным уровнем существования позволяет выявить в музыкальной жизни свободное пространство, разницу в содержательном наполнении и спроектировать возможные пути развития. Опираясь на понятие «музыкальная жизнь», мы можем исследовать разнообразие её форм в исторической динамике, обнаружить связи или их отсутствие между такими элементами культуры, как создание музыкального продукта, его социализацией, между воплощением и трансляцией музыкального произведения, его востребованностью и особенностями восприятия слушателями. В итоге, музыкальная культура выступает в качестве общей модели, которая в процессе насыщения реальными фактами становится «музыкальной жизнью».

В основе музыкальной жизни лежит непрерывная динамика музыкально-культурного процесса — необходимое условие перманентного воспроизводства и трансляции норм, традиций, правил, которые ведут к

формированию нового музыкального опыта, новых традиций, норм и ценностей. Музыкальная жизнь содержательно включает модель (общее) и реализацию на практике (особенное), которые не всегда совпадают. Момент несовпадения модели (общего) и её практической реализации (особенного) позволяет выявить специфику музыкальной культуры в исторически конкретном пространстве и времени, в том числе на уровне сферы культуры. И поскольку музыкальная жизнь неразрывно связана с совокупностью таких элементов, как создание, материальное воплощение и восприятие продукта музыкальной культуры, то музыкальная среда представляется показателем реального уровня структурной характеристики музыкальной культуры. При этом возможны расхождения между моделью музыкальной культуры и её практическим преломлением. Например, концертное (светское) воплощение религиозных песнопений православной певческой традиции демонстрирует социально-семантическое несоответствие религиозного ритуала (богослужебное пение во время литургии), выступающего репрезентантом общего, модели, и акта светского музицирования (исполнение богослужебных текстов не в храме, а на концертной сцене) – репрезентанта особенного. В данном случае между моделью и ее практическим преломлением возникает не только несоответствие, но и конфликт, поскольку в православии, в его Каноне и Уставе, нет феномена музыки (в отличие от христианских конфессий западной церкви), что исключает бытие православных песнопений за пределами церкви. Между тем, современная музыкальная жизнь изобилует примерами многочисленных концертов православных хоров с соответствующим репертуаром. Они стали частью современной культурной жизни, вошли в программы филармонических концертов и концертов на других светских сценах. Включение т.н. "православных концертов" в современный культурный социум позволяет оценить среду актуального культурно-музыкального пространства как содержащую необходимые компоненты для его расширения и модификации и открытой к требованию социума и вызовам современной цивилизации.

Одним из важнейших аспектов изучения музыкальной культуры является реальные достижения композитора, что связано с изучением стилевых и жанровых особенностей, образной системы его произведений, а также определения их места и значения в музыкальной культуре современности, в исторической ретро- и перспективе. И поскольку в схеме современного музыкального образования предусмотрено не только специальное обучение, но и духовно-нравственное, мировоззренческое воспитание, что напрямую связано с изучением социализации творческой личности на различных стадиях её становления, то знания, полученные в процессе обучения музыке, позволяют выявить ценностные ориентации композитора и мотивацию результатов его творчества. Поэтому не

случайно, в наш «технократический век» вся современная система образования, по мнению многих специалистов, нуждается в гуманитаризации и социализации. Другой аспект изучения музыкальной культуры – исполнительское искусство музыкантов, обеспечивающих произведению композитора функционирование в социуме на основе, как правило, индивидуальной интерпретации музыки. Содержание понятия интерпретации далеко не исчерпывается процессом озвучивания нотного текста, но представляет собою акт творчества, общекультурный смысл которого близок герменевтическому акту или ассоциации, но не поверхностной, не прямо-очевидной, а той, которая сродни сущностной специфике процессов и явлений. Отсюда интерпретация по отношению к музыкальному исполнительству не меняет своих общекультурных качеств, поскольку подлинный музыкант-исполнитель в рамках одного произведения и его образной системы экспонирует, интерпретирует не просто замысел композитора, но стоящий за ним мир культуры. В этой связи формируется кореллят “текст – контекст", который на уровне произведения разрешается через стадию исполнительства, или исполнительского искусства. Исполнительство является творческим актом обретающим, нередко, вид соавторства. Так или иначе, каждый крупный исполнительский стиль является таковым только тогда, когда основывается на интерпретации культурной целостности, на межкультурном единстве композиторского образа-замысла и исполнительского образа-исполнения.

Таким образом, музыкальная культура и искусство обеспечивают возможность свободного и независимого оперирования пространством (звуко-интонация) и временем (длительностью музыкального произведения), ибо именно они определяют в генезисе самое возможность возникновения и становления звуковой материи. Центральной фигурой музыкального процесса, всякий раз заново определяющей его движение и задающей направленность развития, является композитор. Вопросы музыкальной культуры многогранны, охватывают различные стороны духовной жизни современного общества. Взгляд на феномен музыкальной культуры как на универсальную типологическую модель, в сопоставлении с которой отчетливо выявляются общие и специфические черты различных конкретных музыкальных культур, позволяет выявить индивидуальные самобытные черты национальной культуры, национальные творческие, исполнительские и педагогические школы, музыкальные традиции социокультурных слоев.

Литература:

1. Мартынов, В.Ф. Философия красоты / В.Ф. Мартынов. – Минск: ТетраСистемс, 1999.

2. Салеев, В.А. Неоаксиология: Становление философской доктрины / В.А. Салеев // Inveniens quaero, Ieskoti, rasti, nenurimti – Vilnae. – Vilnius, MMXI, 2011.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОГЕННЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Н.И. Мушинский, г. Минск, Беларусь

Научно-технический прогресс оказывает непосредственное влияние на все стороны современной культуры, определяет её ценностные приоритеты. Задача нравственной философии (этики) состоит в том, чтобы адекватно эксплицировать аксиологическое содержание основополагающих категорий, в частности,- понятия «справедливости», дать рекомендации по практической реализации положительных моральных ориентиров в повседневной жизни и в профессиональной деятельности.

Развитие науки и техники в современных условиях наглядно обнаружило свой парадоксальный и противоречивый характер. На всём протяжении человеческой истории, вплоть до середины 19 в., научно-технический прогресс трактовался как благо в его абсолютном выражении, поскольку неизмеримо увеличивал силы человека в борьбе с враждебной природной средой. Постепенно «набирая обороты», он давал людям всё новые материальные блага, позволял осваивать обширные территории, увеличивать численность народонаселения, повышать уровень жизни. Соответственно, «справедливым» считалось всё то, что способствует развитию научных знаний и технологических процессов; подобная интерпретация идёт ещё от Аристотеля с его «Никомаховой этикой» вплоть до позитивистско-сциентистских концепций современности. Если справедливость определить как равное воздаяние в качественном и количественном выражении (за добро – добром, за зло - злом), «золотую середину» между причинением несправедливости и её претерпеванием, то гражданин демократического полиса заинтересован жить при справедливом общественном устройстве (в этом состоит ценностное содержание указанной категории). Тем самым он получает возможность свободно раскрывать свои творческие задатки, изобретать что-то новое и реализовывать его в своей профессии, честным трудом повышать своё благосостояние, предлагать потребителю новые товары и услуги. Прогресс науки и техники приобретает высший смысл, справедливые отношения в обществе служат его неотъемлемым условием.

Научно-технический переворот современности в значительной мере продемонстрировал ограниченность сциентистско-рационалистического подхода к проблеме справедливости. Совершенствование средств

коммуникации (транспорта и связи) придало современной технократической цивилизации глобальные характеристики. Развитые страны вступили в борьбу за рынки сбыта и сферы влияния, начались мировые войны, в конечном итоге поставившие мир на грань ракетно-ядерного коллапса. Колониальная система и национально-освободительное движение завершились появлением практики международного терроризма. Несправедливое распределение полученной на заводах и фабриках прибыли вызвало рост социальной напряжённости, во многих странах произошли социальные революции, пришли к власти авторитарные режимы. Безудержное наращивание темпов производства, связанное как с интересами военного-промышленного комплекса, так и с появлением «общества массового потребления», стало причиной дефицита невозобновляемых природных ресурсов, загрязнения окружающей среды, ухудшения экологической обстановки, глобального потепления климата. По мере того, как современной цивилизации удаётся ответить на одни вызовы технократического развития,- появляются новые проблемы. Последний пример: с трудом сгладив последствия финансово-экономического кризиса, мировое сообщество столкнулось с проявлениями «арабской весны» на ближневосточном регионе, неоднозначно оцениваемыми попытками применения оружия массового поражения (отравляющих веществ) в Сирии; в нашей стране обозначился кризис в отрасли производства калийных удобрений.

Не вызывает сомнения, что для преодоления техногенных проблем необходимы согласованные усилия всего мирового сообщества, при справедливом участии всех заинтересованных сторон. Между тем, в условиях взаимной конфронтации сложилось положение, когда каждый трактует «справедливость» в свою пользу, апеллируя при этом к «научному подходу» и «идеологической целесообразности». Именно поэтому ведущие этико-философские направления современности пытаются по-новому, «неклассически» осмыслить категорию «справедливости», адекватно выявить её инновационное ценностное содержание.

В первую очередь можно назвать неорелигиозные концепции, особенно в русле христианской конфессии, исторически утвердившейся в промышленно развитых странах. Ещё в конце 19 в. этико-философская мысль русского православия связывала справедливость не с техническим прогрессом любой ценой, а с достижением «всеединства» (человека с человеком, и человека с природой), «соборности», с приоритетом «любви к ближнему» и «христианского милосердия», с «непротивлением злу насилием». Философия неотомизма как гарант справедливости рассматривает административно-управленческий ресурс римской католической церкви и непогрешимость римского папы как её главы; этика

неопротестантизма – «голос совести учёного» на основе «индивидуальной религиозной веры». Существуют направления философии, отказавшиеся от традиционных религиозных трактовок, однако по-прежнему акцентирующие иррационалистический аспект ценностного постижения справедливости. Марксизм на место религиозного культа («опиум для народа») ставит «культ личности» политических вождей, «величайших гениев всех народов», призванных осуществить пролетарскую революцию и привести человечество к справедливому обществу будущего, коммунистической формации (неомарксизм трактует «угнетённый пролетариат» в переносном смысле, связывает это понятие с феминизмом, молодёжным протестом, национально-освободительным движением). Ницшеанство считает носителем подлинной справедливости «сильную личность», сверхчеловека, стоящего выше религиозных предрассудков прошлого («Бог умер»), находящегося «по ту сторону добра и зла» в их традиционном понимании (в отличие от «серой массы», «человека толпы»). Фрейдовский психоанализ связывает реализацию принципов справедливости с «сублимацией» бессознательной агрессивности («Эдипов комплекс»), ставящей технократический социум и индивида на грань невроза, заставляющей его стремиться «Иметь», а не «Быть», развязывать мировые войны, совершать другие рационально не мотивированные поступки. Феноменология Э.Гуссерля и Н.Гартмана (его фундаментальная работа «Этика») пытается инициировать творческую способность сознания и направить её на постижение инновационного содержания справедливости посредством операции «эпохе» (феноменологической редукции, вынесения «за скобки» как общепринятых традиционных определений справедливости, так и наблюдаемых фактов, отвлекающих субъекта от теоретического осмысления данной категории). Философская герменевтика связывает достижение справедливости в разобщённом технократическом обществе с методом «понимания» позиции «Другого» на основе всей совокупности коннотативных смыслов в рамках «герменевтического круга» (в отличие от принятого в естествознании метода «объяснения»). Прагматизм акцентирует уникальность и неповторимость содержания справедливости в каждом конкретном случае (как средства эффективно преобразовывать проблематическую моральную ситуацию в решённую), побуждаает отказаться от догматических «всеобщих» трактовок, сосредоточиться на практических последствиях тех или иных поступков. Экзистенциализм призывает каждого индивидуально решать проблему справедливости в «пограничных ситуациях» техногенного кризиса, принимать на себя ответственность за сделанный «моральный выбор», реализовывать тем самым своё «подлинное существование». Постмодернизм видит причину проявления побочных результатов технократического развития в господстве «логоцентризма»

(фоноцентризма, фаллоцентризма), «линеарной нарративности», «симуляции» и «симулякров»; связывает справедливость с осуществлением «деконструкции» и достижением полифонии, диалога, приоритета «грамматологии», хаоса дискурсивных практик, «смерти Автора» с его авторитарной моровоззренческой доминантой.

Аксиологический аспект справедливости творчески эксплицируется разными этико-философскими направлениями в контексте техногенных проблем современности; это живой процесс, который уходит в будущее, даёт человечеству надежду на дальнейшее устойчивое развитие.

СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ФОТОГРАФА

М.С. Назаренко, г. Киев, Украина

Излишним будет говорить о том, что проблема творчества всегда связана с проблемой свободы. Одним из самых ярких примеров подобной связи репрезентирует искусство или ремесло фотографа. Одна из причин, по которой так происходит, как раз состоит в том, что фотография находится на грани между двумя этими сферами, а это означает, что фотограф не только отображает реальность (с помощью камеры), но и преображает реальность, меняя ее качественным образом. Благодаря чему существует это преображение?

Все дело в том, что позиция фотографа это всегда двойственная позиция: с одной стороны – это состояние невмешательства, а с другой стороны в акте фотографирования уже заложены некие действия, инструменты по работе с реальностью. Более того, как утверждает Сьюзен Зонтаг: «Любое использование камеры таит в себе агрессию [1]» и дальше продолжает: «Сфотографировать человека – значит совершить над ним некоторое насилие: увидеть его таким, каким он себя никогда не видит…если камера – сублимация оружия, то фотографирование – сублимированное убийство – кроткое убийство, под стать печальным, испуганным временам [1]». В чем же заключается эта агрессия? Она состоит именно в том, что фотограф, так или иначе, присваивает себе фотографируемое, превращая объекты изображений в собственный опыт. Есть еще второй аспект, который состоит в желании не только расширить границы опыта, но и подтвердить реальность. Современный человек, таким образом, всегда находится в процессе удостоверения, подтверждения, и сам это процесс становится самодостаточным и гораздо более ценным, нежели сами объекты, сама реальность. Все это действует разрушительным образом непосредственно на самого фотографа.

В свою очередь развертывания непрерывного процесса подтверждения вводит человека в некую зависимость от создания изображений. Путешествующий человек ныне зависим от изображений, что позволяет с одной стороны удостоверять опыт, создавая иллюзию

занятости, а с другой стороны снижать уровень тревоги. Отдельный и очень важный вопрос состоит в том, какова сущность этой тревоги, и каковы ее истоки, но это уже тема дальнейших исследований.

Для иллюстрации всего выше сказанного мы обратимся к творчеству американского фотографа – Дианы Арбус. Ее задача, прежде всего, состояла в том, чтобы через мучительные образы побороть брезгливость общества по отношению к уродству и маргинальности. Таким образом, искусство, в данном случае, искусство фотографии, несет освобождающую миссию. Оно освобождает от ужаса посредством самого ужаса и шокирующего. Оно как будто приучает человека смотреть на ужасающее. И в этом случае, как и во многих других, нам открывается этическая сторона вопроса, которая также непосредственно связана с проблемой свободы. Вместо того чтобы раскрепощать человека, снимая всяческие искусственно созданные табу, этот процесс наоборот порабощает, а если точнее отчуждает человека от реальности, от болезненных событий, наполняющих ее. Это точно так же, как очень долгое воздействие на рану, вследствие чего у человека снижается уровень болезненности, а затем, вырабатывается привычка не чувствовать боль. Таким образом, можно привыкнуть и к шоку, который, постоянно действуя через культурные коды ослабляет силу человеческой реакции и способность к проявлению эмпатии. Диана Арбус писала: «Фотография была дозволением идти, куда хочу, и делать, что хочу [1]». Таким образом, фотография становится, как бы, пропуском в мир, где снимаются любые нравственные ограничения. Несмотря на то, что фотография дает возможность сделать изображением абсолютно все, она делает из реальности особую форму визуального восприятия. Эта такая форма, которая через свою тотальность не позволяет посмотреть на мир по-другому, нежели как через призму увиденного и запечатленного.

Литература:

1. Зонтаг, С. О фотографии / С. Зонтаг. – М. : Ad Marginem, 2013.
2. Барт, Р. Camera lucida: Комментарий к фотографии / Р. Барт. – М. : Ad Marginem, 1997.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Т. Павлова, г. Минск, Беларусь

Современная семья – это содружество равных партнеров. Но к такой модели семьи готовы не многие в нашем обществе. В Белоруссии представления о нормах семьи остаются неизменными с советских времен. У нас на обывательском уровне транслируется мысль, что успешна та женщина, которая вышла замуж, у которой есть муж, семья. Девушка вступает в брак, чтобы получить идеального мужа, а парень –

идеальную жену. Но часто их ожидания не оправдываются. Семья превращается в своеобразную ловушку. Это приводит к разочарованиям и разводам. В январе – июле 2012 года на одну тысячу браков в Белоруссии приходилось 667 разводов.

Современные молодые люди готовы к экспериментированию в личной жизни. Появились гостевые и экстерриториальные союзы, «браки выходного дня». Супруги проживают в разных квартирах, иногда по соседству, видятся раз-два в неделю, чаще всего по выходным. Считается, что такие союзы заключают занятые работой люди, которые особенно ценят личную независимость, автономию, боятся рутины современности.

Другие формы отношений – «открытые» браки, каждый из супругов пользуется полной сексуальной свободой, бывают и групповые браки - в них объединяются несколько молодых пар (2 – 3), которые живут «коммуной» в течение двух-трех лет. В такие союзы чаще вступают люди, временно живущие и работающие в больших городах. Некоторые создают гражданские браки. Но подобные типы отношений нельзя назвать семейными отношениями.

Семья – это союз, основанный на браке, родстве, воспитании детей. Уважение, доверие, понимание – основа семьи, они ее фундамент. Видимо, чтобы стать счастливым в браке, надо найти себе партнера близкого по жизненным ценностям, целям. Семья держится на взаимопонимании. Взаимопонимание – это понимание того, что все мы разные, а не попытки- пытки сделать другого лучше. Пожалуй, самое страшное в семейных отношениях – это ворох мелких обид. Посмотришь другой раз на некоторые семьи и диву даешься. Вроде бы жить им в согласии, а они обижаются друг на друга по пустякам. Уже настало время осознать, стремимся ли мы создать гармонию в семейных отношениях.

Отсутствие взаимопонимания, подлинно теплых и доверительных отношений с родителями – это самая большая трагедия в жизни очень многих людей. Замечали ли вы, что происходит с нами в случае даже небольшой размолвки с родителями, небольшой их обиды на нас? В душе становится как-то холодно и сухо, и труднее верить в себя и любить других. Если конфликт с родителями серьезный и затяжной, мы становимся по-настоящему несчастными людьми. Ссора с родителями похожа на то, как дерево обрубает свои корни. Маленький конфликт – обрубание части корней и как следствие – частичное засыхание ветвей. Большой конфликт – обрубание всех корней и полная гибель дерева.

Каков механизм исполнения этого закона, мы не знаем. Но то, что закон работает, подтверждается и Библией. Апостол Павел говорит: «Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле». Этот закон действует и в обратную сторону. Светлое отношение родителей к нам, их

благословление придает нам силы, мы здоровы и удачливы. Поэтому для нас крайне важно иметь как можно более мирные и теплые отношения с родителями (а также с бабушками и дедушками). Гораздо важнее, чем с людьми, в которых мы влюбляемся, с друзьями или с начальством. Но как это порой трудно – сохранить хорошие отношения с нашими родителями, особенно, пока мы живем вместе с ними! Они нас не понимают, не хотят нас слушать, не верят нам. Они слишком безразличны к нам или слишком назойливо-требовательны. Они требуют не того, что хочется нам, а того, что хочется им. И при этом посягают даже на то, чтобы выбирать нам друзей, любимых людей и профессию.

Часто родители требуют от ребенка того, чего сами не дали ему, не воспитали в нем. Как это можно – за всю жизнь не сказать сыну ни одного ласкового слова, а потом предъявлять ему претензию: «Ты такой неласковый!»? Как это больно! Как они не понимают, что все дело в них? И что для ребенка их ласка гораздо важнее, чем для них – его ласка. Потому что ему неоткуда научиться быть ласковым, если они не будут ласковы с ним.

Примерно в половине знакомых мне семей отношения детей с родителями – тяжелые. Матери, иначе не скажешь, просто уничтожают своих дочерей. Сыновьям, зачастую, не легче…

Как вытерпеть это все? Как понять? Можно ли исправить?

Первый шаг к решению проблемы – понимание.

В большинстве случаев, имеется две причины:

1. Родители не умеют любить по-настоящему.
2. Ребенок не умеет любить по-настоящему.

Рассмотрим эти причины подробнее.

Первый фактор. Родители не умеют любить по-настоящему.

Если родители не умеют любить, прежде всего, это сказывается на их отношениях друг с другом. Возникают конфликты, измены, следует развод. А если они и не были женаты – это уже само по себе признак неумения любить.

Каждая рана, которую они наносят друг другу, ранит и ребенка. И если они расстаются, то, при всем желании, они не могут дать ребенку той полноты любви и того примера здоровой семейной жизни, которые ему так необходимы. Недостаток понимания, недоверие, нетерпение, жестокость и эгоизм могут проявлять даже такие родители, которые считают себя очень любящими. В действительности сила чувства не всегда равна силе любви. Любовь может быть настоящей, а может быть глупой и эгоистической, особенно у матери, тем более у матери-одиночки.

Второй фактор. Ребенок не умеет любить по-настоящему.

В раннем детстве, только получая от родителей, ничего не давая взамен, мы привыкаем считать родителей своими должниками. Наш счетчик скрупулезно подсчитывает то, что они не додали нам, не учитывая того, что они нам дают каждый день. Мы не замечаем, что уже должны им астрономическую сумму, которую пора начинать отдавать, если мы хотим успеть отдать им хотя бы малую часть. Всю – никогда не отдадим. Не успеем.

Человек всю жизнь остается ребенком своего родителя, в любом возрасте. Поэтому если у ребенка любого возраста — хоть четырех, хоть сорокачетырехлетнего — остается какой-то протест против родителей, у него развивается непреодолимое внутреннее противоречие, он становится очень неблагополучным человеком. В какой форме это неблагополучие у каждого из нас проявляется — это уже не столь важно. Один становится раздраженным, агрессивным, другой циничным, третий ранимым. Это зависит от психофизической конституции каждого из нас.

Чтобы найти ответ на этот вечный вопрос: «Что делать?», зададимся промежуточным вопросом: а почему родители так обращаются с нами? Почему они так поверхностны, назидательны, так формально прикладывают ко мне какие-то общие прописные истины, не считаясь с моими тонкими обстоятельствами и чувствами?

«Начни с себя» – это общий принцип исправления любых отношений. То есть, нам нужно самим учиться любить своих родителей. Это кажется противоестественным, ненормальным: ребенок должен стать более ответственным, в каком-то смысле более взрослым, чем его мама и папа. Но на самом деле, так часто бывает в жизни, что ребенок спасает родителей. Ребенок, сколько бы ему ни было лет, 15 или 35, моложе своих родителей, и поэтому он менее скован привычками, шаблонами мышления и поведения. Он более остро ощущает ущербность своих отношений с родителями. И ему легче принять возможность изменений.

Ценим ли мы то, что у нас есть эти порой трудные люди – наши родители? Ценим ли мы их любовь к нам и все то, что они сделали для нас, начиная с трудов беременности, бессонных ночей нашего младенчества и до сего дня? Или больше замечаем то, что считаем их недостатками?

Если не хочешь быть хуже своих родителей, не осуждай их за их недостатки. Потому что есть такой закон: что осуждаешь, то сам повторишь. Как бы то ни было, это твои родители. Отвергая их, ты отвергаешь самого себя. Поэтому прими их со всем, что в них есть. Скажи себе: «Это мои родители! Я люблю их такими, какие они есть».

ЦЕННОСТНЫЕ ПОТЕНЦИИ АКМЕОЛОГИИ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОИСКАХ

Е.В. Паламарчук, г. Киев, Украина

Потенциал акмеологии в современном научном дискурсе недостаточно исследован, как в теоретико-методологическом так и в ценностно-эвристическом контекстах. Поэтому, считаем актуальным будет исследование ценностных потенций акмеологии в контексте постнеклассического дискурса.

Постнеклассическая рациональность формирует новый этап развития научного этоса. Особенность состоит в том, что в этос постнекласики в явном виде включаются ценностные компоненты, которые ранее рассматривались как ненаучные. [4, с. 114]. Развивая вопрос о ценностях следует выделить из них те, которые, по нашему мнению, занимают доминирующее место в аксиологической иерархии. Стоит согласится с М. Марчуком, который выделяет три основные константы, как совокупность стабильных значений в определении параметра ценности, как таковой, это – *истина, добро и красота*. Такой подход всегда рассматривался в контексте философского дискурса, таким образом «философия мировозренчески задает аксиологические идеалы и праксиологические цели акмеологии, как социальной науки и одновременно исключительного раздела современного человекознания» [3, с. 137]. Для акмеологии именно человек предстает приоритетной, основной, звеном-задачей в исследованиях, следовательно – производится квинтэссенция, содержащая доминантно-решающий характер к постановке и при решении акмеологических исследований. Имеем в виду субъекта как носителя актуальных и взаемопотенциирующих аксиопринципов, качеств, характеристик, определяющих его, собственно, как человека.

Еще в античной Греции встречаем исследования человека как меры всех вещей (Протагор), как центр нравственности (Сократ). Однако только после «коперниканского» переворота И. Канта человек представляется той ценностью, вокруг которой вращаются все исследования. Это не так ярко проявлялось в классическом и неклассическом этапах развития науки, однако в постнекласике данная тенденция приобретает значительный вес, в частности это наблюдаем тогда, когда в процессе исследования субъект вводится в метод и таким образом возникает взаимосвязь «субъект-объект-субъект».

Исследования человека достаточно многофакторные и междисциплинарные, поэтому следует выделить некоторый стержень, позволяющий полноценно исследовать его многогранность. Междисциплинарность акмеологии импульсирует к исследованию не только тела человека, а, и, скажем, духовной составляющей. Ведь акмеология – это наука о достижении вершины духовности, человеческих качеств в человеке, о совершенном овладения выбранной профессией [1, с. 28]. Только в пространстве акмеологии, которая сформировалась как

междисциплинарное научное знание, можно говорить о интегративном подходе к изучению реализации профессионального, творческого и духовного потенциала личности. Ведь именно эти характеристики определяют человека как целостную взаемопотенциирующую, совокупность ценностных параметров и императивов. Согласны с мнением А. Варфоломеевой, что понятие личностного роста, личностной самореализации содержит как количественные, так и качественные характеристики [1, с. 33]. А. Варфоломеева говоря об этих характеристиках отмечает следующее: «количественный показатель – это высота, пик, успех, деятельность, сознание, личность, в целом, собственный рост. Качественный показатель – это глубина, душа, человечность, экзистенция, духовность, интуиция, творческое чувство, благородство, совестливость, честь и честность» [1]. Именно эти характеристики являются казуальными интенциями ценностного потенциала акмеологического знания, поскольку они тесно перекликаются с теми константами о которых отмечает М. Марчук. Ведь истина импульсирует такие показатели, как человечность, совесть, честь и честность. Добро же порождает благородство, профессионализм и т.д. В то время как первые две константы апеллируют к качественному показателю, красота коррелирует с количественным, а именно – высота, успех, деятельность и т.п.

Полагаем, что наиболее выразительным соотношением будет добро и профессионализм. Поскольку именно в сфере профессионализма вопрос добра занимает важное место. Следовательно, что есть такое добро для исследователя? Это слава на экранах телевидения, высоко-гонорарные консультации и т.д.? Нет, для ученого неофициальное признание, безупречная репутация в своем профессиональном кругу могут быть более привлекательными, чем соответствующие должности и звания. Среди ученых распространено мнение, что о руководящих должностях мечтают преимущественно те, кто исчерпал свои творческие профессиональные потенции. К тому же в любом творческом коллективе есть неофициальная иерархия, где вместо авторитета публичных должностей царит власть профессионализма [2, с. 194]. Упадок нравственности среди ученых, это скорее тенденция чем правило, однако именно такие тенденции приводят к упадку науки. Задача в исследованиях таких вопросов как профессионализм, честь, и т. п. приходится на плечи акмеологии.

Как известно акмеология – наука, которая сочетает в себе гуманитарные, естественные, социальные, технические и другие области знания. При этом изучает закономерности психического развития человека в пик его творческой, продуктивной, зрелой деятельности. Такая специфика предметности исследования включает и потенцирует междисциплинарный характер, что в свою очередь является ценностной платформой для актуализации трансдисциплинарных форм исследования.

Также ценностными потенциями акмеологии является возможность исследования целостности человека не только на междисциплинарном уровне (био-физиологический или химико-физический), а и в контексте трансдисциплинарного поиска. Ведь для этих исследований необходимой константой является именно стержень, который пронизывает все уровни исследования. Именно такие категорий как профессионализм, успех, творчество предстают тем стержнем, который является трансдисциплинарным в сложных комплексных исследованиях. И именно акмеология как сфера исследования этих категорий, лучше всего их раскрывает.

Литература:

1.Варфоломєєва, О. Акмеологія як наука в інтерпретації російських дослідників / О. Варфоломеева // Соціальна психологія. – 2007. – № 4.

2.Марчук, М.Г. Ціннісні потенції знання / М.Г. Марчук. – Чернівці: Рута, 2001.

3.Семенов, И.Н. Акмеология – новое направление междисциплинарных исследований человека / И.Н. Семенов // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3.

4.Сидоренко,С.А. Ціннісний аспект розвитку сучасних екологічних практик / С.А. Сидоренко // Альманах. Філософські проблеми гуманітарних наук. – № 14. – К., 2008.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА МАТЕРИАЛЕ АТО ГАГАУЗ ЕРИ

А.К.Папцова, г. Комрат, Молдова

Процессы глобализации и «массовой распространительности» информационных технологий обусловили актуальность проблем становления информационного общества даже для тех обществ, которые сохранили существенные черты традиционности. В данной работе они будут рассмотрены на примере социума, сложившегося на Юге Молдовы, в Автономно-Территориальном Образовании Гагауз Ери, статус которого был определен Молдовой в 1994 году.

В XIX веке в России, где темпы промышленного переворота сдерживались нерешенностью крестьянского вопроса предпринимались попытки обоснования того как можно ускорить прогресс и не пережив всей полноты капиталистического этапа развития перейти к следующему (в частности, в концепции общинного социализма). В настоящее время тотальная компьютеризация населения Молдовы, успех операторов мобильной связи, многократное увеличение количества ВУЗов формально дают повод к дискуссиям относительно возможности едва ли не прямого перехода от традиционного общества к информационному, минуя индустриальное.

Действительно, хотя распад СССР застал Молдову в момент перехода от индустриально-аграрного общества к индустриальному [1], молдавская экономика, при всей ее ориентации на автаркию (развивалась и тяжелая и легкая промышленность и сельское хозяйство), была частью советского экономического пространства. Там находились и рынки сбыта и энергетические ресурсы, там сложились организационные формы и преимущественно там создавались технологии. Поэтому разрыв многих экономических связей и неустойчивость оставшихся (примером чему может служить недавнее эмбарго на поставку молдавского вина), разрушил большую часть промышленных предприятий и существовавшие в светское время формы организации производства в области сельского хозяйства.

Но вместо масштабной рурализации и натурализации хозяйств, которые могли бы стать следствием этого можно наблюдать дальнейшее развитие урбанизационных процессов, разрастание сферы обслуживания, включая сферу социального обслуживания. Примером триумфа последней в замещения форм социальной защиты, присущей традиционному обществу служит появление в городах Гагаузии Домов престарелых.

Эти процессы во многом поддерживаются внешними ресурсами: квартиры в городах покупают жители сел, но средства на подобные операции они чаще зарабатывают не в городах Молдовы, а работая за ее пределами. Судьба этих квартир не всегда определяется в момент покупки – возможности большинства «новых горожан» найти работу в городе невелики и часть квартир пустует годами. Именно деньги трудовых мигрантов во многом обеспечивают работу местных рынков, оплату счетов за услуги не соразмерных зарплатам. Конечно, это временное состояние, так как временная трудовая миграция трансформируется в постоянную [2], но уже установленные стандарты жизни не аннулируются. А пользование компьютером вошло в их число, и, кстати, стремление дать детям образование – тоже. Эти стандарты могут только развиваться.

Но в основе этих процессов лежат глубоко внутренние причины: они являются следствием трансформации традиционного общества. Конечно, сама по себе эта трансформация также определяется глобальными процессами, однако характер ее протекания обусловлен тем, что в советский период система всеобщего обязательного среднего образования и доступность высшего образования и его эффективность в роли фактора социальной мобильности поменяли вектор социальных ожиданий. Престижным стало не повторение родительского сценария, а построение собственной (в плане выбора сферы деятельности) карьеры.

Система образования и идеология советская эпохи способствовали формированию «глобалистского» мировоззрения, преодолевавшего региональные рамки и границы: СМИ, политинформации в школах и

предприятиях убеждали в приоритетности глобальных проблем. Иногда это принимало забавные формы: аллея парка Чадыр-Лунги ориентирована на Полярную звезду, а на опушке леса села Джолтай был установлен плакат с призывом к «людям планеты» рыть колодцы. И по сию пору жители региона предпочитают российские СМИ, а не программы регионального телевидения во многом в силу глобального видения (не только региональные новости, но и глобальные тоже). Даже процесс этнической мобилизации гагаузов, результатом которого стало создание Автономии, тоже носит на себе черты «глобалистского проекта». Это особенно заметно в дни Всемирных конгрессов гагаузов, проходивших в столице Автономии Комрате в 2006, 2009, 2012 годах. Создание Автономии в этом проекте предстает событием планетарного масштаба, предназначение которого быть примером толерантности.

Еще одним следствием воздействия идеологии стало то, что те, кто в большей степени испытал это на себе уже не могут обойтись без аксиологического измерения явлений и процессов, без нескольких уровней их означаемости. Это стало одной из причин резкого роста религиозности. В регионе, где в советское время оставалось два действующих православных храма, в настоящее время оказалось необходимым открыть их в каждом населенном пункте В Чадыр-Лунге, где в 1972 была взорвана последняя церковь их четырех, включая больничную церковь и монастырь. Помимо этого заметным стал рост религиозного плюрализма. Интеллигенция прежде всего обратилась к религии и деятельно участвует в различных формах религиозной жизни – педагоги организовывают паломнические поездки, врачи помогают в деятельности сестричества, организованного о.Дмитрием (Киорогло) при больничном храме Чадыр-Лунги. В этом мировоззренческой эволюции не было резких ломок. Интеллектуалы, например, прошли стадии интереса к духовности как таковой, эзотерике, теософии, и наконец к более ортодоксальному православию.

В регионе не произошло примитивной смены полюсов, например, в интерпретации событий прошлого. Осознание мрачных страниц истории второй половины XX века сочетается с воспоминаниями о стабильности жизни в советские время. Показательно, что хотя в регионе открываются памятники жертвам репрессий, в Комрате и Чадыр-Лунге они стоят на улицах Ленина, причем памятники Ленину на этих улицах никто не демонтировал. С большой теплотой празднует День Победы, Помимо традиционных митингов организуются новые формы мероприятий. В этом году, например, на центральной улице Комрата была развернута георгиевская лента длиной в несколько сотен метров.

Это коснулось и ценностей, связанных с обществом рыночной экономики. Общество сравнительно легко перенесло коммерциализацию

различных отношений и приняло ситуацию, что за все надо платить. И проявило большую изобретательность в предложении новых видов платных услуг. В частности, гастарбайтерам предлагаются маршрутки «от двери к двери», приезжающие к дому клиента и везущие, к дому где он живет, пребывая в трудовой миграции. Эта легкость связана с тем, что именно семейные связи представляются первичными, и приоритеты семейных нужд позволяют смириться со способами зарабатывания средств на их реализацию.

Вместе с тем, на смену прежней стройной системе культурной иерархии пришло множество иерархий, особо между собой не связанных.Это проявилось, в частности, в период последней предвыборной кампании, когда политик В.Пасат попытался использовать действительно высокий авторитет Православной Церкви в политической сфере. Но оказалось, что значения явлений одной культурной иерархии нельзя «конвертировать» в другой иерархии.

То что традиционное общество стремительно трансформируется не означает «сущностной ретроградности» любых традиционных структур. Напротив, они часто являются фактором трансформации. В частности, родственные связи сильно облегчали миграционные процессы. А осознание эффективности Skype и социальных сетей для поддержания связей между родственниками способствовало такому размаху компьютеризации региона, которая значительно превзошла самые смелые ожидания властей, неустанно организовывавших курсы для учителей. И хотя использование информационных ресурсов Интернета оказалось побочным эффектом стремления поддержать связи между родственниками, это не меняет степени его значимости. Прочность семейных связей используется и в бизнесе, что способствовало увлечению сетевым маркетингом.

Побочный «информационный эффект» имеют и другие процессы. Например, этническая мобилизация гагаузов вызвала вал разного рода изданий, посвященный проблемам этнической истории и культуры. Тиражи книг превышают тысячи экземпляров.

Все это позволяет сделать вывод о том, что несмотря на сложности экономической и политической ситуации в регионе, тенденции его развития вполне соответствуют «духу времени» и связаны со становлением информационного общества, правда в весьма специфическом его варианте. Однако трансформация миграционных процессов из временной трудовой миграции в постоянную при отсутствии серьезной озабоченности властей проблемами реального экономического и культурного развития (что особенно заметно когда под маркой оптимизации закрываются единственные в селах школы) делают основания этого общества зыбкими и неустойчивыми.

Литература:

1. Субботина, И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация (вторая половина XX –начало XXI вв.) / И.А. Суботина. – Москва, 2007.

2. Шубин, А.В. К вопросу о причинах распада СССР: Власть и общество в истории: геополитические изменения на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI века / А.В. Шубин. – Кишинев, 2008.

ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ АТО ГАГАУЗ ЕРИ

С.К. Захария, А.К. Папцова, г. Комрат, Молдова

Геополитические процессы XX века не только изменили политическую карту мира, но и достаточно остро поставили проблему цивилизационной идентичности в разных ее аспектах. Одним из них является осознание того, что регионы, которые входили в состав империй и обширных геополитических образований и отчасти по-прежнему испытывают на себе влияние «метрополий» обретают свою собственную историческую судьбу и свои собственные представления о пространстве и времени, о прошлом и будущем. Это относится не только к тем государствам, которые образовались на территории Европы после мировых войн и в результате распада СССР. Несколько неожиданным последствием глобализации является возрастание значения региональной идентичности. Это отличает и вполне стабильные страны Европы, примером чему может служить восстановление парламента Шотландии в результате принятия Акта о Шотландии в 1998 году.

Политические метаморфозы становятся следствием культурных процессов, которые разворачиваются на протяжении достаточно долгого времени.

Именно в этом контексте можно рассматривать цепь обстоятельств, которые привели к созданию Автономно-Территориального Образования Гагауз Ери в 1994 году. Непосредственные причины можно усмотреть в всплеске этнической мобилизации, подстегнутой процессом распада СССР и в свою очередь, подтолкнувшей этот распад. Тем не менее, создание Автономии стало результатом длительного процесса роста этнического самосознания, формирования того, что можно назвать «культурным проектом» гагаузов.

Важнейшими составляющими этого процесса стали: формирование особого образа прошлого, постепенное возрастание значения гагаузского языка, опыт протестной деятельности и самоорганизации, приобретенный в ходе Комратского восстания в 1906 году, опыт организации административной и хозяйственной деятельности, обретенный в условиях

создания и функционирования в рамках Молдавской СССР трех районов с гагаузскими городскими центрами. Соответствующий статус три города Гагаузии Комрат, Чадыр-Лунга и Вулканешты обрели во второй половине XX века.

Культурный проект гагаузов формировался больше века и на каждой стадии своего развития отражал черты, свойственные эпохе. Помимо этого он совершенно в духе представлений О.Конта о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества на каждом этапе развития ретранслировался разными представителями гагаузской интеллектуальной элиты. На ранних этапах это были священники. Протоиерей Д.Чакир предложил первую историософскую парадигму гагаузской истории, назвав гагаузов славянами [1]. Протоиерей М.Чакир предложил иную трактовку гагаузской истории, вписав гагаузов в контекст истории тюркского мира. Помимо этого он сделал важный шаг в обосновании необходимости формы гагаузской государственности – озвучил версию о существовании государства гагаузов в прошлом – в средневековой Добрудже [2].

В дальнейшем способ ретрансляции изменился. И в 80-е годы новую, еще более «длинную» версию гагаузской истории представил Л.Танасоглу на страницах романа на гагаузском языке «Узун Керван». Именно литературная форма была наиболее распространенным способом ретрансляции в этот период советской истории.

В настоящее время образ прошлого нашел отражение в многочисленных научных и околонаучных публикациях, тиражи которых составляют не менее тысячи экземпляров.

Если на первых этапах создания образа прошлого важно было подчеркнуть православную идентичность гагаузов, то в последующем возрастание значение языковой идентичности придало образу прошлого тюркский контекст.

Вместе с тем, вопреки ожиданиям крупных геополитических игроков гагаузы, как и другие народы, переживающие подобный этап роста этнического самосознания не вписывают себя в одно их созданных этими игроками цивилизационных пространств, а создают свое новое.

Картина мира в культурном проекте гагаузов этноцентрична. Это особенно заметно в дни Всемирных конгрессов гагаузов, проходящих в столице Автономии городе Комрате. Конечно, гагаузский мир, совершенно в стиле информационного общества скорее виртуален, нежели реален. У Автономии даже нет непрерывной территории, так как в период создания Автономии каждый населенный пункт принимал самостоятельное решение о вхождении в состав Автономии и в нее не вошли болгарские села. Более того, несмотря на возрастание значения гагаузского языка учебные заведения Гагаузии, включая Комратский

государственный университет функционируют на русском языке. Это позволяет гагаузам легко вписываться русский мир и основная масса мигрантов, ищущих работу, устремилась именно в Россию

Тем не менее, изучение в доуниверситетских учебных заведениях и в университете гагаузского языка и литературы, истории, культуры и традиций гагаузского народа, функционирование гагаузского радио и телевидения создают хорошие возможности для развития гагаузской культуры.

Культурные стереотипы гагаузов основаны на христианстве и процесс секуляризации не изменил этого. В конце XX века разорванная десятилетиями пребывания в атеистическом государстве религиозная традиция была восстановлена и в каждом населенном пункте Гагаузии в настоящее время действует православный храм, а в некоторых еще и неправославные религиозные общины

Характеристики гагаузского культурного проекта на каждом этапе этнической истории отражают «стандарты эпохи». В XIX народы Юго-Восточной Европы делали акцент на страданиях в условиях господства Османской империи. И в концепции Д.Чакира [1] момент страданий подчеркнут. В настоящее время принято положительно относиться к толерантности и в современной версии гагаузского культурного проекта подчеркнут именно этот аспект. Обращается внимание на то создание Автономии является примером мирного разрешения этно-регионального конфликта и следствием присущей гагаузам толерантности.

В итоге можно сделать следующие выводы: геополитические трансформации меняют очертания цивилизационных пространств. На пересечении границ формируются новые культурные центры со своими культурными проектами, с этноцентричной картиной мира. Это не меняет того что по каким-либо параметрам они могут быть вписаны в существующие цивилизационные пространства.Гагаузы, например, были и остаются христианским (в основном православным) народом, говорящем на тюркском (гагаузском) языке, разделяющим европейские ценности и связанным с Россией культурными связями и миграционными процессами.

Литература:

1.Чакир, Д. Биографический рода и фамилии Чакир / Д. Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX вв. – Кишинев: Pontos, 2005.

2.Чакир, М. История гагаузов Бессарабии / М. Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX века. –Кишинев: Pontos, 2005.

ЦЕННОСТИ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ*

Ю.М. Пасовец, г. Курск, Россия

В социально-гуманитарном знании получило распространение понятие социальной адаптации, связанное с отражением адаптационных процессов субъекта (индивида, социальной группы или общности) в социальной среде. Социальная адаптация рассматривается как процесс приспособления субъекта к внешним и внутренним изменениям и как результат приспособительного процесса (состояние). Субъектом социальной адаптации, или адаптантом, выступает определенная социальная система: личность, социальная группа, социальная общность, общество в целом. По отношению к субъекту адаптация рассматривается как деятельность. При этом социальная адаптация задается определенной целью: поддержать имеющийся уровень материального благосостояния, повысить социальный статус и т.д. – и предполагает соответствующую мотивацию субъекта.

Необходимость социальной адаптации субъекта появляется в случае возникновения противоречий между ним и окружающей его социальной средой. Такого рода противоречия возникают из-за изменений (негативно или позитивно влияющих на жизнедеятельность личности), произошедших либо во внешней среде, либо во внутренней структуре субъекта. Изменения во внешней среде связаны с трансформацией внешней по отношению к субъекту социальной системы, институциональной среды. При этом изменения во внутреннем мире субъекта определяются сменой ценностных приоритетов, установок, идеалов и т.д.

В процессе социальной адаптации субъект задействует имеющийся у него адаптационный потенциал.

В нашем представлении адаптационный потенциал предстает как совокупность ресурсов субъекта (индивида, социальной общности), которые он использует в целях адаптации. В свою очередь, ресурс адаптации можно определить как качество(-а) субъекта, позволяющее(-ие) ему достигать желаемых результатов посредством актуализации своих потенциальных возможностей. По нашему мнению, структура адаптационного потенциала образована следующими ресурсами адаптации: демографическими, личностно-культурными, образовательно-профессиональными, социальными и материальными [3].

К личностным ресурсам социальной адаптации относятся ценностные ориентации, установки, идеалы, убеждения и другие компоненты духовного мира людей, которые определяют мотивацию социального поведения как индивидуальных, так и групповых акторов –

* Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-33-01208 «Адаптационный потенциал населения в условиях трансформации российского общества»

социальных общностей и групп – в процессе их адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности.

Ценности являются устойчивыми личностными образованиями, которые определяют содержание целей социальной адаптации. «Ценности – это любой материальный или идеальный, действительный или воображаемый предмет, по отношению к которому люди занимают позицию личностной оценки, придают ему важную роль в своей жизни, и стремление к обладанию им ощущают как потребность» [2, с. 36].

Ряд зарубежных и отечественных исследователей (К. Клакхон, М. Рокич, В.А. Ядов и др.) утверждают, что система ценностных ориентаций личности состоит из нескольких уровней. Так, М. Рокич выделяет в структуре личности ценности высшего (терминальные ценности) и низшего (инструментальные ценности) уровня; В.А. Ядов – четыре уровня диспозиций (то есть предрасположенности субъекта к оценке и определенному способу поведения, являющаяся психологическим выражением взаимоотношения потребностей и конкретных условий деятельности): элементарные фиксированные установки, социальные фиксированные установки, общая направленность интересов личности, систему ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения [см. 4].

Терминальные ценности отвечают на вопрос «ради чего, во имя чего?» осуществляется жизнедеятельность человека в целом и его конкретное действие в частности, представляют собой ценности-цели. К терминальным ценностям относят многие общечеловеческие ценности: красота, гармония, добро, истина, справедливость и др. Инструментальные ценности выступают как средства реализации терминальных ценностей и конкретизируют их, понимаются как ценности-средства. Выбор инструментальных ценностей обусловливается внешними (в основном – ресурсными) ограничениями, не позволяющими человеку реализовать все ценности, заставляющими его постоянно делать выбор между ними, выстраивать и согласовывать их. К инструментальным ценностям относятся ответственность за свои действия, широта взглядов, честность, воображение, умение отстаивать свои позиции и т.д.

Для измерения спектра ценностей личности целесообразно использовать методику М. Рокича, основанную на выделении 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей, адаптированную к русскоязычной среде А. Гоштаутасом, А.А. Семеновым и В.А. Ядовым. К числу терминальных ценностей М. Рокич относит активную деятельную жизнь; жизненную мудрость; здоровье; интересную работу; красоту природы и искусства; любовь; материально обеспеченную жизнь; наличие хороших и верных друзей; общественное призвание, уважение окружающих; познание, возможность расширения своего образования,

кругозора, общей культуры; продуктивная жизнь; развитие; развлечения; свободу, самостоятельность в суждениях и поступках; счастливую семейную жизнь; счастье других; творчество; уверенность в себе. В группу инструментальных ценностей он включает аккуратность, порядок в делах; воспитанность; высокие запросы; жизнерадостность; исполнительность; независимость, способность действовать самостоятельно; непримиримость к недостаткам в себе и других; образованность; ответственность; рационализм, умение принимать обдуманные решения; самоконтроль, сдержанность; смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов; твердая воля; терпимость к взглядам и мнениям других; широта взглядов, умение понять чужую точку зрения; честность; эффективность в делах; чуткость, заботливость.

На наш взгляд, при изучении ценностей личности как ресурса социальной адаптации в трансформирующемся обществе в условиях перехода от плановой к рыночной экономике, формирования гражданского общества, девальвации патернализма и развития индивидуализма следует измерять и такие инструментальные ценности, как готовность к риску, предприимчивость; инициативность, стремление быть лидером; коллективизм, готовность к участию в решении общих дел; творческий подход к делу; общительность. Перечисленные ценности-средства могут во многом определять успешность социальной адаптации к изменяющимся в процессе трансформации социально-экономическим и социокультурным условиям. Так, готовность к риску, предприимчивость как средства адаптации оказываются востребованными в связи с возрастанием неопределенности экономической ситуации и ситуации на рынке труда при рыночной экономике, с одной стороны, и возможностью самореализации в сфере самозанятости, предпринимательства, когда человек становится хозяином своего дела, с другой. В свою очередь, общительность как средство адаптации приобретает значимость в системе социальных коммуникаций, роль которых возрастает в современном обществе, с одной стороны, и в плане включения индивида в социальные сети и накопления социального капитала, способного обеспечить социальное продвижение личности, с другой.

Литература:

1. Корель, Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск, 2005.

2. Наумова, Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / Н.Ф. Наумова; отв. ред. В.Н. Садовский. – М., 1988.

3. Пасовец, Ю.М. Концептуальные основы изучения адаптационного потенциала населения / Ю.М. Пасовец // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 3.

4. Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В.А. Ядов, А.А. Семенов [и др.]. – М., 2013.

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

П.А. Пиловец, г. Минск, Беларусь

Мир наполнен различными знаками, значениями, сообщениями и фактами. Человек в насыщенной окружающей среде вынужден находить ориентиры. Ключевые факты, знаковые события, исключительные для него лично моменты. Среди множества фактов и событий, мы выбираем именно те, которые считаем важными. Глобальный поток информации индивидуализируется и выкристаллизовывается каждым конкретным человеком. Сегодня почти каждый имеет доступ к интернету, а вместе с ним, ко всей доступной информации. Человеческое сознание бомбардируется каждую секунду огромным количеством знаков и символов. Как же человеку удается не запутаться в такой перенасыщенной среде? Мы общаемся, смотрим фильмы, слушаем музыку, Обмениваемся ссылками, сообщениями и мемами в социальных сетях. Зачастую не вызывает никаких трудностей отделить то что важно от того что не важно. И сегодня для этого есть масса возможностей. Социальные сети позволяют персонифицировать поток информации в соответствии с личностными пристрастиями каждого пользователя. Мы можем влиять на поток информации обрушивающийся на нас. И если в реальной среде это сделать довольно сложно, то в виртуальной – для этого существует масса возможностей. Неограниченный доступ к текстовой, аудио и видеоинформации. В интернете не существует границ между государствами. Стираются социокультурные различия, или, во всяком случае, становятся менее значительными и заметными.

В процесс любой коммуникации вовлечены минимум два субъекта. У каждого из которых есть свой культурный уровень, багаж знаний, жизненный опыт и пр. Тем не менее, процесс коммуникации может успешно протекать между представителями различных профессиональных областей, культурной среды и т.д. Почему так происходит? Что помогает нам ориентироваться в мировых событиях, тенденциях, и вообще, понимать друг друга?

Мышление человека способно к обобщению как больших, так и небольших объемов информации. Предметы, составляющие наше окружение, воспринимаются чувствами не в виде отдельных объектов, а как организованные формы. Восприятие не сводится к сумме ощущений, а свойства фигуры не описываются через свойства частей. Мы способны воспринимать как сегодняшние новости, так и события давно минувших

дней, при этом, не путаясь в том, что было вчера, а что триста лет назад. Психические процессы не сводятся к сумме элементарных рефлексов, а восприятие общего - нечто большее, чем сумма восприятий деталей. Психическая деятельность организована сверху вниз, и воспринимая некую жизненную ситуацию, мы сначала «ухватываем» ее общие качества, а затем, опираясь на целостное восприятие, анализируем детали. В основе этого механизма – лежит способность человека вычленять в потоке информации определенные знаки и знаковые системы. Знаком может быть действие, слово или жест. А так же в отдельный сложный знак может преобразоваться совокупность простых знаков. Так, например, номер дома – это знак дома. При этом сам дом – это знак для улицы ит.д. Способность к обобщению, способность аппелировать к различным знаковым системам – позволяет нам ориентироваться в нескончаемом потоке информации.

Двое субъектов коммуникации – являются противоборствующими сторонами и союзниками одновременно. Оба субъекта – заинтересованы в получении информации и донесении своей точки зрения собеседнику. В этих условиях, необходимо постоянно подвергать сомнению точку зрения коммуницирующей стороны, а не слепо принимать её на веру. Для этого применяется метод аргументации и контраргументации. В итоге вся человеческая история указывает на то, что некогда теории и концепции, считавшиеся незыблемыми – неоднократно подвергались сомнению и выдвигались новые теории или концепции, которые, в свою очередь, так же подвергалась сомнению и на их место приходили новые концепции. Мир состоит из диалектических противоречий. Противоречия и являются причиной движения материального и духовного мира, человека и общества. В человеческой сущности заложено стремление к познанию, которое он реализует в своей практической деятельности. Но сам по себе, человек изолированный от внешнего мира, не способен реализовать свои способности. Он вынужден тратить жизнь на поиски оптимального решения простейших проблем. Словно пещерные люди, отшельники и далекие племена, вынуждены заново изобретать мир. Мы живем в мире который кто-то изобрел до нас. Пользуемся вещами, которые спроектировали не мы, покупаем веши, которые изготовили не мы, даже питаемся продуктами, которые вырастили не мы. В этом и есть великая роль человечества. Прогресс был бы невозможен в отсутствии такого феномена, как общество. В условиях социума, человек движимый жаждой познания проходит путь всего человечества за несколько десятков лет. Этот путь был бы невозможен без коммуникации человека с внешним миром. И если еще 30-40 лет назад доступ к информации был весьма ограничен и на поиски нужной информации могли уходить дни, месяцы, а иногда и годы, то сегодня интернет являет собой огромную базу данных информации всего человечества, которая постоянно пополняется. Поток

информации невероятно ускорился и усилился. При этом все чаще участники общественных отношений не имеют представление о каких-то элементарных вещах, которые знал, например, пещерный человек, потому, что это не жизненно необходимо. Зато, человек с аналитическими способностями может изобрести что-то или усовершенствовать уже существующее, внося, тем самым свой вклад в общее развитие человечества. И этот путь не завершится никогда. Нет величины более постоянной, чем постоянные изменения. Чтобы успешно работать и функционировать, нужно быть готовым к изменениям. Успешные люди всегда открыты ко всему новому и готовы экспериментировать. Эксперимент – важнейший элемент познания. Через эксперимент теоретические идеи способны перерождаться на практике и внедряться в реальную жизнь.

Коммуникация, построенная по определенным правилам, наиболее успешна для удовлетворения всех сторон, участвующих в обмене информацией. Намного проще иметь дело с тем, кто работает по определенным правилам, чем с тем, кто ведет себя непредсказуемо. Поэтому для визуальных коммуникаций характерна определенная степень предсказуемости. В рамках определенного отдельного пространства, графические и информационные элементы выстраиваются таким образом, что выражают определенное коммуникационное сообщение. К примеру, в системах визуальных коммуникаций в городе – цвет выполняет навигационную функцию. Другими словами, нет универсальных приемов и принципов, согласно которым можно следовать для достижения максимального эффекта. Именно поэтому большинство дизайнерских школ, которые стремились унифицировать принципы создания продуктов дизайна – рано или поздно подвергались критике и утрачивали ведущее влияние. При этом нисколько не умоляются достижения представителей данных школ. Более того, современные дизайнеры все чаще возвращаются к разработкам своих предшественников, но не слепо копируют, а переосмысляют и предлагают новые решения. Тем самым, дизайнер современности вступает в невольный диалог с предшественниками, потомками и современниками.

Жизнь невероятно ускорилась. Мобильные устройства меняют картину мира. Большинство населения развитых стран пользуются мобильными приложениями. Более миллиарда человек пользуются социальными сетями в Интернете. В современном мире новые технологии и массовая культура дают огромное множество способов бегства от реальности: компьютерные игры, интернет, виртуальная реальность, кино, телевидение. И искусство отвечает на этот темп жизни сменой своего собственного ритма.

РАБОТА С ОБРАЗАМИ В КОНТЕКСТЕ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Н.Д. Пискун, г. Минск, Беларусь

Арт-терапия, возникшая в 30-х годах XX века на стыке теоретического и практического знания, является примером междисциплинарного подхода в науке, так как представляет собой синтетическое явление, целостно презентирующее четыре самостоятельные области: медицину, социологию, психологию и собственно искусство. Современная арт-терапия – в лечебной и психокоррекционной практике – это совокупность методик, построенных на применении в своеобразной символической форме техник разных видов искусства, позволяющих стимулировать художественно-творческие проявления клиента с целью осуществить коррекцию нарушений психосоматических, психоэмоциональных процессов и отклонений в личностном развитии.

Закономерно, что существующая на стыке науки и практики искусства, арт-терапия, опирается на результаты исследований различных областей знания, что обеспечивает ей определенную и выраженную динамику развития. Поток теоретических публикаций, посвященных терапевтическому воздействию художественного творчества на психоэмоциональное состояние человека не иссякает и, в то же время, предлагает широкий спектр новаторских арт-терапевтических методик. Методологическим основанием для излагаемых положений и умозаключений являются результаты научных изысканий в области коллективного бессознательного и теории архетипов основоположника аналитической психологии К.Г. Юнга [19–26] и его последователей: С.С. Аверинцева [1], А. Гуттенбюль-Крейга [5], В.В. Зеленского [6], С.А. Маленко [14], Р. Ассаджиоли [3], О.А. Свирепо и О.С. Тумановой [17], Хиллмана Дж. [19] и других ведущих психологов, психотерапевтов, а также представителей научного сообщества арт-терапевтического направления в психологии и психотерапии Р. Арнхейма [2], М.Е. Бурно [4], Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой [7, 8], А.И. Копытина [10, 11], Л.Д. Лебедевой [12], Х. Лёйнера [13], Я.Л. Морено [15], Н.Н. Николаенко [16], В. Стюарта [18] и др.

Арт-терапия, как психологический процесс состоит из двух основных этапов: психодиагностического и психокоррекционного. И на первом и на втором этапе способность клиента к образотворчеству является основополагающей. Образотворчество – это способность человека (мыслительная, чувственная, сенсорная, интуитивная, эмоциональная) к созданию и восприятию образов, предметов, ситуаций как реальной, так и вымышленной действительности (фантазии, мечты), лежащая в основе процесса воображения. С помощью воображения

человек создает не только образное представление окружающего его мира, регулирует эмоциональные состояния, познавательные процессы, а также формирует свой внутренний план действий. Поэтому целесообразность использования воображения, интуиции и, как следствие, образов в консультационной практике арт-терапевта представляется очевидной.

Специфика арт-терапевтической деятельности предполагает, что в ее процессе происходит интерпретация образов и как явления психологической реальности, и как явления процесса художественного творчества. В последнем случае материал для психокоррекционной работы представляется в виде созданного клиентом художественного образа. Он информативен и коммуникативен по своей природе, его создание является процессом творческим, т.е. уникальным.

Рассматривая вопрос об областях применения работы с образами в качестве терапевтического и психокоррекционного инструмента в различных областях арт-терапевтической деятельности, следует отметить, что её эффективное использование возможно лишь в тех направлениях арт-терапии, где существует спонтанная и импровизированная деятельность, а «высказывание» клиента и его интерпретация арт-терапевтом предполагает наличие образного ряда. К основным направлениям такой деятельности относятся: анимационная терапия, библиотерапия, видеотерапия, драматерапия, игротерапия, изотерапия, имаготерапия, куклотерапия, маскотерапия, песочная терапия, сказкотерапия, фототерапия и др. Принципиально важной составляющей арт-терапевтической теории является выявление и обоснование её целительных и психокоррекционных потенций. В современной практике техники арт-терапии успешно применяются при решении таких основных проблем и задач как:

- внутри- и межличностные конфликты,
- кризисные состояния
- экзистенциальные и возрастные кризисы
- травмы
- потери
- постстрессовые расстройства
- невротические расстройства
- психосоматические расстройства
- развитие креативности
- развитие целостности личности
- обнаружение личностных смыслов через творчество

В настоящее время четкое определение границ и возможностей арт-терапии – проблема до конца неразрешенная и претендующая на самостоятельное исследование.

Карл Густав Юнг, активно занимавшийся изобразительной деятельностью и исследовавший её, первым указал на наличие в произведениях искусства архетипического содержания коллективного бессознательного, имеющего универсальное значение, несущего трансцендентный смысл, выражающегося в совокупности определенных им архетипических образов и мотивов. Именно эти архетипические образы стали специфическим инструментарием в работе арт-терапевта, позволили ему проникнуть во внутренний мир переживаний клиента, связать между собой энергии бессознательного и сознания, тем самым обеспечив успешность арт-терапевтического процесса. Карл Густав Юнг утверждал, что «непредставимые сами архетипы свидетельствуют о себе в сознании лишь посредством некоторых проявлений, а именно в качестве архетипических образов и идей» [6] и подчеркивал, что «субъективное переживание тесно связано с архетипами и осуществляется через выраженные символическим образом определенные универсальные мифологические мотивы или архетипические образы» [6]. Следовательно, можно констатировать существование тесной взаимосвязи архетипов, архетипических образов, мифологических образов и символов в процессе психологического консультирования.

Применение архетипических образов в арт-терапевтической практике является способом кодирования и декодирования информации, механизмом раскрытия психобиографической истории, уточнения психологических проблем клиента посредством активизации глубинных архаических структур психики. В большинстве видов современной арт-терапии интерпретация образного ряда успешно реализуется, но, являясь одной из главных задач арт-терапевта, предполагает наличие у него особых навыков и умений в истолковании образов и сюжетов, а также знаний в области символообразования. Сам этот процесс строится согласно традиционным этапам и предполагает аналитическое «восхождение» от типа к прототипу, далее прообразу и собственно архетипу. Чем ближе архетипический образ к своему истоку, тем сильнее проявляется его нуминозность, тем короче путь к воссоединению бессознательного и сознательного содержания в психике человека, тем успешнее и эффективнее процесс арт-терапевтической деятельности.

Литература:

1. Аверинцев, С. С. «Аналитическая психология Юнга» и закономерности творческой фантазии / С. С. Аверинцев // О современной буржуазной эстетике : сб. ст. – М. : Искусство, 1972. – Вып. 3. – С. 110–155.

2. Арнхейм, Р. Искусство как терапия / Р. Арнхейм // Психология художественного творчества: Хрестоматия – Мн.: Харвест 1999 – С.731 – 749.

3. Ассаджиоли, Роберто. Психосинтез: Принципы и техники / Роберто Ассаджиоли; Пер. с англ. – М.: Психотерапия, 2008. – 384 с.

4. Бурно, М.Е. Терапия творческим самовыражением / М.Е. Бурно – М: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 364 с.

5. Гуттенбюль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине / А. Гуттенбюль-Крейг – СПб.: Б.С.К., 1997. – 117 с.

6. Зеленский, В.В. Толковый словарь по аналитической психологии / В.В. Зеленский – СПб.: Б&К, 2000. – 319 с.

7. Зинкевич-Евстигнеева, Т.Д. Практикум по песочной психотерапии / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб: Речь, 2002. – 224с.

8. Зинкевич-Евстигнеева, Т.Д. Практикум по сказкотерапии / Т.Д. Зинксвич-Евстишеева. – СПб.: Речь, 2001. – 310с.

9. Копытин, А.И. Арт-терапия / А.И. Копытин. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с.

10. Копытин, А.И. Системная арт-терапия / А.И. Копытин. – СПб.; Москва; Харьков, Минск: Питер, 2001. – 216 с. – (Практикум по психотерапии).

11. Копытин, А.И. Теория и практика арт-терапии / А.И. Копытин. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.

12. Лебедева, Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий / Л.Д. Лебедева – СПб.: Речь, 2007. – 256 с.

13. Лёйнер, Х. Кататимное переживание образов / Х. Лёйнер. – М.: Эйдос, 1996. – 340 с.

14. Маленко, С.А. Феноменология архетипа в системе социокультурного освоения коллективного бессознательного: на материалах творчества К. Г. Юнга: дис. … канд. философ. наук: 09.00.03 / С.А. Маленко. – Киев,1998. – 192 с.

15. Морено, Я. Л. Психодрама / Я.Л. Морено; пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. – М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-пресс, 2001. – 528 с.

16. Николаенко, Н.Н. Психология творчества: Учебное пособие /Н.Н. Николаенко: под ред. Л.М. Шипициной. – СПб.: Речь, 2005. – 277 с.

17. Свирепо, О.А. Образ, символ, метафора в современной психотерапии / О.А. Свирепо, О.С. Туманова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004. – 270с.

18. Стюарт В. Работа с образами и символами в психологическом консультировании: монография / В. Стюарт. – М.: Класс, 2003. – 384 с.

19. Хиллман, Дж. Исцеляющий вымысел / Дж. Хиллман. – СПб.: Б.С.К.,1997. – 181 с.

20. Юнг, К.Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее: монография / К.Г. Юнг; Пер. с англ. – М.: Мартис, 1995. – 309 с.

21. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М. : Renaissance; Jv ewo – s&d, 1991. – 304 с. – (Сер. «Страницы мировой философии»).
22. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов: монография / К.Г. Юнг; пер А.А. Спектор – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. – 400 с.
23. Юнг, К.Г. Символическая жизнь / К.Г. Юнг; Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2001 – 326с.
24. Юнг, К. Г. Собрание сочинений: в 19 т. Т. 15: Феномен духа в искусстве и науке / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1992. – 320 с.
25. Юнг, К.Г. Человек и его символы / К.Г. Юнг; пер. с англ.; под общей ред. *С.*Н. Сиренко – СПб.: Б.С.К., 1996. – 456с.
26. Юнг, К. Психоанализ и искусство / К. Юнг, Э. Нойман. – М.: REEFL-book, 1996. – 304 с.
27. Юнг, К.Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Самуэльс и др. – М.: Мартис, 1996. – 309 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Н.В. Полищук, г. Ровно, Украина

В наше время глобализация и другие планетарные явления являются причиной того, что новые достижения человечества, прежде всего информационно-высокотехнологические, актуализировали духовно-нравственные ценности как жизненно важные аспекты существования человечества. Сейчас совершаются фундаментальные изменения в производстве, науке, технике и технологиях, а также в духовно-моральном состоянии жизни человеческого общества (особенно молодежи) под влиянием информационно-высокотехнологического научно-технического прогресса (ИВТ НТП), который происходит на современном этапе развития цивилизации и касается жизненно важных интересов всего человечества и каждого человека в частности. Информатизацию и технологизацию общества следует рассматривать как глобальный цивилизационный процесс, который уже сегодня имеет существенное влияние на все области жизнедеятельности человека и общества, а в дальнейшем будет определять и все духовно-нравственное лицо глобального ИВТ общества – новой цивилизации XXI ст.

К сожалению, эти изменения часто приводят к существенному ухудшению духовного состояния, прежде всего молодежи, что в результате катастрофически проявится в будущем ИВТ обществе потерей духовных и моральных норм, а это значительно затормозит общественный прогресс и приведет к апокалипсису. Теоретики Римского клуба считают, что кризис человечества является логическим следствием духовно-морального кризиса человека, который обусловлен проблемами и противоречиями прошлой научно-технической революцией (НТР) и

современным ИВТ НТП. Устранение духовно-морального кризиса человека будет оказывать содействие устранению антропологического кризиса в глобальном масштабе.

Поступательное движение человеческого общества вперед с целью улучшения жизни с помощью разума, от низшего до высшего этапа, от простого до сложного во взаимосвязанном развитии науки и техники – это НТП, обусловленный потребностями материального производства, а резкие, скачкообразные ускорения НТП – это НТР и информационно-высокотехнологическая революция (ИВТР). Они дали начало гигантскому росту материальных и духовных, культурных и информационных возможностей человечества и созданию глобализационной цивилизации. Состоялся качественный прыжок не только в продуктивных силах, но и в средствах разрушения в военном деле. Впервые в истории человечества они наделили человека способностью уничтожать все живое. Итак, везде в диалектическом единстве рядом с силами, которые двигают общество вперед, существуют и силы регресса. И те и другие обусловили глубокое влияние на все сферы жизни, предопределяя или развитие, или застой, а то и движение назад, в том числе и в духовно-моральной жизни и в уничтожении людей и природы.

Ныне наука, технологии и техника, а также образование, которые базируются на тотальной информатизации, решают кардинальные вопросы существования или не существования человечества. В. Л. Петрушенко подчеркивает: "... Быстрое развитие науки и техники в наше время ведет к разрушению целой серии упроченных стереотипов жизни (в том числе духовно-моральных), что очень тяжело переживается, а иногда приводит к выводу, что человечество неготовое к такому информационному технико-технологическому взрыву. Складывается впечатление, что джин вырвался из бутылки, а укротить его уже невозможно" [1].

Мы убеждены: ничто не заменит духовно-моральный разум человечества, который стремится к самосохранению, но его нужно формировать – это наиболее актуальная задача настоящего, перенесение решения которой на будущее равносильное цивилизационной катастрофе, ведь кроме ядерного оружия есть еще много других видов оружия массового уничтожения. Должна немедленно состояться перестройка мышления. Духовно-моральный разум должен победить сегодня, пока милитаристы не захватили власть и не овладели мышлением людей.

Проблемы, которые создал ИВТ НТП, касаются жизненно важных интересов человечества и каждого индивида, выживания человечества и существования нашей планеты вообще. Это проблемы производственные и культурные, научные и технические, духовные и моральные, религиозные и атеистические, экологические и демографические, социальные и политические, образовательные, педагогические, психологические,

которые возникли на изломе второго и третьего тысячелетий вследствие широкого развертывания ИВТ НТП, который породил колоссальные изменения в духовности и нравственности молодежи, а она олицетворяет будущее земной цивилизации. Без использования нового способа философствования эти проблемы решить невозможно; без философско-образовательного осмысления ИВТ НТП и изменения методологии образования земную цивилизацию ждет всемирный апокалипсис, а без мудрых учителей и преподавателей избежать его невозможно [2].

Модернизация в образовательной системе наталкивается на трудности и часто не успевает за изменениями в экономике, науке, технике, технологии, культуре, в социальных отношениях и общественном сознании. Благодаря НТР средины XX ст. и ИВТР его конца и начала XXI ст. возник новый мир – в новейших образцах техники и технологий, в ИВТ НТП, в новых формах жизни, в частности, в глобализации, сплошной информатизации, технизации и технологизации общества, и в новых формах мировоззрения, миропонимания и образования, а главное – в глобальных опасностях (ядерная война, демографическая проблема, энергетический кризис, экология, климат), которые разворачивают противоречия между новыми реалиями нашего существования и сложившимися формами и способами нашего отношения к этому миру.

Поэтому неслучайно возникает острая проблема адаптации к глобальным изменениям, формированию нового мировоззрения, которое отвечает новой поре. Этим должны проникнутися не только ученые, изобретатели и государственные деятели, но и миллиарды людей, включая молодежь, родителей, учителей, преподавателей – всех, кто ныне существует на нашей планете. Проблема адаптации к новым реалиям, борьба с бездуховностью и аморальностью, а отсюда сохранение жизни на Земле, должны стать основной, ведущей темой учебников и занятий всех без исключения учебных заведений.

В условиях ИВТ НТП любое бесконтрольное развитие науки и техники со стороны общества может привести лишь к катастрофе. Духовность, нравственность – это тот уровень развития личности и общества, который является консолидирующим началом, способным объединить людей, обеспечить гражданский мир и согласие в обществе. Без пробуждения таких моральных феноменов как совесть, человечность, ответственность, достоинство, творческая инициатива, предприимчивость сложно рассчитывать на улучшение ситуации в государствах, особенно в эпоху ИВТ НТП, который технизирует, технологизирует и кибернетизирует сознание и эмоции каждой личности [2].

Взрывной характер развития науки, техники и, в том числе, компьютерно-информационной, технологий (в частности, химических, биологических, ядерных) привел к сплошной глобализации и интеграции

жизни наций, мировых кризисов (экологический, климатический, социальный, демографический); к угроза уничтожения человечества в ядерной или другой все уничтожающей войне; к опасности новейших техногенных и производственных факторов для здоровья человека, физических и психических трансформаций в развитии личности и ее духовного мира, создал опасность духовной и моральной деградации цивилизации. Нет ничего более ценного в мире, чем сам духовно-моральный человек [2]. Поэтому сейчас нужно воспитывать таких учителей и преподавателей, которые должны быть философско-образовательными мыслителями, ощущать всю полноту возложенной на них ответственности за судьбу человека, за его духовное, интеллектуальное и физическое здоровье, за будущее своей страны и всего мира, всей человеческой цивилизации.

Литература:

1. Петрушенко, В. Л. Філософія: в 2-х част / В.Л. Петрушенко. – Львів: Новий світ, 2000-2011. – Ч. 1: Світова філософія, фундаментальні проблеми філософії. – Ч. 2: Релігієзнавство, етика та естетика, логіка.

2. Поліщук, Н. В. Науково-технічний прогрес і духовно-моральне становлення молоді / Н.В. Поліщук. – Рівне: О. Зень, 2012.

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Е.С. Полякова, г. Минск, Беларусь

Обращение к общечеловеческим экзистенциальным ценностям выдвигает на первый план *свободу* как важнейшую категорию. Она определяет становление личностного самоопределения и системы ценностей, с одной стороны, а с другой – ответственности человека перед собой и обществом.

В философии идея свободы в последние годы разрабатывается особенно интенсивно. Решение проблемы антиномии *свобода-необходимость* зависит от того, к какому направлению тяготели те или иные представители научной мысли. При этом, в истории философии представлен весь спектр взглядов: от религиозного фатализма («божественного предопределения») Блаженного Августина до «бегства от свободы» Э. Фромма. Свободу как осознанную необходимость рассматривали представителя эссенциализма. В частности, для материалистической философской доктрины свобода является всего лишь эманацией необходимости, хотя и признаются случайные отклонения от нее. Представители экзистенциализма рассматривают свободу как первичную реальность человеческого существования, а необходимость как абстрактное понятие, не имеющее конкретного содержания. Так, по

мнению Ж.-П. Сартра, человек свободно выбирает собственную слабость и делает ее «оправданием всех неудач».

В последнее время в дискуссиях философов все чаще можно услышать определение свободы не как осознанной необходимости, а как осознанной возможности. Возможность и необходимость отличаются по сущности. Необходимость имеет оттенок фаталистичности, неизбежности, предопределенности и заданности. Возможность же плюралистична по сути, альтернативна и вариативна. Признавая свободу выбора как условие самоизменения личности, можно констатировать: возможность осуществляется как свобода выбора личностью способов мышления, чувствования, поведения, деятельности, рефлексии, в том числе и профессиональных [1].

Двуединый процесс индивидуализации и социализации личности во многом определяется *свободой бытия.* Опираясь на исследование А.Р.Фонарева, рассматривающего три модуса бытия человека в социуме: обладания, социальных достижений, служения [2], – можно отметить, что при модусе обладания зависимость человека от других людей наибольшая: человек не свободен, т.к. ищет средства для достижения своих целей не в собственном бытии, но в другой личности, при этом все процессы самости (самоидентификация, самореализация, самосовершенствование и т. д.) затрудняются, т. к. попадают в зависимость от других личностей. Преобладание модуса социальных достижений предполагает детерминированность собственных достижений в социуме. Поиск себя в постоянном сравнении своих достижений с достижениями окружающих предполагает сотворение своего собственного бытия по моделям бытия других людей, самосозидание человека при таком модусе бытия далеко от свободы выбора индивидуальной стратегии собственного существования, от обретения собственных экзистенциальных ценностей. Только при модусе служения степень свободы от другой личности – наибольшая, а возможность свободного самоопределения в собственной деятельности в сочетании со становлением системы ценностей позволяют в полной мере ощутить ответственность перед обществом на основе свободного самораскрытия творческой личности, реализации собственных потенций, созидания собственного бытия.

Особое значение в становлении аксиологических ориентаций существования человека приобретает *свобода в выборе ценностей*. Становление ценностей личности происходит во внутреннем плане ее духовного бытия. Механизмом служит связь отношений со знаниями. В основе любого отношения лежит формирование личностного смысла, присвоение субъективной категориальной ценности тому или иному явлению действительности, что ведет к осознанию этого личностного смысла, как источника самодвижения и саморазвития человека. Чтобы

стать субъектом саморазвития человеку необходимо изменить систему отношений к себе, своей деятельности, окружающему миру. Эмоции и чувства человека как концентрированные выражения его отношений, обеспечивают эту возможность. Эмоциональный интеллект, эмоциональные состояния, эмоциональная включенность личности в деятельность предполагает переживание определенных эмоций. В теории деятельности это *сдвиг мотива на цель при накоплении эмоций.* Свобода в выборе ценностей предполагает усиление ответственности за свой выбор.

Поскольку ценности всегда являются атрибутом конкретной культуры, объективно ей присущим, постольку социокультурный фактор обеспечивает привнесение ценностей извне. Отсюда следует, что отсутствие свободного выбора личностью экзистенциальных ценностей приводит к конформизму и препятствует развитию индивидуальности [3].

Свобода самоопределения в выборе направления самореализации и профессионального становления связана с формированием жизненной стратегии человека и таким понятием как потенцирование времени. По мнению К.А. Абульхановой, внешняя социальная детерминация развития может отдавать субъекту общественное время или забирать его, тем самым расширяя или сужая степень его свободы. Актуализация субъективного времени происходит при присвоении общественного времени и использовании в настоящем прошлого опыта (социального и личного). Способность к аккумуляции времени выступает как темпоральный ресурс личности [4]. Ответственность за самоопределение и самореализацию личности несет сама личность, что соответствует сущности четвертого принципа, выдвинутого Международной комиссией ЮНЕСКО по образованию для XXI века [5].

Позиционирование человека в координатах духовности позволяет ему осмыслить ряд ценностей экзистенциального характера, которые представляют собой претворение онтологических общечеловеческих ценностей в его собственном бытии. Функции пространства духовности обеспечивают становление экзистенциальных ценностей личности. *Трансцендентная функция* обеспечивает выход за пределы собственного Я, освоение новых пространств, информационных пластов, новых смыслов бытия, позволяя человеку находить ценностные ориентиры в своей жизни. *Аксиологическая функция* духовности предполагает абсолютную ценность человеческого бытия как определяющий принцип, актуализирует интимно-личностные экзистенциальные переживания особых духовных социально-обусловленных явлений: Красоты, Добра, Истины, Свободы, Совести, Разума, Любви и т.д. *Темпоральность как экзистенциальная функция* пространства духовности предполагает непрерывность существования человека во времени, бесконечный путь самосовершенствования, поиск и осмысление этого позитивного движения, существующего как исходная

интенция человека – придание смысла собственной жизни и обретение смысложизненных ценностей. *Холистская функция духовности* представляет собой обеспечение индивидуальной целостности и единства психической жизни, что позволяет гармонизировать все аспекты взаимоотношений человека с Миром. Разрушение целостности чревато многими негативными последствиями: начиная от потери смысла жизни целыми поколениями и кончая асоциальным поведением каждой конкретной личности. В итоге холистская функция духовности опосредованно влияет на социокультурную ситуацию, складывающуюся в каждом конкретном обществе, в каждом конкретном государстве.

Все вышеизложенное позволяет определить становление экзистенциальных ценностей человека как важную составляющую духовности личности, обеспечивающую сочетание свободы самоосуществления с ответственностью перед собой и обществом.

Литература:

1. Полякова, Е.С. Трансформация ценностных ориентаций педагога-музыканта в пространстве духовной культуры / Е.С. Полякова // Психологические проблемы смысла жизни и акме. – М.: ПИ РАО, 2011.
2. Фонарев, А.Р. Формы становления личности в процессе ее профессионализации / А.Р.Фонарев // Вопросы психологии. – 1997. – № 2.
Гуляева, Е.Г. Педагогические условия самореализации подростков в коллективной исполнительской деятельности / Е.Г.Гуляева. – Минск: Бестпринт, 2006.
3. Абульханова, К.А. Личность как субъект жизненного пути / К.А.Абульханова // Время как фактор изменений личности: Сборник науч. Трудов – Минск.: ЕГУ, 2003.
4. Образование: сокрытое сокровище: Доклад международной комиссии по образованию для XXI века, представленный ЮНЕСКО / Делор Жак и др. – Париж: Изд-во Юнеско, 1996.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Р.В. Попова, г. Горки, Беларусь

Современный мир глобализируется, и совершенно очевидно, что глобализация, которая представляет собой тенденцию к взаимопроникновению культур и цивилизаций, к формированию человеческой общности в планетарном масштабе, подвела человечество к порогу новой эры с рядом острых проблем, касающихся любого человека в ближайшем будущем, его личности, судьбы, тела и – рискнем предположить – даже души.

Эти проблемы охватывают все области жизнедеятельности людей, но наиболее судьбоносно для человека и человечества в целом они проявляются в культуре. Общеизвестно, что культура – это совокупность социально-значимых материальных и, особенно, духовных ценностей, выполняющих регулятивно-нормативную функцию в жизни отдельного человека и общества в целом. А самое главное, культура – это та сфера, в которой происходит формирование и развитие человека как человека, как уникального субъекта. Отметим, что именно культура не позволяет ему переступить в себе грань человеческого и оказаться в плену животных инстинктов и поступков.

К сожалению, в современных условиях глобализация культуры в большей мере проявляется как американизация, так как усиливает свое господство массовая, коммерческая культура, которая преимущественно является американской. Американизация культуры приводит к появлению разнообразных глобальных «социокультурных гибридов», часто состоящих из несовместимых частей. При этом культура трансформируется, приобретая уродливые формы и проявления, теряется самобытность и уникальность национальных культур.

Но наиболее негативными и трагическими для человека и человечества последствиями современной глобализации культуры является то, что под её влиянием меняются представления людей о культуре, смещаются приоритеты в оценке культурных ценностей. Современные (понимай американские) массмедиа предлагают свои культурные ценности и модели поведения, создают определенные «культурные» потребности. В целях доступности эти ценности, модели и потребности единообразны, примитивны, аморфны. Они блокируют инициативу людей, собственную их оценку, собственное понимание того, что происходит вокруг них и в них самих. Отношение к культуре приобретает потребительско-развлекательный характер. Как следствие этого, культурная индустрия унифицирует образ жизни и мышления, подменяя личностное общенеопределённым. Конечно, каждый заменим, но индивид абсолютно заместимый другим, превращается в чистое ничто.

Усугубляет эту ситуацию доминирующая в современной культуре парадигма постмодернизма, которая активно релятивизирует общезначимые человеческие ценности, уравнивая истину и ложь, норму и патологию (отдавая при этом предпочтения последним членам данных оппозиционных пар).

Критическая оценка сложившейся ситуации показывает, что происходящие процессы в определённой степени деформируют сознание человека, усиливая в нём иррациональные импульсы (ранее подавляемые «репрессивной» культурой), активизируя фрейдовское подсознательное, не желающее знать, что такое антисоциальное и запретное. Убеждены, никто

не станет подвергать сомнению положение, что именно общезначимые ценности лежат в основании становления человека как уникального творения природы, его истории, придают им великий смысл. И поэтому жизнь без этих ценностей обессмысливает любые действия и достижения человека, она сама лишается смысла.

Как следствие этих негативных процессов, утрачивается понимание главного предназначения культуры – созидание духовного мира человека, который завершает его образ, приближая человека к идеалу. Пусть это и не тот высокий идеал, который требуют этические максималисты, и который, наверняка, существует в Раю и все же это некоторый идеал, на который можно равняться и от которого можно отклоняться. Духовность в человеке проявляется, прежде всего, в том, что человек не может нарушать моральные требования, ибо нарушив их, он не имеет право называться человеком. К этим моральным требованиям относятся веками созидаемые, передаваемые от поколения к поколению требования милосердия, сострадания, совести, чести, взаимопомощи, уважения достоинства другого, его свобод, прав, право называться человеком. И лишь только потому, что человечество в целом их никогда не утрачивало и делало их важнейшими ценностями своей культуры, оно сегодня пребывает на Земле.

Мы согласимся с мнением В.Л. Иноземцова, что «основной «бедой» современной глобализации является то, что ее главным действующим лицом оказалась страна, привыкшая использовать мир в своекорыстных целях и поэтому не способна по-настоящему заботиться о поступательной динамике его развития» [1, с. 66]. Более того, в замыслах главных «авторов» глобализации человек рассматривается ими лишь как средство для достижения своих целей (преимущественно экономических). И печально, но это нужно признать, что нерентабельные и неприспособленные к законам глобализации часто выбраковываются, освобождая место для тех, кто любыми средствами способен добиться экономического успеха, попирая любые традиционные моральные нормы и нравственные ценности. Не вызывает сомнений: неизбежно осуществится то, что такой выбор человека, правда, ему навязанный, приведет его в никуда.

Литература:

1. Иноземцов, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В.Л. Иноземцов // Вопросы философии. – 2004. – № 4.

ДИНАМИКА СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Д.Е. Прокудин, г. Санкт-Петербург, Россия

Развитие постиндустриального, информационного общества характеризуется постоянной интенсификацией процессов информатизации. При этом в процессы информатизации вовлекаются все пространства существования человека, все его социальные практики. В этих условиях тотальной информатизации социо-культурные изменения определяются вектором общественного развития, который задается в настоящее время именно тенденциями развитиями информационного общества. Базовым детерминативом этого развития, а, следовательно, и социо-культурных изменений выступают информационно-коммуникационные технологии.

Анализ истории развития информационно-коммуникационных технологий позволяет определить реперные точки основных социо-культурных изменений развивающегося постиндустриального, информационного общества. К основным из них можно отнести:

1) появление первых компьютеров во второй половине 40-х годов XX века привело к зарождению теории постиндустриального общества (Д. Белл, Й. Масуда, М. Маклюэн, Э. Тоффлер), в которой были намечены основные векторы изменений в экономике и социальной сфере, а в глобальном масштабе выявлены тенденции к формированию основных сфер информационных услуг;

2) смена элементной базы вычислительной техники на полупроводники в 50-е годы прошлого века стало отправной точкой в постепенной миниатюризации средств информационных технологий и появлению персонального компьютера;

3) появление в начале 80-х годов персонального компьютера привело к проникновению средств вычислительной техники в различные сферы профессиональной деятельности человека, а дальнейшее развитие его возможностей по обработке различных видов информации – к развитию информационных технологий, ставших основой информатизации различных видов деятельности человека (в том числе и в непрофессиональной деятельности);

4) развитие сетевых информационных технологий привело к появлению в начале 90-х годов и дальнейшему распространению всемирной глобальной сети Интернет, ставшей мощной основой процессов глобализации и выходу сферы человеческой коммуникации в виртуальное пространство (в это время входит в обиход устоявшийся на сегодня термин «информационно-коммуникационные технологии»);

5) выход на рынок программного обеспечения операционных систем для персональных компьютеров с графическим интерфейсом (прежде всего ОС MS Windows в 1995 году) дало начало процессам проникновения информационно-коммуникационных технологий в пространство повседневности – быт, досуг и т.д.;

6) тенденции развития информационно-коммуникационных технологий последнего десятилетия, связанные с появлением разнообразных микропроцессорных устройств (так называемые «гаджеты» - от ноутбуков до «умных часов») и возможностями мобильной связи и Интернета (сети Wi-Fi, 3G и т.п.), еще более привязывает человека к этим технологиям, превращая их в его антропологическое продолжение.

Исходя из нуклеарной концепции культуры социо-культурные изменения под воздействием процессов информатизации приводят к появлению новых культурных полей. Наполненные смыслом информационной эпохи эти поля все интенсивнее проникают через «защитный пояс», представляющий собой культурные и нравственные нормы, ценностные ориентиры в совокупности с их носителями – общностью людей ими объединенными. Это все более интенсивное проникновение вызывает изменения в «ядре» культуры, а «защитный пояс» при такой интенсивности уже не справляется со своей культур сберегающей функцией, что неминуемо ведет к процессам разрушения «ядра», при котором для поколений, родившихся и выросших в медиа насыщенной цифровой среде (так называемое «поколение Y») новые культурные поля замещают «ядро» культуры, что заключается в том, что:

- информационно-коммуникационные технологии обретают собственную ценностную сущность, вытесняя традиционные культурные ценности;
- цифровой медиа контент становится основой мировосприятия и аккультурации, являясь при этом воплощением клип-культуры;
- перевод культурного кода в цифровую форму ведет к замещению культуры реальной «культурной виртуальностью» в силу её доступности и тиражирования;
- сетевое общение в реальной жизни зачастую ведет к одиночеству и замкнутости, а также неспособности к живой вербальной коммуникации;
- в досуге компьютерные игры пришли на место коллективной игровой деятельности на свежем воздухе, занятиям спортом, духовного и интеллектуального развития и пр.

Необходимо также помнить и о двойном назначении информационно-коммуникационных технологий – как в военной сфере (сфере национальной безопасности, разведке и контрразведке), так и для гражданского использования. Эта двойная сущность оказывает мощное воздействие в гражданской сфере для достижения отнюдь не мирных задач: информационные войны в киберпространстве; формирование определенного культурного уровня; «социальная инженерия» и т.д. При этом определяющим является то, что через информационно-коммуникационные технологии, являющиеся порождением западной цивилизации, на глобальном уровне происходит агрессивная трансляция

западного (потребительского на обывательском уровне) образа жизни, ценностей западного общества (которые выдаются за «общечеловеческие ценности»), его социальных и идеологических установок (так называемая «демократия»).

Эти тенденции в совокупности с такими особенностями информационно-коммуникационных технологий как массовость, доступность и трансграничность ставят перед обществом актуальную задачу целенаправленного формирования информационной культуры как самого общества для выполнения им функции охраны «ядра» культуры и его гармоничного эволюционирования в соответствии с тенденциями развития информационного общества, так и человека этого общества для его социо-культурной адаптации к условиям информационной эпохи и передачи культурного кода.

УВАЖЕНИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ

Т.В. Прохорова, г. Барановичи, Беларусь

Процессы глобализации и интеграции, поликультурность, которая является следствием открытости границ развития современного общества, рассматриваются как основополагающие условия развития образования. Исходя из них современная образовательная система получает заказ на личность, способную к эффективному взаимопониманию и взаимодействию с представителями других культур. Среди качеств поликультурной личности выделяются уважение и толерантность. В данной статье мы выявляем как соотносятся между собой эти два понятия.

Запрос на такое качество личности как «толерантность» находит свое отражение в постановке следующих задач: «Коммуникативная толерантность», «Общая толерантность», «Терпимость к праву на культурную самобытность».

Компонент «Уважение» объединяет такие трактовки этого качества как «Демонстрация уважения к другому», «Уважение к иным культурно-этническим общностям», «Демонстрация расположения к другому», «Уважение к истории и культуре другого народа», «Уважение к различиям в нравственных ценностях у разных народов».

На наш взгляд, суть двух понятий «толерантность» и «уважение» близка, то есть внутренне состояние и внешнее проявление данных чувств одинакова. Отличается лишь полярность объекта/предмета по отношению к которому проявляется это чувство.

Так, *уважение* – чувство, почтительное отношение, основанное на признании чьих-либо достоинств, заслуг, качеств [2, 4, 5].

Понятия «толерантность», «толерантный» в «Словаре русского языка» 1984 под редакцией А.П. Евгеньевой нет. Как нет его и в «Словаре

русского языка» С.И. Ожегова 2003 г. Более позднее появление понятия «толерантность» показывает на то, что необходимость выделения такого личностного качества появилась сравнительно недавно. Возможно, из-за пренебрежительного отношения представителей разных социокультурных общностей друг к другу в отдельных ситуациях.

Толерантность – терпимость к чужим взглядам, верованиям, образу жизни и т. п.; в ситуации нынешнего религиозного плюрализма: уважение и терпимое отношение одних общин к религиозным взглядам других (на уровне политики государства) [1]. В такой трактовке толерантность – это определенная спецификация понятия «уважение», его уточнение по отношению к ситуации плюрализма в связи с изменяющимися обстоятельствами социокультурной ситуации в отдельных странах и во всем мире в целом.

Если же толерантность рассматривается как уважение, то в чем же разница между ними, зачем параллельное существование этих двух терминов? Из определения видим, что понятие толерантность изначально подразумевает уважение к чему-то отличному, вызывающему изначально настороженное, а то и негативное отношение. То есть *уважение* – почтительное отношение / чувство основанное на признании достоинств (за что-то), *толерантность* – почтительное отношение не смотря на недостатки (не смотря на что-то). То есть уважение и толерантность – суть одного эмоционального состояния, но направленного на ценностно разные явления. Так же как существует выражение «Любят не за что-то, а не смотря ни на что», но в обоих случаях чувство это называют любовью.

Понятие «толерантность» появилось в связи с поликультурным миром и говорит о том, что несмотря на отличие другой культуры необходимо относиться к ней уважительно. При наиболее простом разграничении пространства культуры своя культура рассматривается как внутреннее, а другая культура – как внешнее. Внутреннее (свой народ, род, племя) видится как «просвященные», «культура», «интеллигенция», «космос», в то время как внешне (чужие народы, роды, племена) видятся как «профаны», «варварство», «народ», «хаос» [3]. То есть, толерантность подразумевает терпимость к «профанам» и «хаосу».

Анализ вышеизложенного позволяет заключить, что сам по себе термин толерантность в содержании своем имеет негативный объект и если мы будем ее воспитывать по отношению к другой культуре, то мы изначально закладываем в понятие другой культуры негативный аспект/видение. Но, на наш взгляд, необходимо рассматривать толерантность не как терпимость к негативному, а как умение найти положительное в том же феномене. Так, ярким примером может послужить ношение женщиной хиджаба. Представители немусульманского мира могут сказать, что это «негуманно» и

«недемократично» по отношению к женщине. В то время, как сами женщины Востока говорят о том, что им жаль женщин Запада, которым приходится так изголяться в прямом и переносном смысле для того, чтобы привлечь мужчину. То же самое можно сказать и о браках по семейной договоренности. С одной стороны, может быть жаль тех, кто вступает в брак «не по любви». Но, с другой стороны, это может обеспечить большую стабильность заключенного брака по сравнению с «браком по любви». Примеры можно приводить бесконечно. Суть заключается в том, что какой бы не была культура, она представляет собой способ выживания в той геополитической обстановке, в которой она складывалась столетиями. И если смотреть на те или иные культурные особенности, как особые механизмы социального существования/выживания, их можно оценивать только с положительной стороны. И, соответственно, относиться к ним с уважением.

Таким образом, уважение проявляется к отдельным личностным качествам, а толерантность это также уважение, но уже к праву на отличающиеся качества, к праву на инаковость. Толерантность, же в такой ситуации будет вербализоваться как «я признаю их законное право на такой (отличный от моего) способ жизни и поэтому уважаю их выбор».

Уважение и толерантность – это почтительное отношение, но к разным объектам. Соответственно, воспитание толерантности возможно только в том случае если человек способен уважать. И если поликультурное образование в целом призвано воспитать понимание всех культур как равных; толерантность, в таком случае, понимается как терпимость к отличающимся, однако равноценным качествам. В таком случае толерантность можно рассматривать не только как результат, внешне выраженный в терпимом отношении, но как умение найти положительное и признать равенство, требующее разработки определенного алгоритма по формированию этого умения.

Литература:

1. Азаров, А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики (к версии ABBYY Lingvo x3) / А.А. Азаров. – © «РУССО», 2002.

2. Коджаспирова, Г.М. Словарь по педагогике / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – М.: ИКЦ «Март»; Ростов н/Д: издательский центр «Март», 2003.

3. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 2 т. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. / Ю.М. Лотман. – Таллин: «Александра», 1992.

4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под общ.ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд. испр. – М.: «ОНИКС 21 век» : «Мир и Образование», 2003.

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 4: С-Я. – 1984.

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ И СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК ПРИОРИТЕТ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М.Ф. Пухальская, г. Минск, Беларусь

Развитие информационных ресурсов, информационная среда и информационное общество ставят соответствующие требования к формированию личности. В данном контексте примерная ***модель «идеального выпускника»*** может выглядеть следующим образом:

- наличие активной жизненной позиции;
- присутствие созидательной ценностной направленности;
- стремление к личностному росту (проявление волевых качеств, способность к выбору в пользу роста, умение принять решение, способность к саморазвитию);
- умение эффективно взаимодействовать с людьми и пр. (на осн. ист. [1]).

Как видим, нравственная составляющая не уходит, а приобретает немного иную окраску. В русле сказанного формирование нравственной культуры личности, процесс нравственного воспитания имеет свою специфику. Белорусский ученый Лаптенок А.С. ставит вопрос: «Как связать высокие идеи нравственного воспитания, формирование нравственной культуры личности с эпохой информатизации? На сегодняшний день для молодого человека доступна любая информация через средства Интернет-сети» [3, с. 56]. Обращаясь к высказыванию Капитоновой Л.Н., можно ответить на этот вопрос следующим образом: «Новая информационная образовательная среда, существенным образом отличается от традиционной среды. Представления учащихся о жизни, а так же их способы мышления и смысловые ориентиры во многом не сходятся с жизненным опытом и установками взрослых. И нет смысла давать оценки этому процессу, нужно учиться управлять этим процессом, используя новые возможности» [1].

Мир ценностей современного подростка, юноши и девушки сложен: с одной стороны мир высоких принципов, а с другой стороны зависимость самочувствия от тех материальных вещей и веяний моды современности. Поэтому целесообразно воспитывать у детей данного возраста вкус и ориентацию в мире ценностей, формировать приоритет духовных и эмоциональных ценностей над материальными ценностями, формировать правильное отношение к материальным вещам и предметам. К ним относятся и компьютер, и телевизор и видео- и аудиоаппаратура,

современные мобильные телефоны и различные виды доступа к Интернет-сети.

В русле сказанного мы выделили несколько направлений нравственного воспитания старших подростков и учащихся юношеского возраста в условиях информационного общества.

Первым направлением нравственного воспитания в информационном обществе, особенно учащихся подросткового и юношеского возраста, является ***формирование отношения к любым материальным ценностям не как к цели достижения результата, а как к средству достижения цели.***

Вторым направлением нравственного воспитания в потоке информатизации и интенсивного информационного общества, ***является рассмотрение информационной культуры личности как средство саморазвития.*** В данном контексте особой тактикой педагога в организации нравственного воспитания является использование потенциала учащихся (их знаний, умений и навыков) в области информационной культуры. Такой подход предполагает реализацию одного из необходимых условий при осуществлении процесса воспитания по формированию нравственности подростков и старшеклассников -- наряду с высоким уровнем нравственной культуры самого учителя овладение учителем и информационной культурой, знаниями и умениями в области компьютерной грамотности. Очень важным моментом является формирование умения у детей сортировать информацию, отбирать созидательную и откидывать второстепенную.

Российские ученые актуализируют такое понятие как «нравственное закаливание», которое использовал еще Каптеров П.Ф. [2, с. 147-162]. Нравственное закаливание понимается нами как своеобразный нравственно-духовный иммунитет, не позволяющий затеряться в потоке информации. В целях этого следует отдать предпочтение формированию у молодежи духовности как стремлению к высшему, идеальному, именно духовность и будет тем стержнем личности, которая поможет растущему человеку ориентироваться в инфопространстве. Поэтому ***третьим направлением*** нравственного воспитания молодежи ***является высокий уровень духовно-нравственной личности.***

Следующим важным моментом нравственного воспитания молодежи в разрезе информатизации общества, ***четвертым, является культура общения.*** Культура общения необходима старшеклассникам и подросткам для межличностного общения среди сверстников, для формирования благоприятной атмосферы в классе, создания эмоционального благоприятного климата в коллективе, а также для общения в инфопростанстве (на форумах, на сайтах, в медиапереписках и пр.). Затрагивая вопросы медиапереписки, а также вопросы разнополого и

межличностного общения, необходимо сказать и о речевом этикете и этикете переписки.

Таким образом, приоритеты нравственного воспитания учащихся старшего подросткового и юношеского возраста в пространстве информатизации будут иметь свои особенности и характеристики. В связи с чем, выстраиваются определенные направления нравственного воспитания с учетом специфики информационного общества. *Одновременно напрашивается вывод о формировании нравственной культуры личности как одного из приоритетов его становления и развития.*

Литература:

1. Капитонова, Л.Н. / Л.Н. Капитонова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nsportal.ru/blog/nachalnaya-shkola/ispolzovanie-kompyuternykh-ekhnologii-v-vospitatelnom-protsesse.

2. Каптерев, П.Ф. Избранные педагогические сочинения / П.Ф. Каптерев. – М.: Педагогика, 1982.

3. Лаптенок, А.С. Подготовка старшеклассников к жизни в поликультурном мире / А.С. Лаптенок, Е.И. Луговцова, А.А. Павильч. – Минск: НИО, 2012.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК»

А.С. Ракович, г. Минск, Беларусь

В наше сложное время человечество постоянно испытывает на себе влияние различного рода негативных факторов. Это порождает кризисные, критические ситуации, которые характеризуются как ситуации риска, отличающиеся по степени проявления и воздействия на людей. В настоящее время количество угроз, способных прямо или косвенно воздействовать на здоровье, благосостояние людей и деятельность специалистов, резко возросло, что обусловило появление людей групп риска, которые в силу сложившихся обстоятельств, своего социального и служебного положения, образа жизни подвержены негативным воздействиям и вынуждены действовать в затрудненных условиях.

Данные обстоятельства позволяют констатировать необходимость структурного анализа социального риска относительно общества в целом, а также отдельных групп населения, проявляющих черты общего состояния социума для дальнейшего поиска адекватных методов адаптации людей, находящихся в затрудненных условиях. Такой анализ, по нашему мнению, будет наиболее объективен на стыке социологии и философии, как базовых, интегрирующих наук, изучающих вопросы общественного развития и функционирования, и позволяющих выявить особенности социальной деятельности в ситуации риска, а также

акмеологии, изучающей становление способности зрелой личности действовать в меняющихся и неопределенных условиях.

Степень разработанности проблемы риска характеризуется весьма ограниченным числом фундаментальных исследований. В числе авторов, занимающихся изучением феномена риска с социологической, философской и акмеологической точек зрения можно назвать Альгина А.П., Гринберга М.С., Братусь М.Н. Зубкова В.И., Никитина С.М., Москалева Ю.И., Павлову В.В., Феофанова К.Л., Деркача А.А., Зазыкина В.Г., Корчемного П.А., Перминову И.В., Селезнева В.Н. Зарубежные исследования представлены работами Д. ван дер Верфа, Валлаха М., Картрайта Д., Кристенсона Д., Лумана Н., Ронге Ф., А. Стоунера, и др.

Понятие «риск» в словаре В.И. Даля рассматривается путем анализа глагола «рисковать» [1]. В данной трактовке первое значение термина характеризует активное, сознательное действие человека с надеждой на удачу в условиях неопределенности итога действий. При этом отмечаются волевые качества личности. Вторая трактовка учитывает неблагополучный исход событий при той же акцентуации внимания на качествах личности – отвага, смелость, решительность, предприимчивость.

В словаре – справочнике по социальной работе риск трактуется как «деятельность человека, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность качественно и количественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи, поражения, выигрыша, попадания в цель и отклонения от цели» [2].

Для достоверности исследования и определения структуры риска следует также дифференцировать некоторые основные понятия. Так, в обыденном сознании категории *риск, опасность* и *кризис* являют собой тождество. Однако в науке принято считать, что «кризис может трактоваться как результат воздействия многих рисков (опасностей), равно как и пренебрежение ими, но кризис как состояние общества не раскрывает механизмов производства рисков» [5]. Опасность же является, с одной стороны, составляющей риска и может быть осознаваемой и неосознаваемой, учитываемой или нет, с другой – она представляет собой воздействие негативных факторов, причины которых находятся вовне, например, природные стихийные бедствия [4].

Согласно некоторым источникам [2], явление риска включает в себя опасения неудачи, опасность, вероятность ошибки, надежды на благоприятный исход и ситуацию выбора альтернатив. Все эти элементы обусловливают и составляют *ситуацию риска,* которая трактуется «как единство обстоятельств и индивидуально – групповых предпочтений, связанных с некоторыми критериями оценки или методами, на основе которых принимается альтернативное решение» [3, с.81 - 84.]. Данная

категория носит субъективный характер, так как, во – первых, каждый человек имеет свои представления о степени рискованности и в зависимости от этого осуществляет свою деятельность или бездействует, а во – вторых, ситуация риска выступает в тесной взаимосвязи с ситуацией неопределенности, уровень которой также трудно констатировать.

Вышесказанное позволяет полагать, что ситуация риска имеет структурный характер, рассмотрение которого поможет определить причины, механизмы и необходимость защиты объектов риска. При этом под *объектами риска* мы будем рассматривать индивидов, социальные группы, которые подвергаются воздействию принятых решений субъектами риска [4]. А так как эти же влияния могут испытывать на себе и те, кто принимает решения, то субъекты риска могут являться одновременно его объектами. Подтверждением служит современная социально – экономическая ситуация в стране, когда явно ощущается потребность в поиске и реализации защитных или адаптивных механизмов для многих категорий граждан, ставших объектами риска зачастую – в результате деятельности, которую осуществляют сами.

Помимо деятельности человека, ситуация риска предполагает условия, которые отрицательно влияют на жизненные возможности людей. В таких условиях проявляется способность или неспособность человека противостоять негативным влияниям и определит его социальную уязвимость склонность к риску. Этому способствует еще один структурный элемент ситуации риска – *факторы риска.*

Анализ риска предполагает включение такого важного элемента как *оценка риска,* которая является основанием для определения его обоснованности, осознанности, меры, обусловливающих выбор вариантов действий и форм защиты в ситуации риска. «Оценка объясняет, что происходит, что может произойти и что произойдет, если ничего не делается» [4].

Таким образом, мы подошли к необходимости определения и конкретизации понятия «социальный риск». Так, одни авторы считают необходимым конкретизировать характер ситуаций и определение видов деятельности, в которых проявляется социальный риск, указывая, что данный вид риска проявляется в ситуациях, которые носят социальный характер, т.е. те, которые не являются следствием причин, обусловленных биологической природой человека, игровыми ситуациями (азартные игры и т.д.) или природными процессами. В других источниках за основу берется следующее определение социального риска: «учет и регулирование социальных факторов и последствий, которые нежелательны, социально неприемлемы, угрожают жизни и здоровью людей» [2].

Отмечая, что понятие «риск» в широком значении содержит в себе структурные элементы, которые повторяются в категории «риск социальный» и учитывая, что человек является субъектом риска, под *социальным риском* следует понимать деятельность человека или отказ от нее в ситуации риска (выбора, неопределенности (которые присущи любой сфере жизнедеятельности), требующая от него оценки собственных действий, выработки необходимых социальных качеств, а также учет и регулирование воздействия социальных факторов, при воздействии которых сохраняется вероятность негативного воздействия на жизнедеятельность людей, последствия которых могут негативно повлиять на жизнь и здоровье людей.

В акмеологии риски рассматриваются как экстремальные условия деятельности, которые сопряжены с постоянным действием различных чрезвычайных по сложности факторов, в том числе представляющих социальную опасность [6]. У субъекта деятельности в условиях риска возникают негативные функциональные состояния типа динамического рассогласования (стресс, монотония, сильное утомление и пр.), отрицательно сказывающиеся на регуляции деятельности. Работа в таких условиях осуществляется с постоянным подключением функциональных резервных возможностей компенсаторного типа и внутренних резервов организма и требует восстановления [7].

Среди экстремальных условий деятельности в акмеологии различают *особые* (в них деятельность сопряжена с эпизодическим действием несильно выраженных экстремальных факторов) и *сверх экстремальные* (в них экстремальные факторы представляют для деятельности реальную опасность).

Экстремальные факторы действуют как возмущения и представляют собой: сильные физико – химические воздействия; неопределенность или неполнота информации и условиях ответственной деятельности; конфликты; ситуации риска; ситуацию высокой ответственности за принятое решение

Факторы риска в акмеологии провоцируют развитие негативных функциональных состояний, которые дезорганизуют деятельность, разрушая регулирующую роль «образа – цели», снижая уровень прогнозирования, затрудняя процессы принятия решений и их реализацию.

Таким образом, проанализировав категорию социального риска с социологической и акмеологической точек зрения, можно выделить некоторые общие позиции: риск представляет собой постоянный и неустранимый компонент любой человеческой деятельности, как созидательной, так и разрушительной, что требует адаптации человека к рискогенной среде. Категория «риск» имеет структурный характер и включает в себя ситуацию риска; оценку риска, степень ее осознанности

субъектов риска; факторы риска; ситуацию выбора; границы риска и зону риска. Основным путем повышения эффективности и надежности деятельности в условиях рисков является формирование функциональных резервных возможностей компенсаторного типа (дополнительные знания, умения и навыки, включаемые в деятельность при появлении экстремальных факторов), а так же развитие у субъекта труда общих и специальных акмеологических инвариант профессионализма.

Литература:

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1995.

2. Социальная работа: словарь – справочник / Под.ред. В.И.Филоненко. – М.: Контур, 1998.

3. Павлова, В.В. Социальный риск в агросфере / В.В. Павлова // Социс – 1993. – №10.

4. Зубков, В.И. Риск как предмет социологического анализа. / В.И. Зубков // Социс – 1994. – №4. Яницкий, О.Н. Экологическая социология как риск – рефлексия / О.Н. Яницкий // Социс – 1999. – №6.

5. Акмеологический словарь. Издание второе. / Под общ. ред. А 40 А.А. Деркача. – М.: Изд – во РАГС, 2008.

6. Деркач, А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. / А.А. Деркач. – М.: РАГС, 2000.

АКСИОЛОГИЯ И НЕОАКСИОЛОГИЯ

В.А. Салеев, г. Минск, Беларусь

Аксиология латентно коренилась в сознании человека с древнейших времен.

Человек, познавая реальный мир, определяет свое отношение к явлениям, которые его составляют, выявляет значимость этих явлений для своей жизнедеятельности, и, соответственным образом оценивает.

Первобытный человек реагировал на события эмоционально, слитно-целостно. Синкретизм, как отмечают все исследователи первобытного мира, наиболее типичная черта первобытного мышления.

По мере развития человеческого общества целостность человеческого отношения к миру исчезает. Ценностные структуры дифференцируются, появляются и закрепляются в качестве самостоятельных. Ценности, по широкой шкале характеризующие весь мир жизнедеятельности человека: витальные, материальные и духовные, нравственные, религиозные, познавательные, эстетические.

По мере ускорения поступательного движения цивилизации ценностно-оценочные связи людей с миром все усложняются; происходит отбор ценностей, общество оказывается заинтересованным в сохранении и трансляции определенного рода ценностей, в адекватной оценке.

Вырастают, трансформируются, изменяются и вновь конструируются целые иерархические системы витальных, социальных, материальных и духовных ценностей, считающихся приоритетными для определенных социумов, социальных групп и отдельных человеческих индивидов.

Весь огромный, связанный с многосложностью человеческого бытия круг ценностно-оценочных связей довольно поздно нашел отражение в философской рефлексии. Лишь в 60х-70х годах XIX века, благодаря работам Р.Г.Лотце (который считается отцом аксиологии), аксиологическая проблематика выделилась в специальную область философии; отечественная аксиология утвердилась сто лет спустя (начиная с 60х годов XX века) усилиями ленинградской школы – В.Тугаринов, М.Каган, Г.Выжлецов, близкий к ней Л.Столович и др., тбилисской школы – Н.Чавчавадзе, О.Бакурадзе, Г.Бандзеладзе, В.Квачахия и др., московской – Ю.Борев, О.Дробницкий, М.Киссель (включая небольшую школу аксиологии в МГУ, к которой кроме С.Анисимова можно отнести А.Гайжутиса и автора этих строк).

Аксиология – это философское учение о ценностях, преимущественно о теории ценностей. Такова классическая трактовка этой специфической области философского знания.

Такая постановка проблемы представляется логичной, если в качестве основополагающего ядра выступает ценностное отношение. В определении последнего лидер ленинградской школы В.Тугаринов делал акцент на объектном характере как самих явлений, так и их свойств, равнозачисляемых в разряд ценностей (Тугаринов В.П., М., 1968). Указанная интерпретация ценностного отношения в модифицированном виде предстает и в аксиологической доктрине М.С.Кагана, в которой ценностное отношение между оценивающим субъектом и объектом-носителем ценности строится на ценности и соответствующим ей ценностном осмыслении и ценностной оценкой (Каган М.С., СПб, 1997). Однако, с 60х годов XX века существовала и иная точка зрения на природу ценности, представленная рядом грузинских философов. В их постулатах ценность рассматривалась как результат оценочного процесса, представляла собой «социально сложившиеся общественные формы оценки и удовлетворения» (Квачахия В.М., Тбилиси, 1968).

В воззрениях ряда польских философов также обосновывалась относительная автономность оценки, поскольку она не всегда является откликом на ценность, но может, по утверждению П.Граффа «…основываться на чем-то внутреннем по отношению к тому, что оценивается, а именно на более общем критерии» (Studia Filozoficzne, 1967, №4).

В нашей работе более чем 30-летней давности предпринята попытка дифференцировать ценностное и оценочное отношение (Салеев В.А., М.,

1972); при всей их близости они сохраняют, по мнению автора, и известное различие, обладая и определенной специфичностью. В 90е годы автор, развивая эти идеи, постулирует новое, более объемное понимание термина «аксиология». В новом, «неоаксиологическом» смысле термин включает в себя не только теоретико-ценностный, но и практико-ориентированный оценочный подход (Салеев В.А., М., 1991). Ныне, после утверждения концепции неоаксиологии на ряде международных философско-эстетических форумов (Минск – 2006, 2009, 2010; Москва – 2006, 2010; Vilnius – 2011, Санкт-Петербург -2013, Krakow - 2013) представляется возможным кратко сформулировать сущность неоаксиологического подхода, равно как и его отличие от методологии, основанной на «классически» понимаемой аксиологии. В последней, как уже отмечалось, аксиологическая ситуация строится на ценностном отношении; оценка является ответом на ценность.

В неоаксиологическом измерении на авансцену выдвигаются ценностно-оценочные связи, которые заполняют собой аксиологическое поле. Полюса последнего состоят из двух основополагающих структур: ценности, вернее, объектной структуры, которая выступает в качестве носителя ценности, и оценки, вернее, человека (субъекта)-носителя оценки.

В реалиях функционирования аксиологического поля значительную роль играет и «аксиологическое притяжение», которое в каждом конкретном случае определяет доминантную роль либо объектно-ценностного либо субъектно-оценивающего начал.

Поскольку культура являет собой «мир воплощенных ценностей» (Чавчавадзе Н.З., Тбилиси, 1984), а ценностно-оценочные отношения необходимо присутствуют в культуре, обуславливая высшие смыслы, которые несет с собой, неоаксиология может оказаться новым и действенным средством исследования различных форм и пластов культуры, адекватным образом выявляя их специфику, глубину и роль культуротворческой деятельности человека.

ЦЕННОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ БЕНЕДЕТТО КРОЧЕ

М.В. Салеева, г. Минск, Беларусь

Бенедетто Кроче, итальянский философ, эстетик и культурный деятель, жил и творил в Италии в первой половине XX века. Не только для Италии, но и для всего мира, это эпоха смены парадигм и мировоззрений, борьбы устаревших исторических концепций и новых, часто имеющих тоталитарную направленность. В классификации Кроче эти новые течения получили название «антиисторицизм», в них новая политическая и социальная активность строится на абсолютизации практической

деятельности, приводящей к злоупотреблениям и разрушению духовной целостности индивида.

Отрицать историцизм для Кроче означало не признавать структуры реальности, которая была для него «прогрессом» по определению. Прогресс виделся философу как обогащение ценностей [1, p. 330].

Дискуссия разворачивалась среди интеллектуалов и Кроче был самым активным ее участником на европейском пространстве во времена войн. Именно тогда он разработал и апробировал критерии различий исторических и универсальных ценностей, рассуждал о гражданском долге и его моральной составляющей. По мнению философа, патриотический долг не может вступать в противоречие с универсальными моральными ценностями, потому что понятие «патриотизма» исходит из душевных привязанностей граждан и подкрепляется уважением чувства собственного достоинства других.

Свою приверженность гуманистическим идеалам Кроче подтвердил в выступлении на Международном философском Конгрессе в Оксфорде в 1930: «Для нас, философов и историков, историцизм, что означает цивилизация и культура, это ценность, которую нам доверили, и которую мы обязаны защищать, хранить и распространять. Историцизм – узел, связывающий прошлое с настоящим, гарантия истинности нового…» [2, p. 243].

Характеризуя современную ему молодежь, увлеченную идеей «осудить и преодолеть», прежде, чем изучить, Кроче говорил об опасной ситуации «полного отрыва от культурной традиции, попустительства дисциплины в исследованиях и ужасной иррациональности, которая, кажется, извергается из адских пучин и неостановимо распространяется повсеместно» [3, p. 138.].

Последующее развитие идей Кроче связано с обоснованием существования новой категории крочеанской философии – «витальности» (жизненности). К этому времени крочеанская доктрина философии Духа (которую он предпочитал именовать «абсолютным спиритуализмом») с интенцией на рассмотрение Истории как венчающего духовного начала всей системы, не только полностью сложилась, но и стала испытывать определенные кризисные состояния. В «Истории как мышлении и действии», упоминается иррационализм в истории, утверждается необходимость паритета между «познанием и действием», ставится проблема более точного определения праксиса. Так появляется понятие витальности. Оно возникает из трансформации понятийной системы «полезного», на которой строилась экономическая форма Практического Духа (из классической схемы крочеанской системы категорий).

Однако трактовка Б.Кроче витальности связана с ее преимущественным пониманием как известного концентрата анти-

ценности. Rруг эстетических, интеллектуальных, экономических и нравственных ценностей, который, по Б.Кроче, обуславливает человеческое существование, наталкивается в своем развитии на определенный круг «противоценностей» (Unwerte) [4, с. 198.].

Витальность представляет из себя реальность «низшего» порядка, она, по мысли Б.Кроче, противостоит цивилизации и нравственности, но является той необходимой «жизненной материей», без которой не может развернуться жизнь Духа, само наполнение жизни «…Суть истории витального как реальности, названной низшей или природной, …и истории человеческого рода: проявление витальности, которая возникает и распространяется, порывистая, подчиняя другие жизни и занимая их место, или которая интригует хитростью и обеспечивает себя средствами наслаждения благодаря промышленности или обмену и т.п. Витальность не есть цивилизация и нравственность, но без нее цивилизации и нравственности не хватило бы необходимой предпосылки жизненной материи, которой нужно придать форму и руководить морально и цивилизованно; так что этико-политической истории недоставало бы своего собственного объекта. И витальность со своими потребностями имеет свои основания, которых моральное основание не знает» [5, с. 151].

Понятие свободы видится философу ключевым в диалектике добра и зла, одновременно формой и субъектом истории. «Свобода, – пишет он в труде «История как мышление и как действие», – это объяснение хода исторических событий с одной стороны, и моральный идеал человечества с другой» [5, 54].

Эта практическая способность свободы, и одновременно сложность «философии духа» проходят проверку в тот момент, когда полярность витальных и моральных сил достигает максимума напряжения. Экономико-полезное или витальное, как начинает называть его Кроче, проявляется во всей своей силе и начинает угрожать единству духа. Даже если витальность, укрощенная и управляемая, дает силу неким формам, без нее не существовавшим, таким как импульс к мгновенному удовольствию, наивному эгоизму, она все же остается злом.

Поскольку, в основе экономической составляющей системы Духа, лежала такая человеческая способность как желание, то к сфере витальности можно, следуя мысли Б.Кроче, отнести концентрат конкретных, прагматичных желаний, низших, относительно этической сферы.

На наш взгляд, Бенедетто Кроче своей концепцией витальности (жизненности) гениально предугадал появление общества «массового потребления», общество «рыночной ориентации» (по определению Э.Фромма). Можно перечислить многие тома философской литературы, авторы которых анализируют положение человека как производителя и

потребителя, и существование человека в системе спроса и предложения. Важна закономерность – полезность = качество, в которое безусловно верил Б.Кроче (как одно из составляющих позитивного развития), в обществе потребления теряет свою позитивность. Полезная ценность может в реалиях рынка превратиться в свою противоположность; еще более усложняется, в этом плане, позиция человека, выступающего, по большей части, объектом (вопреки известному положению И.Канта, что человек никогда не должен выступать как средство, а только в качестве цели) рыночных отношений.

В движении жизни послевоенной Европы Б.Кроче уловил, первоначально на интуитивном уровне, внедрение вируса потребительства, который оказался в состоянии существенно изменить отношение между экономической и нравственной сферой человеческого существования.

Конечно, в последние годы своей жизни Кроче был охвачен идеей привести свою систему в гармонию; именно этим и вызвано новое обращение к Гегелю и пытается выстроить новую диалектику: «зло побеждается высшими категориями, которые, однако, не лишают его силы, но переводят из в силы добра» [6, p. 44.].

В конце жизни, в 1951 году он сокрушается, что ему не удалось изложить свои мысли в «обширном, последовательно изложенном труде».

Попытка последнего диалога с Гегелем была трагична по своему содержанию; категория витальности так и осталось до конца необъясненной, предназначенной только для «проницательного» читателя, который был бы в состоянии продолжить направление, указанное мыслителем.

Однако вывод пожилого философа о том, что в период кризисов и перемен витальные силы начинают доминировать, подчиняя себе нравственность (вывод, так подтвержденный всей практикой человеческого бытия во второй половине XX века), делает честь мыслителю.

Литература:

1. Cingari, S. Benedetto Croce e la crisi della civiltà europea / S. Cingari. – T. 1.

2. Croce, B. Antistoricismo, in Ultimi saggi, a cura di M. Pontesilli / B. Croce. – Napoli, 2011.

3. Croce, B. Nuove pagine sparse / B. Croce. – Serie I, Bari, 1949.

4. Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина / Л.Столович. – М.: Республика, 1994.

5. Croce, B. La storia come pensiero e come azione, a cura di M. Conforti / B. Croce. 2002.

6. Croce, B. Hegel e l'origine della dialettica, in Indagini su Hegel e schiarimenti filosofici, a cura di A. Savorelli / B.Croce. – Napoli 1998.

МОЛЧАНИЕ О МОРАЛИ

А.С. Свирид, г. Минск, Беларусь

В контексте трансформирующейся социальной реальности происходит изменение понимания роли морали, функционирование которой сегодня определяется не столько личным выбором индивида, сколько системами общественного устройства. В целом, мораль институциализируется, приобретает прикладной характер, что предполагает переинтерпретацию теоретического базы этического знания и выработку новых подходов к обоснованию значимости и эффективности принципов этики в условиях современности. Гусейнов А. А. утверждает, что “современное сложноорганизованное, деперсонализированное общество характеризуется тем, что совокупность профессионально-деловых качеств индивидов, определяющих их поведение в качестве социальных единиц, мало зависит от их личностных моральных добродетелей. В своем общественном поведении человек выступает носителем функций и ролей, которые ему задаются извне, самой логикой систем, в которые он включен” [2].

Межличностные отношения всегда строились согласно определенному набору моральных оснований, принятых в данном обществе, однако их излишняя нормативность привела к парадоксальному несоответствию моральных предписаний ожиданиям индивидов. Императивный характер этических утверждений сделал их сложными для понимания и применения в повседневной жизни. Но еще больший урон моральные основания понесли в результате их замены на идеологии, уставы, постановления. В результате человек привык жить “без морали” или, как считает Р. Г. Апресян “человек согласен лишь молчать о морали, ибо рассуждение о ней в любом случае представляется фальшивым, неприличным, безнравственным” [1].

Разработка новых векторов развития этики осуществляется с четкой ориентацией на потребности современного общества. В результате, прикладной характер этического знания становится приоритетным критерием функциональной эффективности этического знания, в соответствии с которым реорганизуется и вся система теоретических разработок принципов морали.

Этическое знание, обретая новый образ, ориентируется на разработку проблем, непосредственно касающихся практической жизни человека. “Это происходит тогда, когда этика выходит на улицы, когда этические понятия и принципы становятся лозунгами митингующих, написанных на транспарантах демонстраций, акций протеста, массовых движений. Словом, только тогда, когда этика обращается к волнующим людей проблемам, часто и новым, незнакомым для нее, она оживает,

превращается из мертвой науки в плоть и кровь живой жизни. Этот феномен оказался характерной чертой этики в полной мере именно в конце XX века" [3].

Прикладная этика – это особая область этического знания, предметом которой является конкретная морально-практическая сфера человеческого существования. Специфика и новизна прикладной этики заключается в ее сосредоточенности на ситуациях, а не на теориях, на практических результатах, а не на морально-теоретических дебатах, на обосновании важности социального измерения морали.

Моральные дилеммы, возникающие в различных сферах человеческой действительности, выражают потребность современного общества в идентификации нравственно правильного пути развития. Моральное обоснование, а иногда и оправдание, видится единственно возможным критерием правомерности для большинства современных практик: политики, генной инженерии, ядерной физики и других. Проблемы, разрабатываемые в области прикладной этики, характеризуются принципом универсальности, поскольку решения, полученные в ходе их анализа, могут быть применимы к широкому спектру областей человеческой деятельности.

Масштабность приложения и практического использования этического знания в решении социальных проблем действительно велика. Проблемное поле прикладной этики имеет на современном этапе развития размытые границы, что объясняется невозможностью точно определить все возможные ситуации, касающиеся проблем ценности человеческой жизни и требующие согласования с нормами морали. Анализ современной западной литературы по прикладной этике выявляет сложный, плюралистичный характер исследований в данной области знания, свидетельствующий о появлении принципиально нового образа этики. Теоретические знания классической этики не просто применяются для решения практических задач, они трансформируются и адаптируются к потребностям современного социума, дополняются разработками специализированных моральных принципов и норм поведения.

Приоритетное положение прикладных исследований способствует развитию нового понимания категорий классической этики, применительно к реальным условиям современного социума. По новому ставятся и решаются вопросы, возникшие еще в античности: смысл жизни, проблема смерти и другие. Также активно формулируются и рассматриваются принципиально новые вопросы, характерные для настоящего времени и непосредственно касающиеся будущего развития человечества: проблема абортов, проблема защиты окружающей среды, проблема глобального потепления, защита прав живой природы, клонирование и другие.

Каждый из вопросов прикладной этики инициирован возникновением реальной социальной ситуации, требующей морального обоснования. Сложность современных моральных дилемм состоит в наличии взаимоисключающих решений, каждое из которых обосновывается обращением к идентичным фундаментальным принципам морали: право на жизнь, милосердие, справедливость, сострадание и т.д. Кохен и Уеллман считают, что приоритет в рамках прикладной этики должен отдаваться вопросам “непосредственно касающихся всех и каждого в отдельности” [4].

Практическая реализация моральных норм возможна через трансформацию морального сознания и установление приоритетного положения категории морального долга. “Увидев тонущую девочку, спросите себя: готовы ли вы морально прыгнуть в воду и спасти ребенка? Ваше ли это дело, если ребенок не ваш и вы не испытываете к нему никаких чувств?” [4] Наверняка, большинство из нас ответит положительно и, невзирая на обстоятельства и риск, предпримет попытку спасти тонущего. Уеллман считает, что каждый человек обладает моральным долгом оказывать помощь нуждающимся в ней. Но в современном мире достатка и благополучия происходит процесс забвения основной ценности человечества – ценности жизни. Напоминать о ней бессмысленно, ведь значимость любого элемента мозаики современной социальной реальности определяется исключительно в сфере повседневных практик.

Подлинные дискуссии о морали сегодня ведутся в молчаливой форме, в результате, единственно верным критерием эффективности понятий этики признается их практическая применимость; то есть социальная эффективность.

Литература:

1. Апресян, Ю.Д. Идея морали и базовые нормативно-этические программы / Ю.Д. Апресян. – М.: ИФРАН, 1995.

2. Гусейнов, А.А. Этика и мораль в современном мире / А.А. Гусейнов // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2001. № 1.

3. Коновалова, Л.В. Прикладная этика. / Л.В. Коновалова – М.: Ин-т философии РАН, 1998. – Вып. 1: Биоэтика и экоэтика.

4. Contemporary Debates in Applied Ethics / edited by: A.I. Cohen, C.H. Wellman. – Malden: Blackwell Publishing, 2005.

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕДИА В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. МАКЛЮЭНА

Е.Н. Семеняко, г. Минск, Беларусь

На сегодняшний день невозможно представить социально-гуманитарное познание вне коммуникации и связанных с ней трансформаций социальной реальности. Непосредственно процесс медиа создаёт определённого рода среду, оформляет новый мир, получивший название как *медиареальность*. Симуляционное освещение реальности, связанное с развитием информационных технологий (IT) не может игнорироваться как псевдо реальность.

Обосновывая выбор концепции М. Маклюэна для объяснения влияний информационных коммуникативных технологий на социальную реальность, необходимо сказать, что он не только показал в своих философско-культурологических исследованиях, что любая технология видоизменяет социальное. Но и продемонстрировал, как в условиях компьютерной эры осуществляется и творческое, и гармонизирующее конституирование и программирование окружающей среды (иными словами формируется медиареальность), возвращающее необходимую симметрию чувств без доминанты кого-либо над другими.

По мнению М. Маклюэна, создателя теории средств коммуникации, в век информационных технологий формируются новые формы особых отношений и связей между людьми, превращающих мир в особую систему всеобщей взаимозависимости, что философ отразил в своей концепции понимания мира как глобальной деревни. М. Маклюэн, как и другие теоретики коммуникации, говорит о всеобщей обусловленности и вовлечённости коммуникационного процесса в современном мире: «В электрическую эпоху мы носим на себе как свою кожу всё человечество» [1, с. 57].

Наряду с социальными, культурными также наблюдаются и психические трансформации. Любая технология, по логике М. Маклюэна, направлена на расширение наших чувств. Так, в эпоху письменности акцент был сделан на визуализации, что повлияло на все письменные алфавитные культуры. В результате чего изначально существующая гармония чувств исказилась как последствие их новой структуры с явно доминирующей формой. Безусловно, это имело ряд последствий. Эпоха письма и печати не только привнесла доминантный, воинствующий, нацеленный на ego, тип культуры, но и превосходство визуальности фрагментировало психику человека. Принадлежащий этой культуре человек не способен воспринимать образ цельно и синкретично, что было свойственно представителю племенной устной культуры. Последнее свойственно также культурам с иероглифическим типом письменности. И является отличительным признаком Востока от Запада.

Развитие информационных и коммуникационных технологий нивелирует визуальность, предоставляя простор для других чувств, и тем самым способствует их гармонизации. Благодаря разнообразию эффектов,

производимых посредством новых технологий особенно важным становится одновременность восприятия информации, что является одним из оснований медиареальности. Этот факт, по Мнению Маклюэна, роднит миф как форму цельного и синкретичного восприятия причинно-следственных отношений с медиареальностью коммуникаций. Данное обстоятельство приводит к мироощущению «глобальной деревни». С чем связано и основное противоречие современности, которое заключается в том, что мы продолжаем использовать аналитический, характерный для письменной культуры способ мышления. Однако эпоха требует иного, концентрического видения мира. Подобно тому, как невозможно линейное изучение Библии [2, с. 31]. Надо сказать, что не только обращение к мифу в контексте коммуникационного процесса, но и его непосредственное использование как средства коммуникации реализуется в концепциях К. Леви-Стросса и Р. Барта.

М. Маклюэн замечает, что с изменением технологий, трансформируется и средства коммуникации, и как итоговый результат сама коммуникация. Если культура таких средств коммуникации как письмо и книга нацелена на установление доминантных отношений, а коммуникация существует *без* или *с* низким уровнем обратной связи, то культура информационной эпохи она диалогична и преодолевает отсутствие обратной связи в коммуникативном процессе. Важно отметить, что созданные условия для коммуникации и возможностей компьютерной эры, по логике Маклюэна, из-за обилия информации оказывают пугающее и тревожащее влияние на общество, так как разрушают ранее существующие установления и сформированные в обществе нормообразующие структуры, расшатывают образ индивида, что ведёт к новому поиску идентичности [3, с. 143]. В виду этого, на наш взгляд, особенно актуализируются аксиологические составляющие коммуникативных структур. М. Маклюэн подчёркивает о возрастании роли ценностей в закрытом типе общества. Так в глобализирующемся мире мы вновь движемся к единому, гомогенному пространству как деревне. Оно может быть оценено именно как закрытый тип общества, который более не обоснован доминантой письменного или печатного слова, что характерно для открытого типа обществ. Именно в этом моменте кроется и отношение к формированию рациональности. Необходимо отметить, что для М. Маклюэна становление классической рациональности связано с письменным либо печатным словом, то есть для обществ, стремящихся к абстрактной форме, что отличает открытые общества, которые описывает К. Поппер [4, с. 14 – 15]. Однако, по Маклюэну, в связи с социально-культурными изменениями электрической эпохи мы оказываемся в ситуации невозможности определения

рационального, что связано с особой сложностью определения его истоков.

В виду всего вышеописанного увеличивается и степень концентрации аксиологических оснований в коммуникации. М. Маклюэн в своих трудах это подтверждает следующими тезисами. Во-первых, система ценностей в закрытых обществах наиболее развита, чем в открытых. Во-вторых, эпоха развития информационных и коммуникативных технологий в электронную эру с позиции обращения ценностей по критерию М. Маклюэна относительно температуры коммуникации является холодной. Холодные средства коммуникации, в противоположность горячим средствам коммуникации, характеризуются «низкой определённостью» расширения какого-либо из чувств и активно вовлекают в участие аудиторию. То есть книга, радио, кино, фотография – это горячие средства коммуникации, а комиксы, телефон, телевидение – холодные [5, с. 27 – 33.].

Обращение к теоретической концепции М. Маклюэна позволяет отследить основные актуальные социокультурные трансформаций в контексте глобального коммуникативного сообщества мировой деревни. Будущее, на наш взгляд, определено за коммуникативными процессами, в которых индивид, во-первых, отрывается от тотальной зависимости какого-либо чувства, так как в новых условиях эры IT необходимо задействовать весь сенсорный комплекс в едином акте коммуникации. Во-вторых, человек наделяется нарастающей конституирующей социальной функцией, наряду с которой увеличивается и особая личная аксиологическая ответственность.

Литература:

1. Маклюэн, М. Понимание медиа / М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2011.

2. Маклюэн, М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре. – М.: АСТ: Астрель, 2012.

3. Маклюэн, М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн, К. Фиоре.– М.: АСТ: Астрель, 2012.

4. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга / М. Маклюэн.– Киев: Ника-Центр, 2004.

5. Маклюэн, М. Понимание медиа / М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2011.

СИМУЛЯКР КАК БЫТИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Е.В. Скалацкая, г. Одесса, Украина

Современные социально-политические и культурные трансформации актуализируют вопросы бытийного пространства современного человека.

Философия своим плюрализмом школ и направлений дает ответы на поставленные вопросы. Но их вариативность настолько многообразна и противоречива, что требует определенной верификации и отбора. Одной из наиболее востребованных концепций современной философии, обосновывающей новый бытийный статус индивида, являются воззрения французского философа, представителя постмодернизма Жана Бодрийяра.

Для раскрытия сущности онтологического пространства человека Ж. Бодрийяр использует понятие симулякр, которое вошло в философию еще в период античности. В современном научном пространстве возник дискурс относительно толкования определения и сущности симулякра у Ж. Бодрийяра, что актуализирует рассмотрение данного вопроса.

Ж. Бодрийяр в своих книгах показывает, что онтологическое измерение современного человека двояко: с одной стороны оно довольно широко и многогранно (одновременно существуют мифы, социальные роли, глобальные проблемы), с другой стороны – узкое, так как может быть сконцентрировано в одной системе, которая только кажется многогранной. Плюрализм социального, постоянное образование его новых форм, смещает акценты рассмотрения проблемы человека у Ж. Бодрийяра. Он отходит от гносеологических способностей человека в познании бытия, и обращается к проблеме его воображения, которое и формирует новую действительность.

Современный мир, по мнению Ж. Бодрийяра выглядит следующим образом, «мы живем в мире странным образом похожем на оригинал – вещи в нем продублированы по их собственному сценарию» [1]. Раньше миром управляла реальность, сейчас – симуляция. Реальное становится утопией. В данном ракурсе проблема перехода бытия в небытие получает абсолютно новое звучание. Так как возникает вопрос, насколько новообразованные копии реальных вещей их замещают, и являются постоянными.

Так же для описания существующей действительности Ж. Бодрийяр использует такие понятия как «двойственность», «зеркальность», «пространство символов». Для данных категорий свойственна темпоральность, изменчивость, искажение реального первичного образа, породившего копию. Подобные процессы характерны и для симулякров. Наиболее ярко, Ж. Бодрийяр показывает двойственность симулякра на примере Диснейленда. Он называет Диснейленд – «совершенной моделью симулякров», «воображаемым миром», «фантасмагонией», «пространством регенерации воображаемого», «фантасмагорией нежности и теплоты, присущих толпе, а также фантасмагорией чрезмерного количества забавных игрушек, достаточного, чтобы поддерживать массовый аффект» [1]. Бодрийяр показывает, как происходит переход из одного онтологического пространства в другое: человек является одиноким перед

входом в Диснейленд, а попадая внутрь он перемещается в новый мир, наполненный не существующими в реальности персонажами. Подобные схемы переходы от реального к воображаемому существуют и в других социальных местах, например, в Лос-Анджелесе.

Метафизика, по мнению Бодрийяра, «уходит», так как отсутствует «зеркальность между существом и внешностью» [1]. Также в реальности про сходит такое важное изменение как отсутствие рациональности, а следовательно и изменяемости. Это уже и не является реальным, так как воображаемое не связано с ним. Это исключительно гиперреальное. Образующееся пространство находится вне зоны реальности и истины. Теперь ранее существовавшие вещи возрождаются в знаках. Происходит процесс, в котором реальное заменяется знаками реального. Реальное лишается возможности самопроизводства, а гиперреальное «находится в укрытии воображаемого». Теперь отличие реального и воображаемого представляет собой «повторение моделей и симулированному порождению отличий» [1]. Симуляция стирает и отличия между истиной и ложью, реальным и воображаемым.

Для объяснения сфер деятельности порядков симулякров Бодрийяр обращается к понятию «воображаемое». Он показывает как посредством воображаемого симулякры проявляются в действительности, раскрывает границу между реальным и воображаемым, которые существуют на «некоторой дистанции». Эта дистанция сокращается при переходе от одного порядка симулякров к другому.

В своей книге «Симулякры и симуляция» Ж. Бодрийяр выделяет три порядка симулякров. Бодрийяр показывает как происходит эволюция симулякров, какие социальные сдвиги и трансформации, повлияли на это, а следовательно и изменили статус и проблематику человека, но не говорит, как сам человека влияет на ход симулякров.

Симулякры первого порядка, опирающиеся на образ, он называет «воображаемое утопии». В пространстве этих симулякров расстояние между воображаемым и реальным максимально. Симулякры второго порядка - продуктивные, Ж. Бодрийяр называет «научной фантастикаой. Здесь симулякры становятся «чрезмерной проекцией, но качественно не отличной от реального мира производства» [1]. Уровень развития современного производства позволяет научной фантастике «преумножает свои собственные возможности», что и сокращает дистанцию между реальным и воображаемым. Симулякры симуляции – это третий порядок симулякров. Они ставят вопрос о существовании воображаемого, отвечающего данному порядку. Это эра моделей, которые не являются воображаемым по отношению к реальному. Симулякры второго и третьего порядков, в определенной степени, способны восстановить первый

порядок симулякров. В подобном случае, они станут зеркалом, которое отражает прошлое, а не предсказывает будущее.

Ж. Бодрийяр проблематикой своего исследования делает не определенный раздел философии, он показывает, как части могут образовывать абсолютно новое бытийное пространство. Порядок симулякров мы можем переводить как в ранг исследований онтологии, так и гносеологии, праксиологии, антропологии. Онтологии, так как меняется существующее пространство, в котором материальное и идеальное выступают в виде копии, что изменяет смысл воспроизводимо пространства, стираются различия между духовным и реальным уровнями бытия. Если раньше одной из онтологических проблем, поставленных еще Парменидом, был вопрос о существовании бытия и мышления, о небытии, то симулякр одновременно сохраняет и разрешает это противоречие. Гносеологически эта проблема говорит о том, что уничтожается знание, истина как цель любого познания. Ж. Бодрийяр неоднократно повторяет, что потерян смысл, все охвачено симулякрами, изменить их порядок невозможно, будущее пространство индивида также будет заполнено исключительно симулякрами. Раскрывая антропологический статус современного человека Ж. Бодрийяр делает акцент на проблеме тела, клонирования.

Анализ существующих социальных событий, их раскрытие через реальность и симулякр определят новое онтологическое пространство индивида. Здесь онтология находится во взаимодействии с праксиологией, имеющей свое отражение в рекламе, телевидении, кино, литературе. Порядок симулякров охватывает все сферы жизнедеятельности человека, его сила и влияние на людей настолько велика, что способна только эволюционировать, сменять симулякры одного порядка другим. Именно невозможность индивида противостоять этой силе воображаемого, маскирующей реальность, создает двойственность воображаемого и реального в современной действительности.

Литература:

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула : Тульский полиграфист, 2013.

МАРКСИСТСКИЙ КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

М.А. Скворцов, г. Москва, Россия

Общая теория массовой коммуникации - это исторически сложившаяся система научных исследований и концепций в области коммуникации, сформированная одновременно представителями гуманитарной и естественнонаучной отраслей знания. По мнению профессора Г.П. Бакулева [1], массовая коммуникация стоит на вершине

пирамиды социальной коммуникации, в которой сходятся цели и функции коммуникативной деятельности социальных структур разного масштаба – организационной, групповой, межличностной.

Массовая коммуникация сегодня – это сложный социальный механизм, слаженная работа которого характеризует степень развития «информационного общества», где главная ценность и богатство – это знание, составляющее человеческий капитал. Показательно высказывание шведского профессора Я. Экекрантца, который утверждал, что «действительность не может быть осмыслена без понимания способов, с помощью которых общества создают себя в процессе коммуникации.

Однако отметим, что в процессе массовой коммуникации проявляются и её негативные стороны, связанные с манипулятивным воздействием на массовое сознание и психику через различные средства массовой коммуникации.

В этой связи важным аспектом исследования массовой коммуникации являются так называемые критические теории и подходы, среди которых особое место занимает марксистский анализ массовой коммуникации.

Говоря о марксистской теории сегодня обратимся к книге «Почему Маркс был прав» британского философа Т. Иглтона [2]. В ней автор отмечает, что история не знала мыслителя подобного Марксу, идеи которого были бы так искажены, и пытается доказать, что суть трудов Маркса идёт в разрез с общепринятыми предрассудками о его работах, о чём свидетельствует возобновившийся интерес к Марксу в условиях начавшегося в 2008 году мирового финансового кризиса.

Другой британский мыслитель Э. Хобсбаум[3] утверждал, что для понимания особенностей современного развития капитализма, его противоречий и кризисов, и сохраняющегося мирового социально-экономического неравенства, «мы должны задавать вопросы Маркса».

Таким образом, в рамках доклада мы попытаемся понять, что значит «задавать вопросы Маркса» по отношению к анализу массовой коммуникации, рассмотрев основные аспекты марксистской медиа теории, подробно остановившись именно на положениях классического марксизма, не оставляя без внимания и последующую марксистскую традицию, в частности неомарксизм и постмарксизм.

Литература:

1. Бакулев, Г. П. Основные концепции массовой коммуникации / Г.П. Бакулев. – М., 2010.

2. Eagleton, T. Why Marx was right / T. Eagleton. – London: Yale University Press, 2011.

3. Hobsbawm, E. How to change the world. Marx and Marxism 1840-2011 / E. Hobsbawm. – London:Little, Brown, 2011; McQuail, D. Mass Communication Theory / D. McQuail. – London: Sage.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.И. Снесарь, г. Санкт-Петербург, Россия

В нынешний век «пост-культуры» (Бычков В.В.) происходят трудно прогнозируемые трансформации. Отношение к традиционным культурам быстро меняется. Проект «нового мирового порядка» с единым центром в США, двадцать лет монополизировавшего массовое сознание, уже политически не актуален. По итогам состоявшегося недавно петербургского саммита G-20, «мир переходит к более прозрачной, многоформатной дипломатии»[1]. Мир становится многополярным, главными акторами выступают геоцивилизации. Тем не менее, идеи «мирового арбитра» и исключительности западного типа развития цивилизации все еще демонстрирует свою живучесть. В очередной раз, как и прежде в истории, препятствием на путях их успешной реализации выступает Россия. Поэтому, вопрос о русском культурно-историческом коде должен стать предметом глубокого философского анализа и неотложной повесткой сегодняшнего дня.

Двадцать первый век уже успел заявить о крупномасштабном пересмотре базисных ценностей «техногенной цивилизации». Философия все отчетливей и обосновано говорит о формирующемся новом типе рациональности. Жесткая диспозиция системам ценностей традиционных культур, доминировавшая в технократических концепциях Нового времени, утрачивает любую легитимность и принципиальность. Прежде всего, это связано с тем, что глобализационные процессы парадоксальным образом повышают ценность национальных культур. Повышается значимость и особенность специфики развития каждой из составных частей этого процесса. Актуально стало говорить о «диалоге культур», в котором начальным условием является система ценностей и условия равноправия всех «систем отсчета» [2, с. 11-12]. Открытость различным культурным традициям, – условия для полноценного диалога.

Мировоззренческий базис западноевропейской цивилизации мутирует ускоренными темпами. Непререкаемый недавно вопрос общечеловеческих ценностей, уничижающих национальную идентичность, как пишет сегодня российский философ Н.В. Мотрошилова, в наше время уже не представляется однозначным. Западноевропейская культура исторически так не выработала единого, отвечающего ее мировоззрению набора ценностей. Устойчивые в

прошлом категории, такие как универсальные ценности разума, просвещения и общественного договора сегодня подвержены основательному пересмотру. Визуальное, как особый способ социальной и культурной коммуникации, трансформирует существующие представления об объективных и субъективных структурах процесса коммуникации, визуальных технологиях, позволяющих устанавливать межсубъектные и субъект-объектные связи, поворачивает европейское мировоззрение в сторону зрительно-образного мышления, традиционно преобладавшего в восточной и русской типах культур. Вошедший в употребление в конце XX века термин «иконический поворот» в российской философии используется в роли «геополитической метафоры» и рассматривается в контексте самобытности.

В условиях современного общества наблюдается всеобщее обновление аксиологических принципов европейской культуры, трансформация механизмов универсализации ценностей, критика разума и просвещения [3, с. 35]. Более того, культурно-исторический код западной цивилизации, основанный на материалистическом прагматизме и индивидуализме, в мировом процессе сменяется восточной матрицей, основанной на идеализме и коллективизме. В этом контексте уместно подчеркнуть, что нестяжательство и соборность, как типологические характеристики особенностей русской цивилизации, обретают вселенское значение. Развивая тему русской самобытности, известный военно-политический эксперт, президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник запаса Леонид Ивашов отмечает, что все очевидней и исторически востребованной в мировой политике становится мессианская сущность русской цивилизации. «Мы счастливы, когда творится справедливость во всем мире, когда люди чтут святые вещи. Святость – главное. В этом – счастье каждого человека, а через это счастье счастлива и вся страна»[4]. В качестве матрицы нашей цивилизации он рассматривает совесть, святость и справедливость, и трудно с этим не согласится.

С позиции сегодняшнего дня задачей нашей науки должен стать обстоятельный философский анализ культурно-исторического кода русской цивилизации, начатого славянофилами и подтвердившего свою государственную важность в условиях современного общества.

Литература:

1. Косов, Ю.В. На таких саммитах существует скрытый план работы / Ю.В. Косов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/09/na_takih_sammitah_suwestvuet_skrytyj_plan_raboty/

2. Степин, В.С. Типы цивилизационного развития / В.С. Степин // Россия в глобализирующемся мире. – М., 2007.

3. Мотрошилова, Н.В. Глобализация и критика обновления ценностей разума / Н.В. Мотрошилова // Россия в глобализирующемся мире. – М., 2007.

4. Ивашов, Л.Г. Россия вчера, сегодня, завтра / Л.Г. Ивашов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.km.ru/spetsproekty/2013/09/12/vnutrennyaya-politika-v-rossii/720477sformulirovat-natsionalnuyu-ideyu

ПРЕЕМСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ВЫРАЗИТЕЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ ИСКУССТВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ («ГИПЕРРЕАЛИЗМ БЕЗ БЕРЕГОВ»)

Н.И. СТЕПАНЦОВА, г. Минск, Беларусь

Современное искусство свидетельствует о преемственной динамике художественных «возвращений» в гиперреализме поп-арта [1]. В этом феномене зазвучало «эхо повторяемости» изобразительной фигуративности, сменившей абстрактность. Различны толкования истории его возникновения. По одним источникам термин принадлежит характеристикам С.Дали. По другим - слово придумал И.Брахот (Isy Brachot) в 1973 году как эквивалент фотореализму, актуализировавшемуся в семидесятые годы (выставка «22 реалиста» в Музее Уитни /1970/), и фактически смыкавшемуся с гиперреализмом. Корни аналитики гиперреализма исследователи находят и в философии Ж.Бодрийяра, предлагающего понятие *симулякры*, выражающее убедительную иллюзию бытия. Термин гиперреализм стал названием каталога и выставки в Брюсселе (1973), где были представлены работы американских фотореалистов и известных европейских художников. Один из ярких представителей новаторского веяния Г.Рихтер задался вопросом: «Как остаться живописцем, не делая живопись в традиционном смысле?», и ответил в духе преемственности-изменчивости - реконструировать живопись с помощью фотографии [2, с. 28]. Гиперреалистические объекты детализированы подобно фотоизображениям в целях воссоздания образности абсолютной реальности особыми технологическими средствами, опосредованными от существования художнических источников в действительности и отражательно-выразительной подражательности традиционной живописи. Так, Г.Рихтер, обращаясь ко многим стилям, новаторски сочетает живопись и фотографию: фото проектируется на холст, на основе которого осуществляется живописное изображение, порой усиливающееся приемами размыва, нечеткости составных форм, абстрактности, разрыва холста. М.Морли, например, использует в создании картин копирование фотографии на холст с помощью масштабной сетки, квадрат за квадратом - с сильным увеличением (разделенные на квадраты плоскости размещаются потом даже вверх ногами, «чтобы отстраниться от предмета изображения») [2, с. 27]. В своем опусе «Художник в мастерской» (1968) Морли точно воспроизвел (по фотографии) картину Я.Вермеера «Искусство живописи». Критики полагали, что данная

новация подтверждала тезис о «смерти автора» (Р.Барт). Невозможно здесь ответить на вопрос об источнике; это – и Вермеер, и Морли и фотокамера, все вместе и никто. Аналогичен исходный изобразительный принцип произведения Г.Рихтера «Благовещение по Тициану» (1973). Его же опус «Тетя Марианна» (1965) представляет семейные сцены на основе старых снимков, наполненных аллюзиями прошлого, а портрет «Бетти» (1988) демонстрирует отвернувшуюся от зрителя молодую женщину, с тщательной фотографической точностью передает витиеватые терракотовые узоры жакета, тончайшие блики переливов света густыхволос, подчеркивая новаторство композиционного

В России, в Москве гиперреализм достиг своего расцвета в 1980-е годы. Художники активно обращались к любительским снимкам, газетным и журнальным иллюстрациям. В творческом поле проявляется феномен *гиперпреемственности, гиперповторяемости,* отражающий некую всеядность**.** В «живописи без границ» опровергается все, казавшееся фундаментальным для искусства (снимаются разграничения стилевого и жанрового, реалистического и абстрактного, противостояния фотографии и живописи, творческого, рукотворно созданного, и промышленного, утилитарно-функционального). Художники рассматривают данные составляющие как элементы единой традиции, считая себя их наследниками, сочетая различные модификации гиперреализма. В творчестве Э.Булатова представлено *соединение* «гладкописи» академической живописи и элементов советской наглядной агитации. В.Комар и А.Меломед в «Двойном автопортрете» (1973) помещают собственные авангардные изображения (вместо вождей) в формальный круг медального ракурса, известного еще по античности. В проекте А.Смоляка последних лет наблюдается гиперреалистическая вариантность или преемственная динамика открытий фотореалистов середины XX века. Картины этого белорусского художника «оживают» (или «реанимируются» в новом качестве с помощью деятельности дизайнеров, стилистов, гримеров) в нео-воплощении портретных лиц применительно к другим известным людям (А.Агурбаш, М.Мирный, Н.Петкевич и др.), с фотографическим закреплением «вторичного» образа артефактов.

Композитор Р.К.Щедрин в духе гиперреализма создал сочинение «Российские фотографии» /1994/. Перед слушателями проходят звуковые «картины» русской действительности разных времен. Первая часть – «Старинный город Алексин», возрождает ощущения детства и образы родных. Вторая часть – «Тараканы по Москве», воссоздает не нашествие насекомых, которыми действительно был наполнен когда-то город, а с иронией предлагается некий гиперсимвол, применительно к неискоренимому злу среди людей. В третьей части – «Сталин-коктейль», представленной как музыкальная кульминация, используются трели барабанов, интонации стонов истязаемых заключенных, звуки расстрельных выстрелов. Звучат цитаты кантаты о Сталине А.В.Александрова и «Марша энтузиастов И.О.Дунаевского, как музыкально-идеологический признак времени. Четвертая часть - «Вечерний звон», является печальным итогом

перипетий жизни, где используется игровой прием перформанса: музыканты оркестра подпевают слова - «вечная память».

Гиперреализм второй половины XX века вписывает примеры повторяемости в ткань современного искусства, сходные и с признаками *дадаизма.* Художники *коммунального поп-арта* используют потенциал убогого барачного быта как своеобразную советскую экзотику. М.Рогинский в *картине-объекте* «Большой

Некоторые приемы современного гиперреализма обескураживают своей «кардинальностью». В сферу публичной демонстрации вовлекается «пограничная» область человеческого бытия (выходящая за грань понимания различий добра и зла, нормальности и анормальности), использующаяся как артефакт. Эстетическая выразительность при этом характеризуется понятиями «безобразное», «низменное», «ужасное». Мир человека натуралистически обыгрывается в безбрежном статусе новейшего реализма («реализма без берегов» /Р.Гароди/). Известны на Западе выставки «новых скульптур» - с приемом мумифицирования человеческих останков разных «планов» в виде мышечных и костных каркасов. Первая выставка современных трупов, мумифицированных по методике скандально известного Гюнтера фон Хагенса по прозвищу «доктор Смерть», прошла в феврале 2002 года в Лондоне. В 2005 году выставка под названием «Пластины человеческого тела» состоялась в городах России – в частности, в Саратове. Именно в России профессор из Гейдельберга фон Хагенс закупал трупы для своих шокирующих инсталляций. Парадоксально, что данные демонстрации имеют своих зрителей и поклонников. На рубеже XX-XXI веков приемы натуралистических образцов гиперреализма все более и более удаляются от морализаторства, становятся привычными для многих. Крайние его выражения преодолевают ценности человеческой культуры (формы выкладывания в интернетской информации в режиме «он-лайн» избиений, истязаний, пыток, и даже убийств /с элементами каннибализма/) .

преемственной, в определенном смысле, с древнегреческими хорами, вовлечение в художественную сферу обычных предметов потребления как проявления просто techne /от греч. – строить, созидать/, с чего, по Гомеру, начиналась природа всякого искусства - с хорошо сработанной вещи.

Литература:

1. Степанцова, Н.И. Преемственная динамика выразительно-смысловых систем языков искусства (на материале неклассического периода) / Н.И.Степанцова. – Минск: ООО «Мэджик», 2012. – Вып.3.

2. Обухова, А., Орлова, М. Живопись без границ. От поп-арта к коцептуализму / А.Обухова, М.Орлова. – М.: ГАЛАРТ, 2001. .

ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА МОДЕРНА НАЧАЛА XXI ВЕКА В КОНТЕКСТЕ КРИТИКИ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX–XX ВВ.[4]

А.П. Соловьев, г. Уфа, Россия

1. Если мы посмотрим на наиболее значимые парадигмы мировой мысли нашего времени, то увидим констатацию факта исчезновения человека как субъекта, как автора, как того, кто творит. В большинстве своем возникает ощущение, что человеком и обществом управляет то, что им неподвластно, но одновременно – внутренне им присуще: капитал, «воля к власти» либидо, информация, язык, «структуры мышления», дискурсы. Все это мыслится лишь проявляющимся через человека и общество, которые оказываются обезличенными проводниками различных гипостазированных аспектов общественной жизни человека. Это то, что вербально утверждает современная философия о человеке и обществе.

2. Но это проговаривание «смерти автора» (Р. Барт, М. Фуко), «путеводной нити языка» (М. Хайдеггер) и т.п. указывает на то, что современная философия более чем озабочена человеком и что мировоззрение, выражаемое современной философией, продолжает оставаться антропоцентрическим. Философы мыслят мир, в центре которого человек не могущий быть свободным – выбор за человека делают указанные выше гипостазированные аспекты. Данные аспекты (либидо, капитал, информация, язык, «структуры мышления», дискурсы), будучи объективированы и гипостазированы, уже как бы в качестве самостоятельных «сущностей» делают невозможной. Более того, эти «сущности» одновременно понимаются и как способные к скрытому «управлению» человеком.

3. Современная мысль продолжает оставаться антропоцентричной, то есть «модерной», просвещенческой по своей сути – она заботится об угнетенном и несамостоятельном человеке. При этом, философы, указывая на то, что в человеке должно быть «освобождено», вновь сводят его сущность к неким аспектам его существования, которые вполне могут быть объявлены подавляющими. В этом смысле под наибольшим подозрением оказывается разум, либидо и потребление. Показательно, что и человек в современном обществе – это человек-масса (Х. Ортега-и-Гассет), человек-потребитель (Э. Фромм, Ж. Бодрияр), не замечающий отсутствия своей свободы, которая, по этой логике, невозможна.

4. Само общество в современном мире скрывает свою потребительско-утилитаристскую сущность и обезличивание человека. Делает оно это, например, с помощью понятия «информационного

[4] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Философия архиепископа Никанора (Бровковича) в контексте истории русской мысли XIX–XX веков»), проект № 12-03-00033а.

общества», которое как бы указывает на интеллектуализм и на самостоятельность человека. Это общество можно назвать «обществом спектакля» (Ги-Э. Дебор), а понятие «информационности» – симулякром (Ж. Бодрияр). С помощью этого «спектакля» и «симулякра» человек «инсценирует» для себя свою рациональность и самостоятельность. На самом же деле это общество, да и современная философия, характерная для этого общества, предполагает такой антропоцентризм, при котором человек понимается как одержимый: властью (Ф. Ницше), либидо (З. Фрейд), капиталом (К. Маркс), игрой (Й. Хейзинга) и т.д. То есть – главный фокус все же на человеке, но человеке, который не контролирует себя и скрывает эту одержимость от себя самого.

5. В действительности современное общество не информационное, это не общество, где знание и разум является высшей ценностью. Это – общество электронных коммуникаций, «сетевое общество», так как наибольшей ценностью с его точки зрения обладает в действительности не информация, а средства ее передачи (М. Кастельс). Современное общество – это общество не какое-то особое «постмодернное», а все то же антропоцентрическое общество продолжающегося модерна, потерявшего веру в свободу и самостоятельность человека. Но это общество продолжает ориентироваться на новации, направленные на удовлетворение тех «одержимостей», которые управляют человеком. Только это общество производит уже не товары-предметы, а товары-услуги (в первую очередь коммуникации («сети») (М. Кастельс) и бренды (Н. Кляйн) как каналы подачи любой информации, без чего спектакль невозможен).

6. Каковы же перспективы такого общества? Подсказку на этот вопрос нельзя искать в ценностных ориентирах антропоцентрической парадигмы, ибо это будет ответ вовлеченного в систему современных ценностей мыслителя. Если мы попытаемся решить вопрос о перспективах человека в рамках антропоцентризма, то мы придем либо к критике «одержимости» через иную «одержимость», либо к апологии одной из «одержимостей», которая будет объявлять себя ценностью и продолжать скрывать свою диктатуру претендуя на доминирование.

7. Поэтому мы предлагаем обратиться к иной парадигме, к «теоцентризму», но не к классическому теоцентризму средневековья, а к антропологически ориентированному теоцентризму русской религиозной философии. Именно в данной парадигме человек осознается как способный к выбору и к творческому акту субъект, как тот, кто может сделать выбор. Причем эта свобода выбора понимается не в просвещенческом смысле, как автономия человека, но как момент ограниченный тем, что человек выбирает между Богом и миром, между любовью к Богу и ближнему и эгоцентрическим самолюбием, то есть, в конечном счете, – между свободой в Боге и «одержимостью» миром.

8. В первую очередь, в связи с характеристиками современного общества как общества «спектакля» и как «сетевого общества», следует, по нашему мнению, обратиться к текстам трех русских мыслителей – архиеп. Никанора (Бровковича), К.Н. Леонтьева и А.Ф. Лосева. Именно эти мыслители в условиях развивающегося модерна второй половины XIX – нач. XX вв. отмечали большое значение для развития антропоцентрического общества как средств коммуникаций (для XIX – первой половины XX в. – это железные дороги (о которых писали архиеп. Никанор и К.Н. Леонтьев)), так и средств подачи тех идей, которые делают эти коммуникации возможными и существенными («миф» (о котором писал А.Ф. Лосев)).

9. Архиеп. Никанор еще в 1880-х гг. отмечал, что, начиная с нового времени, перемещения становятся средством гонки за прибылью и удовольствиями, что приводит к увеличению скорости развития техники. Скорости, требуемые развитием материальных потребностей и борьбой за их удовлетворение, имеют своим результатом развитие средств доставления этих удовольствий в пространстве и во времени. Подобное преодоление пространственности создает иллюзию всемогущества, что приводит к релятивизации традиционных нравственных ценностей и к экологической катастрофе. Явным примером для него были железные дороги, для характеристики которых он уже тогда использовал образ «всемирной паутины».

10. В свою очередь К.Н. Леонтьев, положительно оценивая идею архиеп. Никанора отмечал, что развитие скоростных коммуникаций связано с характерным для европейского антропоцентризма эгалитаризмом и всесмешением (в результате развития комуникаций), то есть с обезличиванием человека «одержимого» миром. По его мысли, эта «одержимость» должна привести к господству уравнительного социализма с упаднических и антивиталистскими ценностями, с последующим впадением в анархию и формированием нового феодализма.

11. Важны для оценки перспектив общества «потребления-спектакля-коммуникаций» идеи А.Ф. Лосева – о значении мифа для утверждения приемлемости для человека обезличивающей «одержимости» миром и о логическом вырождении либерализма в социализм, а последнего в анархию, ведущую к тотальному самоуничтожению или вырождению.

12. Идеи этих мыслителей косвенно подтверждают и некоторые современные западные интеллектуалы. Например У. Эко пишет о том, что антропоцентризм должен привести к «новому средневековью», то есть к анархии, на смену которой придет новый феодализм. Причем свое эссе о новом средневековье Эко начинает с описания того, как после коллапса коммуникаций современная Америка может ввергнуться в анархию.

13. В связи со сказанным выше возникает старый вопрос: «что делать?» Продолжать поддерживать традиционные нравственные ценности с атропологически ориентированных теоцентрических позиций и тем сдерживать анархию? Или бунтовать против анархии, увеличивая энтропию? И может ли быть третий путь в наше время, когда теоцентризм многих пугает, а антропоцентризм беспомощен?

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Д.Н. Суховская, г. Пятигорск, Россия

В современных условиях глобализирующегося общества вопросы модернизации социального пространства России не могут быть решены в отрыве от совершенствования пространственной организации расселения населения по ее территории и организации креативного пространства городов.

Формирование пространственной модели современного мегаполиса включает аспекты повышения конкурентоспособности и агломерационного развития, но главным фактором в концепции развития креативного города остается искусство приращения социальной значимости человека и человеческой ценности. Мировоззрение, способности человека и социальные ценности дают возможность превратить физическое пространство в обитаемые человеческие поселения.

Под концепцией креативности в развитии и управлении городом или «креативным управлением городом» понимают метод стратегического планирования, принимающий во внимание способность людей творчески думать, планировать и действовать.

В рамках философской концепции «креативного города» городу, для того, чтобы стать креативным достаточно внедрить какую-либо социальную инновацию. Концепция опирается на такие понятия, как: «матрица инноваций», «холизм», «креативные циклы»,предложенные гуру креативного мышления - Эдвардом Де Боно с его «латеральным мышлением».

Рассмотрим основные этапы создания креативного города, предложенные Эдвардом Де Боно:

1. Выявление и обсуждение креативных ресурсов города.
2. Акцентирование творческих личностей города (группировка выявленных творческих людей по разным сферам городского развития, выявление «белых пятен»).
3. Создание городской креативной сети и установление ее связи с мировым сообществом через интернет-ресурсы.

4. Разработка и запуск общегородских проектов, обеспечивающих взаимодействие креативных представителей городского сообщества и направленных на развитие условий, поддерживающих и развивающих креативную городскую среду [1].

Из вышерассмотренного можно сделать вывод о философском определении креативности в урбанистике: большая часть примеров креативности связаны с художественной и культурной деятельностью. Если же рассматривать понятие креативности в широком смысле, то, на наш взгляд, она включает также и такие мероприятия, которые основываются на креативной энергии участников [2].

Рассмотрим концепции, актуальные для раскрытия креативного потенциала городов. Задача концепций — сформировать городские проблемы под различными углами зрения и, тем не менее, - видеть целостную картину.

С точки зрения социальной философии каждая из семи концепций полезна лишь настолько, насколько высока её объяснительная сила, насколько помогает она принимать и исполнять решения. Нами рассмотрены семь концепций, которые способствуют креативному городскому мышлению и планированию.

Первая из них, концепция «гражданской креативности». Суть этой концепции в том, чтобы подчеркнуть креативность в качестве приоритета в развитии гражданского общества.

Вторая – «Цикл городского творчества», напротив, представляет собой аналитический инструмент. Он разбивает сложный процесс на простые элементы и объясняет их взаимодействие с целью облегчить процесс формирования сгратегии и определения приоритетов городского развития.

Третья – связана с понятием «инновационных креативных жизненных циклов». Она подчеркивает необходимость учитывать фактор времени, развивать способность суждения и понимать, в какой момент нужно быть креативным.

Четвёртая концепция – «городские исследования и разработки» способствует легитимизации креативных действий путем их последовательного внедрения, мониторинга и оценки.

Пятая – «Матрица инноваций» - это инструмент оценки, который позволяет оценивать инновационность проекта или класса проектов, а также определять, действует ли город эффективно.

Шестая – «Индикаторы жизнеспособности» представляют собой пример разработки индикаторов развития креативного пространства нового типа.

Седьмая концепция «урбанистической грамотности» старается связать все перечисленные концепции с другими способами

интерпретации жизни и динамики городов и попытками предложить новые пути их развития [3].

На наш взгляд, перечисленные концепции способны трансформировать городское культурное пространство через создаваемые знаки, символы и тексты и способны осуществлять воздействие на любую деятельность индивида. Передача и усвоение ценностно-нормативных установок общества, представлений об обычаях и стилях жизни – все эти элементы процессов социализации и инкультурации, безусловно, отражены в культурном пространстве того или иного города. Индивид, становясь участником городской культуры, попадает под воздействие объективирующего дискурса, который устанавливает правила его существования: индивидуальность человека трансформируется, наделяясь основными характеристиками данной культуры. Посредством традиций, норм, правил, моды происходит создание «социального тела» жителя города. Причем, каждое городское культурное пространство пытается наложить специфический отпечаток на это социальное тело, поэтому так часто разнятся внешний вид, формальные и неформальные правила поведения людей разных городов, особенно провинциальных и столичных. Приобретает новые характеристики «культурная ментальность», то есть идеи, значения, ценности, эмоциональные ощущения или упорядоченные системы мышления, составляющие духовное содержание культурных явлений. Это влечет за собой изменение внешней стороны культуры: предметов, событий, материальных форм, в которых воплощается внутренний опыт людей.

На наш взгляд, со временем трансформационные процессы в городах, будут способствовать возникновению новой мета-урбанистической дисциплины, которая объединит концепции, сформированные культурной географией, урбанистической экономикой и социологией, психологией, историей, культурологией, философией, городским планированием, дизайном и эстетикой.

Литература:

1. Ненько, А. Стратегии репрезентации креативных сообществ в пространстве города / А. Ненько // VII Ковалевские чтения «Перспективы развития современного российского общества и новые контуры социологической науки» – Спб. : СПбГУ, 2012.

2. Hall, P. Creative cities and economic development / P. Hall // Urban Studies. – 2000. – № 37(4).

3. Landry, C. The Creative City. A Toolkit for Urban Innovation / C. Landry, F. Bianchini. – NY, 2000.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

И.И. Таркан, г. Минск, Беларусь

Опыт суверенного развития Беларуси в условиях формирующегося информационного общества показывает, что важнейшим цивилизационным фактором развития страны, в силу отсутствия сырьевых ресурсов, являются человеческие ресурсы, управление которыми возможно, прежде всего, посредством совершенствования системы национального образования и здравоохранения.

1) Образование в эпоху информационного общества – сложная компетенция. На наших глазах формируется новый тип человеческой коммуникации - «сетевое общество», в котором возрастает значение и роль образовательных технологий (дистанционное образование, онлайн-образование и др.). Человек «сети» сам конструирует образ социальной реальности, используя глобальный информационный образовательный ресурс. И в этом контексте все большее значение приобретают проблемы рационального измерения информации. Сегодня информация является таким же базисным свойством, как вещество и энергия. В этой связи актуализируется проблема обеспечения *информационной безопасности* общества, государства, личности, поскольку информация служит как благим, так и деструктивным целям.

Противозаконный сбор и использование информации, манипулирование ею (дезинформация, клевета, шантаж, безальтернативность), хищение из архивов, библиотек, использование вопреки интересам общества и граждан и т.д. подрывают устои общественных систем. Информационно-психологические воздействия, реализуемые через средства массовой информации и под влиянием зарубежных информационных каналов, создают атмосферу напряженности и политической нестабильности в обществе, могут спровоцировать (как показывает опыт оранжевых революций) социальные, этнополитические, религиозные конфликты и массовые беспорядки.

Развитие современных информационных технологий упраздняет традиционное деление жизненного цикла на труд и досуг, и сегодня уже сложно отделить «обучение в ходе работы» от «обучения в процессе досуга». Трудовая деятельность становится все более и более творческой (креативной), что превращает труд в свободную игру творческих сил, а досуг становится продолжением труда. Как следствие непрерывного образования происходит трансформация трудовой этики, меняется образ субъекта общественного развития. В Беларуси, как и в других странах, набирает силу онлайн-образование в форме дистанционного обучения. Качественное образование особенно востребовано современной информационной средой, поскольку непрерывный информационный обмен как характерная черта современного общества представляет собой

колоссальную по своей сложности многоуровневую систему индивидуальных интерпретаций реальности в условиях неопределенности «истинности» самой информации.

Погружаясь в пространство неуправляемой хаотичной информации, человек испытывает серьезные затруднения в ее понимании и осмыслении. Информация в современных условиях может быть тщательно отрефлексирована только хорошо образованным человеком, обладающим современным мышлением и рациональной культурой постижения реальности.

Все вышеизложенное актуализирует проблему образования в контексте подготовки и управления современными человеческими ресурсами. В мире меняются модели образования. Сегодня более востребована такая модель, которая готовит людей для работы в ситуации неопределенного будущего, т.е. условно говоря, готовит специалистов для рабочих мест которых еще нет, но которые уже заявляют о себе в экономике «знаний».

2) Здоровье нации – важнейший национальный ресурс. Стрессы (в форме депрессии и аномии, а также в их предельных для человеческого бытия формах: преступление, суицид и т.п.), миграция, психологическое напряжение, охватившее массы людей в условиях современного экономического кризиса, ускорение темпов социальной жизни и динамичные перемены – все эти факторы влияют на образ жизни и здоровье современного человека.

Сегодня в практике управления человеческими ресурсами, к сожалению, используются термины, отражающие лишь одну какую-либо грань здоровья населения – «психическое здоровье», «репродуктивное здоровье», «психосоматическое здоровье», «экологическое здоровье» и т.д., либо здоровье отдельной демографической или социальной группы – «здоровье беременных», «здоровье младенцев» и т.п. Хотя применение этих терминов оправдано, речь должна идти об «общественном здоровье», поскольку состояние и особенности «общественного здоровья» человеческих ресурсов в определяющей степени связаны с духовно-нравственными и моральными факторами. Утрата идеалов, социальная несправедливость и неравенство, боязнь будущего – факторы, разрушающие человеческий капитал. Например, зависимость от алкоголя является следствием неспособности человека жить в современном изменяющемся мире, свидетельство утраты им смысла жизни в условиях кризиса нравственности и духовного вакуума, неспособности решать самостоятельно свои проблемы в условиях рыночных отношений. В этой связи уместно привести высказывание М.Фуко о том, что «безумец – это тот, у кого разграничение, игра, иерархия произвольного и непроизвольного оказываются нарушены»

[1,с.224]. Поэтому создание социального мира на основе национальных духовно-нравственных ценностей – важнейшая задача и проблема управления человеческим ресурсами в Республике Беларусь в условиях современной глобализации.

Литература:

1. Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2004.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Н.М. Твердынин, г. Москва, Россия

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали визитной карточкой современной цивилизации. Колоссальная скорость их распространения оказалась значительно выше по сравнению с другими технологиями и техническими новациями (огнестрельное оружие, паровой двигатель, электро и радиотехника и др.), глобально повлиявшими на жизнь как общества, так и отдельных людей. При этом произошёл не только массовый переход к качественно иному образу жизни, но и появилась колоссальное число лиц, являющихся лишь пользователями ИКТ и на уровне обыденного сознания подменяющих повышение своего образовательного уровня быстрым получением сведений, которые эти технологии могут предоставить. Вследствие этого в современном образовании не мог не возникнуть ряд проблем, связанных с одной стороны с получением, аутоpепликацией и редукцией большого количества информации, особенно информации образной, а с другой стороны с сокращением времени на анализ множества получаемых данных. Представляется, что осмысление этих вопросов возможно лишь с междисциплинарных позиций, включая социально-философский, социально-психологический, эдукологический, технико-философский, и другие подходы.

По всей вероятности, отправной точкой анализа процесса влияния (взаимовлияния) ИКТ на образовательное пространство [1] должна быть попытка ответить на вопрос: что дают эти технологии образованию? К сожалению, и в научной литературе, и в публицистике достаточно трудно найти точки зрения, которые отражали бы диалектику этого весьма сложного и многоуровневого явления. С момента появления первых персональных компьютеров и особенно с возникновением и развитием Интернета ИКТ объявляются то универсальной образовательной средой, то (не столь часто) подвергаются резкой критике с позиций социальной технофобии. (В то же время в уже сложилось целое социально-философское направление, рассматривающее влияние информатизации на

общество и находящее отражение в работах М. Кастельса, Н. Лумана и др.).

Неоднозначность восприятия ИКТ в образовательной среде может быть объяснена тем, что образование – достаточно консервативная и инертная в социальном плане область. По сравнению с другими сферами деятельности информационные технологии пришли в образование позднее и были изначально встречены с большим энтузиазмом скорее чиновниками, а не практикующими педагогами. К настоящему времени информатизация образовательного пространства стала свершившимся фактом, и именно поэтому можно стало возможным дать оценку эффективности этого процесса. Необходимость же такой оценки обусловлена тем, что не смотря на всё больший прогресс ИКТ в образовании нельзя не признать, что качество самого образования не улучшилось. Если же говорить об уровне знаний выпускников практически любых (школа, колледж, вуз) учебных заведений, то в современном образовании наблюдается его падение. Это не только не секрет, но и является темой многочисленных публикаций, как чисто научного плана, так и множества популярных газетных и журнальных статей и обсуждений на телевидении [2, 3]. Иными словами нельзя не признать, что ИКТ не оправдали в полной степени тех ожиданий, которые на них возлагали как на современное средство, способствующее выводу образования на качественно новый уровень. С другой стороны информатизация всей жизни современного общества привела к тому, что не только молодёжь, но и более старшее поколение, в том числе и представители педагогического сообщества, за последние годы овладели ИКТ и стали их уверенными пользователями. Именно это обстоятельство, а не различные (по большей части административные) организационно-методические мероприятия обеспечило широкое и уверенное применение ИКТ в учебном процессе. Иными словами можно констатировать, что произошла адаптация ИКТ к уровню обыденного сознания. Сами ИКТ постепенно заняли вполне определённое и логичное место в системе образования как одно из эффективных технических средств, позволяющих легко извлекать значительные массивы информации, осуществлять коммуникацию и обсуждение, касающееся этой информации между участниками учебного процесса и визуализации как самой информации, так участников учебного процесса. То есть образовательное пространство, вобрав в себя ИКТ, стало неотъемлемой частью информационного общества.

При рассмотрении информационного сегмента в образовании нельзя уклониться от ответа на вопрос о положительных и отрицательных сторонах применения информационных технологий, то есть где ИК – технологии действительно дают эффект в повышении уровня образования,

а где этот эффект является мнимым. Можно предположить, что неумение учащихся в с максимальной отдачей разобраться с тем, что им предлагает технический прогресс в средствах обучения, и компьютерная техника в частности, имеет непосредственную связь со сложностью ориентации в том колоссальном информационном потоке, в который они погружаются, используя ИКТ. Давно известно, что информация может быть избыточна (например, визуальные эффекты во время занятий сначала привлекают, но затем рассеивают внимание) и эта избыточность приводит к сбою в работе оператора с конкретным информационным массивом. В школе (и средней, и высшей) большинство преподавателей требует от обучаемых максимального количественного усвоения знаний по своему предмету, привлекая для этого ИКТ. Количество сведений увеличивается, но их закрепления и осмысления не происходит (время обучения лимитировано). Из-за этого «механизм фильтрации» знаний не образуется, а возникает «механизм отсечения» их от общего информационного потока как избыточных, хотя в число таких отброшенных знаний могут войти действительно нужные, а в число закреплённых – второстепенные. Студент (школьник-старшеклассник) надеющийся на ИКТ как на главное и (как ему кажется) универсальное средство и получения знаний, и оформления отчётности по изучаемому материалу, чаще всего не выдерживает соблазна утилитарного использования своего компьютера при выполнении различных заданий и выхватывает материал по ключевым словам без должного анализа. Естественно, что такая «методика» далеко не гарантирует приобретение действительно тех знаний, которые составляют компетентностную основу интеллектуального багажа и суммы прикладных умений и навыков. Более того, в эпистемологическом плане возникает разрыв между этими двумя уровнями знания – теоретическим и прикладным.

Именно вопрос о соотношении теоретического и прикладного остаётся одним из основных вопросов при формировании учебных программ любого уровня при использовании ИКТ (с учётом специфики каждой предметной области). Кроме того при внедрении ИКТ у представителей любой заинтересованной группы возникает соблазн максимально заменить практику (да и теорию) компьютерным моделированием, что для любого халтурщика от образования достаточно выгодно. При таком подходе возникает феномен отложенной ответственности, что отрицательно сказывается не только на образовании, но и замедляет развитие информационного общества в целом.

Литература:

1. Твердынин, Н.М. Технознание и техносоциум: взаимодействие в образовательном пространстве / Н.М. Твердынин. – М.: Социальный проект, 2009.

2. Утенышев, А.Н. Применение ИКТ для демонстрации межпредметных связей в средней и высшей школе / А.Н. Утенышев, С.В. Корнвалихин // Информационно-коммуникационные технологии в подготовке учителя физики и технологии. Материалы шестой Всероссийской научно-практической конференции. – Коломна: Московский областной социально- гуманитарный институт, 2013.

3. Турбовской, Я.С. Каким быть будущему учителю. Концепция высшего профессионального педагогического образования / Я.С. Турбовской // Школьные технологии. – 2003. – №2.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

А.А.Титовец, г. Минск, Беларусь

Системная социокультурная трансформация постсоветского пространства затронула и научно-образовательный сегмент, подвергнув пересмотру не только идеологическую составляющую комплекса гуманитарных дисциплин, но и казавшуюся незыблемой учебно-методическую сторону образовательного процесса. Так, например, сокращаются должности работников методических отделов и учреждений; снижается объем учебной нагрузки по гуманитарному циклу при очевидном расширении всевозможных форм отчетности; введение практики интегрированных экзаменов и мн. другое, – совершенно чуждое не только советской высшей школе, но и дореволюционной, готовивших прекрасных специалистов.

Отметим, что обоснованность реформирования методики системы образования уже на начальном этапе вызывает ряд вопросов; – так, абсолютно не прописаны стандарты приема экзамена коллективом экзаменаторов: представляется, что преподавателю отказывается в доверии, не говоря уже о том, что подбор самих предметников неизменно эклектичен; да и принцип приоритета одного экзамена относительно другого априори вызывает ощущение явного неравноправия, утрату важности одной из дисциплин. Непосильная психологическая нагрузка возлагается и на студентов, которые вынуждены одновременно отчитываться по двум абсолютно разным предметам. В ближайшую сессию автору предстоит прием интегрированного экзамена (философия/психология) у заочников, которым вычитаны одни лишь лекции в объеме 10 часов при отсутствии семинарских занятий и контрольных работ, – иначе нежели профанацией такую ситуацию не назовешь.

При всем этом с преподавателя не снимется обязанность осуществления воспитательной работы со студентами, формирование их мировоззрения на основе патриотических государственных убеждений,

духовно-нравственных ценностей. Но и сами студенты отмечают очевидные противоречия между названными ценностями и ориентацией нашей системы образования на международные стандарты, способствующие «утечки умов» на Запад: синхронизация отечественного образования с Болонским феноменом, акцентированное внимание изучению иностранных языков, ликвидация ряда гуманитарных дисциплин (культурологии, религиоведения, этики и пр.), которые давали знания о смыслах духовной культуры нашего народа.

Таким образом, на данном этапе явно определился технократический уклон в системе высшего образования республики, что не способствует формированию сбалансированной, «всесторонне развитой личности». Если разработчики реформы высшей школы ставили перед собой столь же высокие, позитивные цели, то следует констатировать полный неуспех данного процесса. Если же намерения были иными, то цель можно счесть достигнутой…

Тем не менее, сложившуюся ситуацию пока микшируют несколько обстоятельств: во-первых, самоотверженная, практически бескорыстная (учитывая специфические оклады) работа преподавателей, отыскивающих неклассические формы преподнесения учебного материала студентам и, во-вторых, высочайшая мотивация самого студента. Нынешние студенты весьма рациональны и прагматичны, эрудированны и грамотны, дисциплинированы, старательны и ответственны. Однако при всем этом – явно аполитичны, их мировоззрение далеко от миропонимания, эклектично, поверхностно. И в этом проявляется отсутствие системного гуманитарного образования. Многие студенты не скрывают намерения уехать из страны, получив унифицированный по международным стандартам диплом. Так о каком же уважении к Отечеству можно вести речь, когда высшая школа объективно готовит кадры для иностранных государств? Не решает проблему патриотического воспитания и БПРСМ, проводящий довольно странные акции, – например, конкурсы сборки паззлов на тему «патриотизма»; метания мобильников на дальность (вместо их дарения нуждающимся старикам и инвалидам); пропаганду телероликов и плакатов с сюжетами: «БПРСмовцы на Канарах, в Анталии, на Кубе» и др. Результат уже известен: у части молодежи складывается устойчивое неприятие общественно-полезного труда, неуважения к стране и собственному народу, а также к государству. Напомним: это прямое следствие пренебрежения гуманитарными дисциплинами, поскольку преподаватель-гуманитарий как государственный служащий лишен возможности полноценно влиять не только на мировоззрение студента, но и осуществлять учебный процесс.

Несомненно, руководство Министерства образования и самого государства со временем придет к осознанию необходимости возврата к

важнейшим аспектам опыта системы высшей школы СССР, – в частности, усилению потенциала гуманитарных дисциплин и добротного методического обеспечения учебного процесса, ибо экспериментирование в данном случае чревато деструкцией отечественного образовательного комплекса.

Но уже на нынешнем этапе можно несколько смягчить негативные последствия сокращения учебной нагрузки по гуманитарным предметам.

Во-первых, в сложившейся ситуации следует акцентировать внимание студентов на самостоятельной подготовке, используя разнообразные формы работы, которые взаимно должны дополнять друг друга (это и поиск в Интернете; и конспектирование наиболее характерных, актуальных первоисточников; и решение важных проблем, – что в совокупности обеспечивает более глубокое, творческое, неформальное усвоение программы, способствует выработке теоретического мышления, навыков и умения сочетать теорию с повседневной реальностью. При этом необходимо серьезно мотивировать студента оценками, особенно при подготовке ими рефератов. Как правило, студенты охотно принимают условия преподавателя и ответственно выполняют самостоятельные задания.

Во-вторых, необходимо полноценно использовать в учебном процессе ТСО (компьютерные технологии, схемы, иллюстрации, диаграммы). Все это в совокупности позволяет сжато и вместе с тем образно подать учебный материал.

Наконец, в-третьих, весьма эффективна работа в контексте семантики. Автор прежде всего имеет в виду постоянную работу с понятийным инструментарием по философии, поскольку именно здесь в концентрированной форме поданы не только содержание, но и сущность, значения, смыслы объектов, процессов и состояний бытия. При этом разъясняются различные аспекты терминов (этимология, их эволюция, общекультурная ценность и др.). Студенты впервые узнают, что категории философии выражают сложнейшие, сверхчувственные реалии, постигаемые рациональным аппаратом, требующие образно-мыслительной работы, поэтому постоянно пополняют словарь в своих конспектах, повторяют материал. Кроме этого, автор использует в своей практике разработки смысловых конструкций, что позволяет существенно экономить и без того небольшой объем времени. Например, характеризуя специфику философии античности, средневековья, Возрождения и др., внимание студентов акцентируется на принципах космоцентризма, теоцентризма и антропоцентризма. При этом даются пояснения о содержании философских идей, сущности социокультурных процессов, специфических последствиях реализации данных принципов. Материал дополняется схемами, озвучивается в тезисной, дефинитивной форме,

поэтому остается время для примеров. Необходимо особо подчеркнуть, что эмпирической стороной увлекаться не следует, однако и пренебрегать ею нельзя. Практика показывает, что смысловые значения философских идей глубже усваиваются в сочетании с удачной парадигмой; с другой стороны, необходимо самого студента мотивировать оценкой за ответ с использованием примеров, характеризующих ту или иную философскую идею, учение, проблему.

Однако перечисленные приемы все же не решают проблемы дефицита времени на реализацию полноценного учебного процесса и воспитательного общения со студентами.

ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: РОССИЙСКИЙ ДИСКУРС

О.С. Тютина, г. Нижний Новгород, Россия

На порубежье веков Россия вступила в информационное общество, находящееся на этапе становления – формирования собственной «политики».

В работе Karvalics László Z « Information Society – what is it exactly?» представлены многомерные определения искомого явления, где авторы (или один?) предлагаемых терминов пытаются отразить кардинальные изменения в различных сферах социума дающие право именовать весь период информационной эрой. «Some are centred around resources, others around products, or industries, or activities, or society» [1].

В данной работе предпринимается попытка освещения религиозно мировоззренческого сектора современной эпохи, связав воедино информационное общество и процесс десекуляризации, все более актуализирующийся в условиях современной России.

В качестве «терминологического эталона» используется определение десекуляризции используемое П. Бергером. Согласно мнению австрийского теолога под последней следует понимать «возрождение религии и ее социетального влияния в ответ на секуляризацию». [2].

Отечественный исследователь данной проблематики В. Карпов несколько расширил тематические рамки вышеописанного феномена, определяя десекуляризацию как: «процесс контрсекуляризации, в ходе которого религия восстанавливает свое влияние на общество в целом, реагируя на предшествующие и / или сопутствующие секуляриационные процессы». Десекуляризация по Карпову включает: a) сближение между ранее секуляризованными институтами и религиозными нормами, как формального, так и неформального порядка; (b) возрождение религиозных верований и практик; (c) возвращение религии в публичное пространство (деприватизации); (d) возвращение религиозного содержания в различные культурные подсистемы, включая искусство, философию и литературу, а

также снижения статуса науки по отношению к возрождающейся роли религии в деле миропостроения и мироподдержания; (е) связанные с религией изменения в субстрате общества (в том числе, религиозно обусловленные демографические изменения, переопределения территорий и их населения по религиозному признаку, восстановления связанных с верой материальных структур, увеличения доли связанных с религией товаров на общем экономическом рынке и т. д.). [3]. Религиозное возрождение, происходящее в России, по мнению автора, является «очевидным случаем десекуляризации потому, что оно имеет место как реакция на принудительную секуляризацию при коммунизме».[3].

Российский историк церкви А. Кыржелев настаивает на том, что «постсекулярные процессы идут не столько против процессов секуляризации, сколько параллельно последним». [4]

Религиовед А. Шишков в своей статье вводит такое понятие как «советская секуляризация». Автор отмечает такие черты дефиниции как: «гиперприватизацию» религиозной жизни социума, в виде вытеснения религиозной составляющей из частной жизни гражданина, и как следствие ее уход в «тайную частную жизнь» и «дистилляцию религиозного сознания»: изолированность от «представлений, ценностей и мотиваций, характерных для других секторов культурно-общественной жизни»[5].

В качестве характеристик религиозной составляющей информационной эры, отечественными исследователями выделены следующие аспекты.

- прямопропорциональная зависимость между «чистотой» учения и наличия жесткой догматики внутри последнего.

«Чем более “чистую” форму являет собой секта, тем меньше в ней догматически определенного, и, наоборот, чем более “чистую” форму являет собой церковь, тем боле жестко, догматически определены ее учение и организация»[6];

- естественный процесс «обмирщения» действующих религиозных институтов, взаимопроникновение светской и духовной культур.

« ”обмирщение” естественный процесс, указывающий на то, что религиозная и светская сферы, приходя в соприкосновение, начинают влиять друг на друга» [5];

- субьективный характер отношений между религией и человеком, усиление эмпирическо-чувственного начала в мировоззренческом поле.

«Религиозная жизнь …становится все более субъективной, не столько конкретной рациональной целью, сколько средством достичь некоего пик-переживания»[7];

- наличие религиозного синкретизма у приверженцев различного рода вероучений, столкновение толерантности, как неотъемлемой части

информационного общества и традиционализма, как основополагающего признака религиозного сознания.

«Религиозное сознание человека информационного общества синкретично, оно представляет собой смесь религиозных представлений всех эпох и народов; оно не соборно: в каждой якобы верующей голове свой особый "коктейль" одним из основных противоречий современной эпохи можно считать противоречие между толерантностью, формируемой информационной средой, и сохраняющимися императивами поведения, выработанными тысячелетиями традиционализма» [8];

- тенденция к теизму, в самом широком понимании последнего.

«Храм веры информационного общества может быть только Пантеоном, то есть храмом всем богам, всех разноверующих в единого Бога».[8].

Исходя из вышеизложенного можно говорить о том, что процесс десекуляризации в России своими хронологическими рамками совпал со временем перехода к новому типу общества: от общества постиндустриального к обществу информационного образца. Данный факт обусловил ускоренный характер десекуляризационных процессов, которые получили широкое медийное канализирование. В условиях ломки советских атеистических начал с одной стороны и построений общества нового формата с другой, религиозно-мировоззренческое состояние современной России являет собой достаточно пестрое, нестабильное образование с глубоко растущими причинными корнями и далеко идущими мировосприятийными планами.

Литература:

1. Karvalics, László Z. Information Society – what is it exactly? (The meaning, history and conceptual framework of an expression) / László Z. Karvalics. – Budapest, March-May, 2007.

2. Berger, P. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / P. Berger. – Washington, DC: Ethic and Public Policy Center, 1999.

3. Карпов, В. Концептуальные основы десекуляризации / В. Карпов // Государство, религия, церковь. – №2(30) – 2012.

4. Кырлежев, А.И. Секуляризация и постсекулярное общество / А.И. Кырлежев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bogoslov.ru/text/1314267.html – Дата доступа: 1409.2013).

5. Шишков, А. Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России / А. Шишков // Государство, религия, церковь. – № 2 (30). – 2012.

6. Фурман, Д. Религия и социальные конфликты в США / Д. Фурман. – М.: Наука, 1981.

7. Носов, И.И. Информационное общество: царство разума или шлобальная секта? / И.И. Носов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ni-journal.ru/archive/2005/n2_05/religion2_05/anosov2_05/ – Дата доступа: 13.09.2013)

8. Баранников, В.П. Динамика религиознсти в информационном обществе / В.П. Баранников, Л.Ф. Матронина // Социологические исследования – № 9. – 2004.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ “ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗУКОРЕНЕННОСТИ”

В.А. Уткевич, г. Витебск, Беларусь

В настоящее время достаточно широкое распространение получило мнение, что одним из важнейших позитивных последствий процесса глобализации является увеличения степени реальной свободы как для всего человечества в целом, так и для каждого из конкретных индивидов. На наш взгляд, данное утверждение может считаться истинным в рамках лишь некоторых концептуальных представлений о свободе. Например, таких, которые получили свое широкое развитие в работах представителей атеистического экзистенциализма, и в первую А. Камю и Ж.-П. Сартра. Так, например, Сартр, описывая сущность человека, указывает на то, что его свобода, детерминирована отсутствием Бога. Из данной предпосылки он делает вывод о том, что «мы не имеем перед собой никаких моральных ценностей или предписаний, которые оправдывали бы наши поступки. Таким образом, ни за собой, ни перед собой – в светлом царстве ценностей – у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что я выражаю словами: человек осужден быть свободным» [1, с. 327].

Естественно, что данная свобода индивида в рамках атеистического экзистенциализма должна носит всеобъемлющий характер, а, следовательно, и распространяться на всю его совокупность социальных связей и отношений. В традиционном же обществе абсолютное большинство людей не желали быть свободными от этого общества. Более того они боялись такой свободы. И дело не столько в том, что люди чувствовали страх остаться в одиночестве. На самом деле, более важным являлось то, что данная свобода воспринималась ими как результат утраты укорененности в почву родной земли, в социальную Традицию, пронизывающую весь хронотоп не только их собственного бытия, но и бытия их предков и потомков.

Отметим, что речь в данном случае не идет о простом уничтожении всех социальных связей индивида. В конце концов, человек, покинувший свою землю и лишившийся своей укорененности, может достаточно

быстро обрести новые связи, а вместе с ними и новый общественный статус. Однако, как считал выдающийся норвежский писатель Кнут Гамсун, все эти изменения, как правило, не пойдут ему на пользу. В своей статье «К крестьянину», он призывает главу семейства забрать свою юную дочку Хану из города, в котором она лишняя и вернуть ее к традиционной крестьянской жизни.

Конечно, сама Хана считает, что она уже многого достигла за те несколько лет, проведенных вне родной земли. «Только она глубоко заблуждается, – подчеркивает Гамсун, – ничего она не достигла. У нее были хорошие задатки, но она их растеряла. Она могла бы работать по дому, в саду или огороде, ухаживать за скотиной, но она уехала в город, «выучилась» и за ничтожное жалование обосновалась за прилавком. Вот там и стоит теперь наша Хана, с каждым месяцем теряя свою природную красоту, напялив жесткий корсет, в туфлях на высоких каблуках – настоящая кукла, набитая опилками» [2, с. 407].

Последствием утраты укорененности могла стать не только описанная норвежским писателем «социальная беспризорность», но и утрата самой жизненной энергии бытия, то есть того, что древнегреческий философ Аристотель назвал бы душой как первой энтелехией естественного тела. Отметим, что в данном случае утрата воспринималась многими людьми в первую очередь не в качестве метафизической потенциальной возможности, а именно как вполне реальный, носящий зрительно осязаемый характер, феномен. Именно о нем говорил Кнут Гамсун в своем романе «Плоды земли», описывая состояния одного из своих героев Элесеуса, покинувшего свой родной хутор в поисках «лучшей» жизни в городе. «На этом молодом человеке, – отмечал писатель, – словно лежит печать несчастья и обреченности, его словно поразила порча. Уж лучше бы добрый окружной инженер не обратил на него внимания в детстве и не забрал с собой в город, чтоб сделать из него человека; должно быть, у мальчика подрезали корни, и он зачах» [2, с. 316].

Необходимо подчеркнуть, что негативное отношение к сартровской идеологии экзистенциальной свободы человека в традиционном обществе сопровождалось и вполне реальными конкретными делами по всемерному недопущению ее массового распространения. В современном глобализирующем мире положение дел радикально изменилось. Конечно, с видимыми проявлениями глобализации люди сталкиваются ежедневно, покупая, например, товары, произведенные в различных странах мира или слушая песни, популярные на всех континентах Земли. Однако не в этой всемирной унификации всех сторон обыденной человеческой жизни заключается онтологическая сущность феномена глобализации. Главное в этом феномене – процесс уничтожения всего особенного, индивидуально-

национального в духовной сфере. Причем речь идет, отнюдь не о гегелевском диалектическом отрицании старого путем органического включения его в новое. Речь идет именно о полном и безвозвратном уничтожении того, что было накоплено отдельными народами в ходе всего их исторического развития. Таким образом, возникла вполне реальная угроза исчезновения всех народов, ибо уничтожению подлежат все национальные Традиции, то есть историческая преемственность поколений, благодаря которой и существует каждый народ.

Безусловно, что данная угроза возникла не в нынешнем столетии. О ее опасности писал еще немецкий философ Мартин Хайдеггер. По его мнению, в настоящее время «под угрозой находится сама укорененность сегодняшнего человека. Более того, потеря корней не вызвана лишь внешними обстоятельствами и судьбой, она не происходит лишь от небрежности и поверхности образа жизни человека, утрата укорененности исходит из самого духа века, в котором мы рождены» [3, с. 106]. Сам, Хайдеггер считал, что важнейшее значение в данном процессе играет негативная деятельность средств массовой информации. Именно с их «помощью» люди забывают свое родное, стараясь активно «приобщаться» ко всему чуждому для них, ко всему тому, что уже сегодня ближе человеку, чем пашни вокруг его двора, чем небо над землей, ближе чем смена ночи днем, чем обычаи и нравы его села, чем предания его родного мира» [3, с. 105 –106]

Необходим отметить, что такая разукорененность в наибольшей степени касается молодежи. И в первую очередь речь в данном случае идет о студенческой молодежи. На наш взгляд, именно студенческая молодежь, как правило, не в состоянии самостоятельно противостоять негативным проявлениям глобализации. Причиной, на наш взгляд, является широко распространенная в сфере высшего образования неверная методическая установка на овладение духовного богатства, накопленного всем человечеством в процессе его исторического развития всего человечества.

Однако каждый человек по своей сущностной природе ограничен во всех отношениях. Такое утверждение справедливо и по отношению к любому народу. Вот почему духовные силы народа должны быть не делокализованы, а сосредоточены на национальной Традиции. Следовательно, весь образовательный процесс должен быть построен таким образом, чтобы молодежь учили в первую очередь своему, родному. Дело в том, что только лишь прикипев сердцем к родному, при желании можно плодотворно изучать чужое.

В заключение отметим, что если применить вышесказанное к ситуации в нашей стране, мы увидим, что, на наш взгляд, проводимая Республикой Беларусь многовекторная политика ни в коей мере не мешает укорененности белорусского народа в свою духовную традицию. Тем

более сказанное относится к нашим взаимоотношениям с Россией. Как неоднократно подчеркивал в своих выступлениях А.Г. Лукашенко, белорусы и русские – это единый народ. Соответственно, у нас существует и единая духовная традиция, верность которой является самым действенным средством противостояния негативным последствиям процесса глобализации.

Литература:

1. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989.
2. Гамсун, К. В сказочном царстве. Путевые заметки. Статьи. Письма: Сборник / К. Гамсун. – М.: Радуга, 1993.
3. Гамсун, К. Плоды земли / К. Гамсун // Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М.: Худож. лит., 1996.
4. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М.: Высшая школа, 1991 .

РОЛЬ МЕТОДА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРИАНГУЛЯЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

О.И. Уткевич, г. Витебск, Беларусь

Проблема национального самоопределения возникла одновременно с появлением наций, но наибольшую свою актуальность она получила в последнее время в связи с интенсивным развитием феномена глобализации. Кроме того, после распада Советского Союза и некоторых других социалистических стран появился ряд новых государственных образований. Причем государственность в качестве «титульной нации» получили как народы обладающие богатым историческим опытом ее формирования, так и некоторые народы, такого опыта не имеющие. Целью нашей работы как раз и является анализ одного из основных методов разрешения проблемы национального самоопределения в условиях изменившихся исторических реалий.

Предварительно необходимо отметить, что сам исходный термин «триангуляция» (от латинского слова «triangulum» – треугольник) первоначально был использован для описания одного из широко распространенных способов определения положения на местности геодезических пунктов, сущность которого заключается в построении на местности систем смежно расположенных треугольников, вершинами которых служат определяемые пункты.

На наш взгляд, тот метод, который в явной или неявной форме всегда использовался для национального самоопределения, во многом аналогичен методу, используемому в геодезии. Данная аналогия правомерна благодаря тому, что каждый народ объективно вынужден

реализовывать свое социально-историческое бытие в ограниченных рамках «социальной местности», которую можно назвать «пространственно-временным континуумом национально-культурного бытия». Однако последний, по отношению к пространственно-временному континууму всей человеческой истории, можно рассматривать в качестве некоторой исторической точки, обладающей своими собственными координатами. Причем определение подлинных, безусловно, не географических, а культурно-исторических координат своего нахождения в человеческом универсуме, велось посредством предварительного построения некоторого социодинамического треугольника, одной из динамических вершин которого является культура своего народа.

Две другие вершины носят статический характер и представляют собой идеальные модели двух противоположных типов культур: сотериологического (от древнегреч. ‘soteria’ – спасение) и эвдемонического (от древнегреч. ‘eudemonia’ – счастье). На основе сравнительного культурологического анализа вершин полученной «геометрической» фигуры и происходит определение собственных координат в пространственно-временном универсуме человеческого бытия. Таким образом, на наш взгляд, логично (конечно, с определенной долей условности), назвать описанный метод «социально-культурной триангуляцией».

Этот метод на практике может применяться в различных своих формах. Во-первых, в форме «горизонтально вырожденного треугольника». Данная геометрическая фигура, по существу, представляет собой отрезок, концы которого соответствуют положению идеальных моделей сотериологического и эвдемонического типов культуры, а середина соответствует реальному состоянию культуры собственного народа. Таким образом, собственное бытие рассматривается в рамках динамического феномена своеобразного синтеза указанных культурных типов. Однако, на наш взгляд, подобного рода синтез в принципе не может привести к созданию новой самобытной культуры. Дело в том, что он ведется по горизонтальной оси, и в философском отношении не будет иметь ничего общего с классической гегелевской триадой «тезис – антитезис – синтез», а будет представлять собой чисто формальное объединение двух противоположностей. Соответственно, он и не может обладать никакими принципиально качественно новыми, исключительно индивидуальными чертами по отношению к тезису и антитезису. Более того, результат скорее всего окажется нулевым, подобно тому как это происходит при столкновении частицы и античастицы.

Во-вторых, возможно использование аналогии с равносторонним треугольником. Вершины геометрической фигуры в этом случае соответствуют положению собственной культуры и двух других

идеальных типов культур. На первый взгляд может показаться, что такая форма позволяет осуществить диалектический синтез гегелевского типа, что приведет к построению качественно уникальной национальной культуры. Однако необходимо понимать, что данная конструкция носит достаточно неустойчивый характер. Дело в том, что существует реальная возможность не диалектического синтеза, а многократного перехода всего народа (или, по крайней мере, его интеллектуальной элиты) с одной социально-культурной модели развития на другую. Обычно это происходит под воздействием одного из каких-то важнейших исторических факторов. Для нейтрализации данной негативной возможности необходимо ввести в систему еще один сущностный элемент, который, по нашему мнению, можно назвать «телеологической вертикальной осью развития». В основе этой оси должна лежать укорененность народа в собственную национальную традицию понимания смысла своего земного бытия. Таким образом, собственное национальное самоопределение будет представлять собой суперпозицию диалектического синтеза двух противоположных идеальных типов культур и своей индивидуально неповторимой телеологии.

Отметим, что мы исходим из идеи принципиальной возможности синтеза в реальной жизни народа элементов сотериологической и эвдемонической культур. Причем во все времена на практике данный синтез носил характер относительного доминирования одного из этих типов. И только лишь с распространением феномена глобализации происходит полное вытеснение сотериологической культуры при абсолютизации эвдемонической, которая во многом была порождена западной цивилизацией. Однако если в эпоху Ренессанса речь шла лишь о изменении направления доминирования (с сотериологического на эвдемоническое), то в настоящее время «западная цивилизация есть не что иное, как стремление к абсолютной полноте наслаждения *сокровищами на земле.* И так называемый прогресс – отыскание все более совершенных средств к овладению такими *сокровищами*» [1, с. 5].

Подчеркнем, что в рамках феномена глобализации исследование процесса национального самоопределения с помощью метода социально-культурной триангуляции может проводиться только лишь на основе «вертикально вырожденного треугольника». В этом случае мы имеем дело с таким отрезком, нижний конец которого соответствует положению сотериологической культуры, а верхний – эвдемонической. Причем в этом случае все сотериологическое будет отождествляться с исконно враждебной силой, злом, уничтожающим саму потенциальную возможность развия собственной национальной культуры. «Ведь если не мудрствовать лукаво, – отмечал М. М. Дунаев, – то всякий из нас понимает под добром то, что так или иначе споспешествует достижению

сознаваемой нами цели бытия. Под злом – то, что препятствует такому достижению. И если кто-то ставит перед собой исключительно материальные цели (собирание сокровищ на земле), то все духовное станет лишь мешать ему и восприниматься как зло» [1, с. 5].

В заключение отметим, что метод «вертикально вырожденного треугольника» находит свое теоретическое обоснование в концепции так называемых общечеловеческих ценностей. Однако как показано в работах многих выдающихся отечественных (Н. Я. Данилевский, И. А. Ильин, И. А. Солоневич) и зарубежных (А. Дж. Тойнби, О. Шпенглер) мыслителей, такие ценности – своего рода химера. Следовательно, стремление к собственному национальному самоопределению на основе чисто умозрительной конструкции, представляет собой дорогу в пустоту, никаким образом не связанную с социально-культурным континуумом человеческого бытия. Широкое распространение такого метода представляет собой результат и продукт глобализации, он не позволит народу выявить подлинные духовно-исторические координаты своего нахождения в человеческом универсуме. Единственной позитивной формой применения метода социально-культурной триангуляции является исследование на основе модели равностороннего треугольника, дополненного телеологической вертикальной осью развития.

Литература:

1. Дунаев, М. М Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках / М.М. Дунаев. – М.: Изд.совет РПЦ, 2003.

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В.Н. Ухванов, г. Минск, Беларусь

Несколько более года назад в газете «Известия» была опубликована статья Президента Республики Беларусь, содержавшая, среди прочего, замечания, касающиеся проблематики интеграционных процессов на европейском пространстве. В ней отмечается, что в ситуации, когда смена биполярного мира на сбалансированный множественностью центров влияния многополярный мир так и не произошла, перед государствами, подобными Беларуси, встают принципиально важные вопросы, касающиеся выбора ориентиров развития, стремления добиться уважения и реализации своих законных интересов [1].

Симптоматично, что этот же аспект проблемы оказался год спустя в фокусе внимания и в Европейском союзе (ЕС). Так, в представленном в сентябре 2012 г. ежегодном послании Председателя Европейской комиссии (Комиссии) Ж.М. Баррозу Парламенту ЕС "О положении в объединении" содержится констатация весьма важного геополитического феномена: в 20-м веке страны с населением в 10 или 15 миллионов человек

вполне могли быть мировой силой, но в 21-м веке даже самые крупные европейские страны рискуют затеряться между глобальными гигантами, такими как США или Китай [2].

Своеобразие геополитического расположения Беларуси, находящейся на стыке двух интеграционных объединений, наличие масштабных торгово-экономических отношений со странами, расположенными к западу от территориальных границ нашего государства, придает существенное значение не только вопросам взаимодействия со странами ЕС. Представляется важным осознавать, с какого рода проблемами сталкивается в настоящее время ЕС, и каким образом предполагается их преодолевать. Анализ данной проблематики интересен и важен в прогностическом плане. Изучение специфики современных кризисных явлений в ЕС и предлагаемых вариантов их разрешения может подсказать схемы решения задач дальнейшего углубления интеграции в рамках Единого экономического пространства.

В послании Комиссии Европарламенту констатируется наличие комбинации крупнейших за всю историю Евросоюза проблем: финансово-экономического кризиса и отсутствия доверия. Обе эти проблемы, дополняя, усугубляют одна другую. Одной из основных причин возникновения долгового кризиса явилась недостаточная интеграция между странами-членами ЕС в налоговой сфере. Допускавшиеся рядом государств еврозоны чрезмерные расходы стали возможными благодаря легкому доступу к дешевым займам. В итоге долговая нагрузка выросла до критических величин. Последние данные показывают значительное превышение уровня в 80% ВВП совокупного государственного долга стран еврозоны. В наиболее кризисной стране зоны Евро этот показатель осенью 2012 г. достиг 187%. Примечательно, что установленные Маастрихтским (1992 г.) договором критерии присоединения стран к Европейскому валютному союзу (ЕВС) устанавливали потолок государственного долга на уровне менее 60%.

Анализ причин возникновения современного финансово-экономического кризиса показывает, что в его основе лежит недостаточный уровень интеграции между странами ЕС, входящими в ЕВС. Монетарная интеграция, не дополненная налоговой интеграцией при отсутствии централизованного контроля над долговой политикой (соотношением доходов и расходов) несла в себе существенные риски, которые, в конце концов, проявились в глубоком кризисе еврозоны.

Используя терминологию синергетики, нынешнее состояние ЕВС и ЕС в целом, несомненно, можно описать, как нахождение в точке бифуркации. Еврозона в нынешнем ее состоянии находится на перепутье. Альтернативой вполне возможной дезинтеграции может стать только переход на новый, более высокий уровень интеграции. Именно такое

предложение было сформулировано в упомянутом послании Комиссии Парламенту ЕС: Европа должна развиваться как федерация национальных государств.

Исходя из предлагаемого Комиссией механизма преодоления нынешнего кризиса, предложение о переходе на более высокий уровень интеграции представляется логически вполне обоснованным и включает пакет антикризисных мер из трех взаимосвязанных инициатив.

Первое предложение касается усиления финансовой дисциплины. Решение данной проблемы видится в упрощении процедуры взимания штрафов с государств, допустивших порог установленного в ЕС странового бюджетного дефицита. Государство, превысившее должно будет выплатить в бюджет ЕС сумму, равную 0.5% ВВП этого государства.

Вторым предложением предусматривается введение единого налога на финансовые операции во всех странах ЕС и централизованное определение минимальной ставки налогообложения. При этом каждое государство могло бы, исходя из специфики внутренней ситуации, самостоятельно регулировать уровень указанной ставки в сторону ее увеличения.

Третьим и одним из наиболее скептически воспринимаемых предложений Комиссии является выпуск облигаций, единых для всех государств еврозоны. Введение таких унифицированных ценных бумаг может позволить предотвратить спекуляции, связанные с существующими в настоящее время страновыми различиями в регулировании стоимости выпускаемых национальными государствами ценными бумагами.

Понятно, что реализация предлагаемого Комиссией плана выхода из финансово-экономического кризиса требует нового уровня делегирования полномочий национальных правительств наднациональным структурам ЕС. Темп движения в обозначенном направлении не может быть сверхбыстрым, поскольку правовые основы ЕС предусматривают достаточно сложную, но практически обоснованную процедуру согласования предложенной программы государствами, которых она касается, включая, если это потребуется, изменение базовых документов ЕС.

Предложение Еврокомиссии о переходе на более высокий уровень интеграции требует не только изменения договоров ЕС. Для практической реализации плана может потребоваться внесение изменений в национальные конституции части государств ЕС, что может оказаться не только сложным, но политически невозможным не только в настоящее время, но и до 2014 года, который обозначен Комиссией в качестве критически важного рубежа в предлагаемом плане выхода из кризиса.

Содержащееся в докладе Комиссии Парламенту ЕС замечание о том, что объединение должно стать не наднациональной супердержавой, а демократической федерацией европейских наций вряд ли может успокоить евроскептиков. Поэтому ближайшие год-два могут стать критически важными в жизни ЕС.

События ближайшего времени должны показать, станет ли предложение о федерализации ЕС тем аттрактором, который позволит превратить весьма амбициозный проект преодоления кризиса через выход на новый интеграционный уровень, либо возобладает дезинтеграционная тенденция. И тот, и другой варианты развития представляют не только значительный научный, но вполне практический интерес для Республики Беларусь, имеющей, несмотря на определенные трудности, масштабные взаимосвязи с государствами ЕС, и включающейся в масштабные интеграционные проекты на постсоветском пространстве. Так, принимая в начале октября сего года верительные грамоты послов некоторых западноевропейских стран, Президент Республики Беларусь отметил общую ответственность за будущее Европы и готовность нашей страны активно взаимодействовать с европейскими государствами в интересах процветания и безопасности всего континента [3].

Литература:

1. Лукашенко, А.Г. О судьбах нашей интеграции / А.Г. Лукашенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/504081

2. European parliament. Debates. 12 September 2012 – Strasbourg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20120912+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=EN

3. А.Г. Лукашенко призывает Евросоюз отказаться от бессмысленного давления на Беларусь, 5 октября 2012 года // Политика. БЕЛТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.mail.ru/inworld/belorussia/politics/10483480/

ДРУЖБА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

О.Н. Фаблинова, г. Минск, Беларусь

Научно-технический прогресс вносит свои корректировки в жизнь индивида: сегодня ее уже невозможно представить без Интернета, основным пользователем которого выступает молодежь. Как следствие широкого использования молодежью Интернет-технологий в повседневной жизни одной из отличительных тенденций социализации в информационном обществе можно назвать нарастающее проявление ее стихийности, неуправляемости.

Не ставя перед собой целью изучение всего спектра существующих в социологической науке подходов к феномену социализации, отметим сложившееся общее ее понимание как совокупности взаимосвязанных между собой процессов, направленных на усвоение социальных ролей, образцов поведения, норм, ценностей, смыслов культуры и т.д., необходимых для успешного развития и функционирования личности в обществе.

Традиционно важным агентом социализации молодежи (особенно – в досуговом пространстве) во все времена выступает группа сверстников. Дружба занимает одно из лидирующих мест в списке молодежных ценностей: по данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, на вопрос о том, насколько для респондента важен ряд ценностей, 75,3% респондентов из числа молодежи в 2009 году назвали таковой ценность «дружбы, любви» [1].

При более жесткой формулировке вопроса, а именно – «Как бы Вы ответили на вопрос, ради чего Вы живете?», – дружбу как вариант ответа выбирают, начиная с 2006 года, приблизительно 35-40% молодежи: ноябрь 2006 года – 35,2% опрошенных из числа молодежи, ноябрь 2007 года – 39,0%, ноябрь 2008 – 34,6%, апрель 2010 года – 34,5%, октябрь 2011 года – 40,4% (данные мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси).

Однако широкое использование молодежью Интернета и социальных сетей приводит к трансформации понятия дружбы и друзей. Ряд авторов уделяли внимание в своих работах данной проблематике: о многообразии понимания дружбы в социальных сетях писали Б. Бойд [2], С. Лонг, В. ван дер Хейд, А. Лэнгвел, Дж. Вальтер [3, с. 531-549], о появлении нового типа взаимоотношений – «смешанных взаимоотношениях» (то есть отношениях, которые возникают в реальной жизни на основе первоначального Интернет-знакомства и наоборот) – Дж. Вальтер и М. Паркс [4,с. 529-563]. По мнению американского экономиста У. Хака, социальные сети приводят к «тощим отношениям», к нивелированию ценности дружбы как таковой (друзьями стали называть людей, с которыми можно просто поделиться каким-либо Интернет-контентом) [5]. О кризисе дружбы также заявляет американский философ М. Вернон [6]. Изменение понимания дружбы даже нашло закрепление в грамматике английского языка: слово «friend» (друг) помимо существительного начало выступать в качестве глагола «friend» (добавлять кого-то в список контактов в социальных сетях) [7]. Использование белорусской молодежью англицизмов, производных от «friend», – также довольно распространенное явление: зафрендить/ зафрендовать (добавить в список друзей в социальной сети), френд (пользователь социальной сети,

добавленный в список друзей), френдлента (лента с записями «френдов»), отфрендить/ расфрендить (удалить из френдленты), френдование/ зафренживание (добавление во френдленту). Таким образом, можно говорить об изменении Интернетом понимания сущности такого агента социализации как друзья/

В связи с этим представляется интересным понять, как сама молодежь воспринимает влияние Интернета на дружбу. Исследование «Особенности потребительских знаний, предпочтений и поведения», проведенное «ЦСБТ САТИО» совместно с автором (август-сентябрь 2012 года, метод – телефонный опрос, объем выборки – 1000 респондентов в возрасте 18-60 лет, из них молодежи – 384 респондента; территориальный охват – г. Минск, областные центры, города с численностью населения 100 000 человек и более), показало, что 21,0% респондентов из числа молодежи оценивают влияние социальных Интернет-сетей на дружеские отношения как позитивное, 39,2% – как негативное. Аналогичные результаты были получены и при опросе респондентов из числа аспирантов Национальной академии наук (май-июнь 2013 года, выборка – сплошная, объем выборки – 262 респондента): 28,3% опрошенных оценили влияние Интернета на дружеские отношения положительно, 42,9% – отрицательно. Таким образом, среди молодежи больший процент оценивает влияние Интернета на дружбу негативно. При этом данный факт никак не влияет на популярность Интернета и социальных сетей в молодежной среде (по данным опроса «ЦСБТ САТИО», 94,5% респондентов из числа молодежи пользуются Интернетом, 87,9% – социальными сетями; по результатам опроса аспирантов НАН Беларуси, лишь 1 респондент указал, что не пользуется Интернетом, 82,4% пользуются социальными сетями).

Таким образом, Интернет прочно вошел в жизнь современной молодежи, безусловно, привнося с собой изменения во все сферы жизни индивида, в том числе – в отношения дружбы. Однако важно помнить, что Интернет – лишь средство, от правильного использования которого зависят последствия. В связи с этим особо актуальным представляется вопрос формирования Интернет-культуры, состоящей как из компьютерной грамотности (в частности - Интернет-грамотности), так и ценностных установок, норм и идеалов в области информационных технологий.

Литература:

1. Республика Беларусь в зеркале социологии. Сборник материалов социологических исследований за 2009 год / под общ. ред О.В. Пролесковского [Электронный ресурс]. – Минск, 2009. – Режим доступа: http://iac.gov.by/nfiles/000019_989564.pdf. – Дата доступа: 14.08.2013.

2. Boyd, B. The Many Faces of Online Friendship / B. Boyd // The New ATLANTIS [Электронный ресурс]. – 2006. – Mode of access: http://www.thenewatlantis.com/publications/the-dotcomrade. – Date of access: 14.08.2013.

3. Tong, S.T. Too Much of a Good Thing? The Relationship Between Number of Friends and Interpersonal Impressions on Facebook / S.T. Tong, B. Van Der Heide, L. Langwell, J. Walter // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2008. – № 13.

4. Walther, J. B. Cues filtered out, cues filtered in: Computer-mediated communication and relationships / J. B. Walther, M. R. Parks // Handbook of interpersonal communication/ M. L. Knapp, J. A. Daly (Eds.). - Thousand Oaks, CA, 2002.

5. Haque, U. The Social Media Bubble / U. Haque // Harvard Business Review [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http://blogs.hbr.org/2010/03/the-social-media-bubble/. – Date of access: 14.08.2013.

6. Vernon, M. Is true friendship dying away? / M. Vernon // USA TODAY [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http://usatoday30.usatoday.com/news/opinion/forum/2010-07-27-column27_ST_N.htm. – Date of access: 14.08.2013.

7. Friend // Oxford Dictionaries [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: http://oxforddictionaries.com/definition/english/friend. – Date of access: 14.08.2013.

АТТРАКТОРЫ И СУПЕРАТТРАКТОРЫ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.А. Цымбалюк, г. Минск, Беларусь

Только самые мудрые и самые глупые не поддаются обучению
Конфуций

Актуальность заявленной проблемы обусловлена необходимостью дальнейшего развития современной образовательной среды, конкретно – потребностью в насыщении ее различными образовательными ресурсами, в разработке механизмов реализации развивающих возможностей среды в условиях открытого взаимодействия заинтересованных социальных институтов [1]. Не в последнюю очередь это относится к музыкальной образовательной среде, которую можно трактовать как процесс взаимодействия музыкальной культуры общества с образовательными учреждениями, общественными институтами, педагогическими теориями с целью достижения намеченных обществом результатов в деле музыкального образования школьников.

Озвученные идеи установления общности в подходах к определению компонентного состава, структуры, типологических особенностей и сущностных характеристик различных образовательных сред наталкивают на мысль о синергетическом подходе и к общему музыкальному образованию. Подходе, требующем понимания характера интеграции и упорядоченности элементов музыкального образования в их стремлении к предельному или конечному состоянию музыкально-образовательного процесса, т.е. понимания суператтрактора и аттракторов последнего.

Синергетический анализ современных концепций общего (массового) музыкального образования школьников показывает весьма интересную картину. С одной стороны, суператтрактором или вершиной музыкально-образовательного процесса мыслится сформированная музыкальная культура школьников как часть их духовной культуры и в этом смысле все концепции едины. С другой стороны, путь развития системы «общее музыкальное образование» в разных концепциях видится достаточно разным, т.е. содержание и взаимодействие аттракторов по отношению к суператтрактору существенно отличается. В рамках жанрово-стилевой концепции (М.К. Михайлов, А.Н. Сохор, И.А. Хвостова, В.Д. Юркевич) вариант устойчивого развития системы можно представить как цепочку «историческая ретроспектива стиля – национальная ретроспектива стиля – композиторская ретроспектива стиля – исполнительская ретроспектива стиля – факторы стилеобразования (музыкальные факторы – внемузыкальные факторы) – стили музыкальных направлений – музыкальная культура школьников». С позиций национально ориентированной концепции (Т.В. Саранина) вариант устойчивого развития системы выглядит следующим образом: «трудовые песни – исторические песни – музыкальный фольклор групп – плачи-причитания – современные бардовские песни – понимание национального характера народа – музыкальная культура школьников». Концепция преподавания музыки на принципах развивающего обучения (В.А. Школяр, Е.Д. Критская, Л.А. Школяр) видит образовательную систему как моделирование художественно-творческого процесса – «всеобщее основание единства музыки и жизни – основание, ставшее природой отдельного музыкального жанра или произведения – выращивание необходимого интонационного зерна – обогащение интонационного зерна возможными элементами развития – знакомство с конкретным музыкальным произведением – музыкальная культура школьников». С позиций социокультурного подхода (Б.Д. Кабалевский, Н.А. Терентьева) устойчивое развитие образовательной системы воспринимается следующим образом – «жанровая основа музыкального искусства – музыкальная речь и ее элементы – интонационная природа музыкального искусства – формообразование в музыке – национальная музыкальная

культура – взаимосвязь музыки с другими искусствами – музыкальный образ и музыкальная драматургия – современная музыкальная культура – музыкальная культура школьников».

При всей научно-практической состоятельности и авторитетности обозначенных подходов, следует отметить, что то идеальное конечное состояние, к которому они стремятся (в данном случае – музыкальная культура школьников), будет иметь и уже имеет весьма разное содержательное наполнение – музыкально-историческое, фольклорное, музыкально-творческое, музыковедческое. Логично предположить появление в будущем новых концепций музыкального образования и соответствующих им новых «прочтений» музыкальной культуры школьников, что требует разработки универсальной системы аттракторов общего музыкального образования. На наш взгляд, она должна базироваться на компетентностном подходе.

Масштабный анализ литературы по проблемам музыкального восприятия-мышления, формирования музыкально-исполнительских и музыкально-творческих навыков дает основание выделить три группы компетенций – компетенции, касающиеся освоения школьниками музыкального языка; компетенции, связанные с интерпретацией произведений музыкального искусства; компетенции, центрирующиеся на формировании ценностных установок в процессе учебной музыкальной деятельности школьников (см. таблицу).

Таблица – классификация основных музыкально-образовательных компетенций.

Разновидности компетенций	Условия их успешного приобретения	Формы их воплощения
Освоение музыкального языка	Адекватное восприятие, переживание и осмысление конкретного музыкального высказывания Практическое оперирование элементами музыкальной речи в процессе музицирования и музыкально-творческой деятельности	Осознание феномена «музыкальный язык»: с позиции исторической эпохи; с точки зрения музыкального стиля; в отношении художественной манеры отдельного композитора
Интерпретация музыкального произведения	Развитое музыкальное мышление, воображение, достаточный уровень общей культуры Использование адекватных структуре музыкального	Исполнительская интерпретация музыкального произведения Словесная интерпретация музыки

	объекта методов его анализа Наделение произведения оригинальным значением Развитое эмоционально-оценочное отношение к миру Понимание и практическое овладение смежными с музыкой коммуникативными системами Владение культурой интонирования Интерпретация музыкального образа в контексте общего художественного и жизненного опыта личности Уподобление творческим достижениям мира искусства Способность воспринимать музыкальную информацию во всех формах	Художественно-ассоциативная интерпретация музыкального образа
Сформированность ценностных установок	Приобщенность к национальному музыкальному наследию Эстетическое переживание музыкального произведения Свободное вхождение личности в мир культуры Принятие ценностей, декларируемых современной музыкальной культурой Осознание многомерности любого музыкального явления Постоянное развитие воли в процессе музыкальной деятельности на уроке Наличие необходимого духовно-творческого потенциала	Убеждения, касающиеся взаимоотношения музыки и человеческого бытия Убеждения относительно особенностей музыкального искусства Убеждения относительно роли музыки в собственной жизни школьника

На наш взгляд, одновременное и перманентное взаимовлияние компетенций-аттракторов в их продвижении к суператтрактору даст возможность при всем разнообразии методических и репертуарных

подходов к общему музыкальному образованию обеспечить последнему единую качественную планку.

Литература:

1. Резолюция Международной научной конференции / Современная образовательная среда: приоритетные направления развития: материал. Междунар. науч. Конф.: в 4 ч. – Ч. 1. – Минск: НМУ «Национальный институт образования», 2010.

ФАКТОР «ДОСУГА» В ИЕРЕРХИИ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУССКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

И.А. Шебанова, г. Брест, Беларусь

Изучение ценностных ориентаций современной студенческой молодежи, которое уже много лет проводится на кафедре философии и культурологии Брестского государственного технического университета в рамках госбюджетной НИР позволяет отслеживать динамику предпочтений молодежи и показывает изменения в иерархии ценностей. Влияние глобализационных процессов, информатизация всех сфер жизни не обходят и Беларусь, как и другие страны постсоветского пространства, и наиболее динамично эти изменения прослеживаются в ориентациях студенчества. Одной из особенностей современного периода является все большее внимание к досугу и формам проведения свободного времени. Анализу этой ценности и будет уделено внимание в данной работе.

Социологи признают, что в России с самого начала в данной области исследований господствовал и до сих пор доминирует марксистский диалектико-материалистический подход. В «Капитале» К. Маркс определил досуг как «последовательный процесс восстановления человеческих сил и их развитие» [1, с. 264].

На Западе в современной социологической и культурологической литературе теоретическое осмысление досуга как социального института было осуществлено авторами концепций постиндустриального общества потребления, теории «массовой культуры» и наиболее полно воплотилось в идее «цивилизации досуга». Были сделаны выводы, что, начиная с некоторого уровня экономического развития, досуг приобретает все большую автономию от труда и становится самодовлеющей ценностью.

Французский ученый Ж. Дюмазедье, которого считают одним из основоположников теории «цивилизации досуга», пишет, что именно массовый досуг является базисным компонентом современной цивилизации, то есть самоценный характер досуга делает его в настоящее время независимым фактором, определяющим развитие материальной и духовной культуры общества в целом [2].

Изучение содержания досуга приобретает особую актуальность, если качество свободного времени населения рассматривать как индикатор

условий жизнедеятельности и критерий успешности проводимых в странах преобразований. Формирование культуры досуга рассматривается и как важный фактор развития личности: досуг - это сфера наиболее свободного самопроявления и самовыражения личности, выражение социокультурных потребностей молодежи, сфера, где зарождаются и оформляются основания молодежной субкультуры [3].

Актуальность изучения свободного времени у студенческой молодежи усиливается обстоятельствами продолжающихся глубоких экономических и политических трансформаций. Характеризуя современную социокультурную ситуацию социологи выделяют расслоение молодежи, рост девиантного и делинквентного поведения и возрастающую потребность в преобразовательной деятельности социума.

Сравнительный анализ результатов социологических опросов, проведенных на кафедре среди студенческой молодежи белорусских вузов в период с 2000 по 2008 гг. показывает, что студенческая молодежь начала века (2000-2001 гг.), была более склонна к семейным ценностям и обычно проводила свободное время перед экраном телевизора или с друзьями. Можно выделить шестерку самых популярных видов проведения свободного времени: музыка, друзья, помощь родителям, телевизор, семья, природа.

Следующая серия опросов проводилась среди студентов дневного отделения (2004) и заочного (2007) факультета. Сравнение ответов показывает, что отличия в образе жизни, структуре досуга у исследуемых категорий молодежи имеются. Студент дневного обучения больше времени тратит на отдых в кругу друзей в кафе, на природе и путешествуя, а – заочник – в кругу своей семьи и занятиями с компьютером.

На данном этапе интересно сравнение ранжирования форм досуга студентами 2000 года и студентами 2012 года. В 4 квартале 2012 года была опрошена молодежь Брестского государственного технического университета, Брестского политехнического колледжа, Брестского железнодорожного колледжа. Опрошено 200 респондентов. В сравнительной таблице используются только ответы «часто».

Наименование формы досуга	2000 г.	2012 г.
Слушаю музыку	85.8	82
С подругами, друзьями	80.1	71
Занимаюсь компьютером	19.2	66
В кругу семьи	52.0	48,5
Занимаюсь домашним	56.5	37,5

хозяйством		
Посещаю кафе, рестораны	28.0	29,5
Занимаюсь спортом	27.0	26,5
Смотрю телевизор	53.5	21,5
Посещаю кино, театры	15.1	19
Отдыхаю на природе	43.9	19
Подрабатываю	15.6	17
Читаю художественную литературу	42.7	15
Участвую в работе общественных организаций, клубов, движений	9.8	11,5
Путешествую	11.6	9,5
Играю на музыкальном инструменте	10.0	9

Ответы показывают, что музыка и общение с друзьями по-прежнему являются основными видами свободного времяпровождения молодых людей. Почти каждый второй часто проводит время в кругу семьи, помогая при этом родителям в ведении домашнего хозяйства («часто» - 37.5%, «редко»- 33.5%).

Определенная часть студентов уделяет внимание спортивным занятиям («часто»- 26.5%, «редко» - 49.5%) и только каждый десятый из них (9.5%) часто путешествуют. Отметим по-прежнему невысокую социальную активность наших респондентов, только 11.5% (9,8% в 2000г.) из них участвуют в работе общественных организаций, клубов, движений.

К факторам, наиболее изменившимся за последние 12 лет, относятся занятия компьютером, просмотр телевизора, отдых на природе, чтение художественной литературы, занятия в домашнем кругу.

Молодое поколение студентов является показательным отражением процессов, происходящих в современном социуме. Информатизация и компьютеризация всех производственных, в том числе учебных, процессов отражается на видах деятельности людей и требует определенной степени компетенций для квалифицированного выполнения заданий и работ. Итак, вышеперечисленные факторы могли бы говорить о логической адекватности вытеснения занятий с компьютером чтения художественной литературы и отдыха на природе, если бы не тот факт, что речь идет именно об отдыхе. Любые компьютерные занятия – это разновидность

пассивного отдыха, которая не предполагает мышечной активности на свежем воздухе или в спортивных залах. Отсутствие навыка организации адекватного досуга приводит к повышению числа зависимостей от компьютерных игр и связанными с этим фактором психическими заболеваниями, о которых все чаще говорят и пишут психологи и психотерапевты.

Заметным является также уменьшенный процентный показатель занятий домашним хозяйством и, возможно на этом фоне, некоторый рост посещений кафе и ресторанов, а также театров и кинотеатров.

Таким образом, можно утверждать, что за последнее десятилетие у студентов увеличилась ориентация на домашние формы проведения свободного времени пассивного типа, что во многом определилось развитием телевидения, массовой компьютеризацией и т.д.

К числу базовых ценностных установок досуговой деятельности современной студенческой молодежи относится стремление к общению с друзьями. Небольшое место в структуре досуговой деятельности студенческой молодежи занимают «культурно-творческие формы», направленные на создание или воспроизводство материальных и духовных ценностей и включающих в себя различные виды творчества. Кроме того, в рамках досуговой деятельности респондентов прослеживается некоторое обеднение духовных потребностей и утрачивается приоритет познания через приобщение к историческому и художественному наследию.

Литература:

1. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 26. – Ч. 3.

2. Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Сов. энциклопедия, 1991.

3. Научная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/kultura-dosuga-kak-faktor-razvitiya-lichnosti-v-kulturno-obrazovatelnom-prostranstve-vuza#ixzz2T3uZkEE8

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.Е. Шилина, г. Одесса, Украина

Информационное общество, информационные технологии, информационные люди, информационное поле – этими и подобными понятиями часто оперирует вся система научного знания. И это не удивительно.

С ростом популярности и распространения Интернета, появлением и стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, информатизация органично вошла во все сферы жизни

современного общества и, бесспорно, стала неотъемлемой частью и неизбежным процессом в развитии современной цивилизации, коренным образом изменила характер труда, вызывая всестороннее и всеобщее повышение интеллектуального уровня личности. Информация превратилась в определяющий глобальный ресурс человечества.

Личность не может существовать вне общества, она – часть информационного пространства этого мира и является органическим продолжением этого пространства, его создателем и потребителем, его альфой и омегой. Именно поэтому требования, предъявляемые к обществу нового информационного типа, касаются непосредственно и личности как неотъемлемого субъекта взаимодействия в социуме.

Вполне закономерно, что информация, повлиявшая на общество и его уклад в целом, не могла не затронуть и человеческую личность в частности.

На данном этапе развития общества можно говорить о качественной перестройке человеческой психики, о тансформационных процессах сознания, которые в свою очередь влияют на процесс самоидентификации личности в современном мире.

Проанализируем эти процессы.

Роль информации сегодня качественно изменилась по сравнению с предыдущими эпохами. Информация на данном этапе становится знанием, производство, хранение и применение которого действительно становится все более важной для общества деятельностью, порождает соответствующие ему технико-организационные структуры. Всевозростающие потоки информации и её доступность на всех уровнях приводят к образованию единого пространства – так называемого информационного поля, которое является единым для всего человечества. У этого поля практически отсутствуют границы, и оно становится той объединяющей структурой, которая связывает воедино все интеллектуальные, коммуникативные и психологические процессы разных людей, создаёт такую общность, которая противоположна по своей сути предшествующей ей разобщённости и разделения людей во времени и пространстве и которая становится отправной точкой для развития и эволюционирования человеческого сознания.

Единое поле информации, взаимодействуя с человеческим сознанием, порождает новые способы коммуникации и передачи знаний, а также приводит к глубоким психологическим изменениям каждого индивида в отдельности и соответственно всего общества в целом. Такие глубокие психологические изменения касаются прежде всего восприятия информации, её отражения в сознании, переработки и формировании нового психологического продукта – картины современного мира,

включающей как образ мира, так и образ самого себя, взаимодействующего с миром.

Построение картины мира напрямую связано с сознанием человека. Сознание – это высшая форма отражения психической реальности, та совокупность знаний о себе, о мире, о социальных взаимодействиях, которая позволяет человеку успешно адаптироваться в информационном мире и достигать своих целей, потому что в мире, где главной ценностью становится информация, сознание приобретает свою специфику и становится сознанием информационным.

Так, трансформационные мировые процессы отражаются в нашем психическом, формируя новый тип сознания – информационное сознание. То есть мы говорим об информационном сознании в двух аспектах: имея ввиду общее информационное «разумное» поле Земли и индивидуальное сознание каждого человека в отдельности как часть мирового информационного пространства.

Современная личность в информационном обществе испытывает на себе ряд позитивных и негативных аспектов информатизации, изменения сути самого социума, подвергается воздействиям внешней среды и внутриличностным конфликтам, которые вынуждают её изменяться, адаптироваться к новым, постоянно меняющимся, условиям окружающего мира, стимулируют к поиску целостности и самоидентичности в новом мире, к созданию в своём самосознании новом картины реальности, соответствующей современному информационному пространству.

Формирование новой картины реальности предполагает новое осознание себя как субъекта взаимодействия в современных меняющихся условиях. То есть в этом случае мы затрагиваем процесс самоидетификации личности в обществе.

Самоидентификация – это отождествление себя с определенной социальной группой, образом, ролью, архетипом и т.д. Она непосредственно связана с мироощущением личности, с поведением её в социуме, с проблемами личностного развития и взаимоотношений.

На формирование процесса самоидентификации личности большое влияние оказывает стремление к психологическому комфорту, желание быть принятым в обществе, быть одобренным им, приносить пользу, раскрывая свой внутренний потенциал и развивая в полной мере свои способности. Процесс самоидентификации тесно связан с процессами адаптации и социализации в обществе.

Термин социализация был впервые описан в конце 40-х начале 50-х гг. XX века в работах американских психологов и социологов (А. Парк, Д. Доллард, Дж. Кольман, В. Уолтер и др.). Понятие о социализации как процесса полной интеграции личности в социальную систему, в ходе которого происходит ее приспособление, сложилось в американской

социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон). В традициях этой школы понятие социализация раскрывалось через термин адаптация, который означает приспособление живого организма к условиям среды [2, с.89]. Этот термин впоследствии стал означать процесс приспособления человека к условиям социальной среды. Так возникли понятия социальной и психической адаптации, результатом которой является приспособленность личности к различным социальным ситуациям, микро и макрогруппам [1, с.90].

Социализция в современном пространстве – это принятие личностью, освоение и усвоение культурных норм и ценностей. Данные комплекс действий осуществляется изначально в процессе сознательного прогнозирования адаптационной среды и изменения (от этих результатов) своей адаптивной деятельности, умения находить новые адаптационные стратегии, ведущие к гармонизации внешнего и внутреннего приспособления к соответствующей ролевой идентичности личности в обществе. То есть социализация в современном мире напрямую связана с умением приспособиться к всевозрастающим потокам информации, способам усвоения и переработки новых данных, принятием всех социальных изменений, связанных с информатизацией, и включение механизмов самоидентификации личности.

Самоидентификация личности в информационном пространстве предполагает усвоение новой социальной роли, следование негласному социальному идеалу современного члена общества, преодоление внутриличностного конфликта, возникающего из-за противоречивости информации о себе и о внешнем мире, заставляющего её искать способы достижения целостности и гармоничности с окружающим миром.

То есть современные процессы информатизации вынуждают перестраиваться не только общество в целом, но и каждую личность в отдельности, вынуждая её развиваться и формировать в себе новые психические комплексы и социальные паттерны с целью полноценного взаимодействия с единым информационным полем, достижения некого универсального информационного единства, единого информационного сознания.

Литература:

1. Барулин, В.С. Социально-философская антропология / В.С. Барулин. – М. : Академический проект, Альма Матер,1994. – 496 с.

2. Социальная идентификация личности / В.А. Ядов (отв. ред.) – М.: История социологии РАН, 1993. – 168 с.

ЗНАЧЕНИЕ «СЕРДЦА» В РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В.В. Шлепин, г. Ярославль, Россия

Сердце настолько значимо для человека, что слово это встречается в Священном Писании в разных грамматических формах около 950 раз [9]. В

Библии сердце означает орган всех чувств вообще, и религиозного чувства в особенности. Однако сердцу приписывается не только чувство, но и самые разнообразные деятельности сознания. Сердце, согласно Священному Писанию, является органом симфонии душевных чувств (Втор. 6:5; Иов 36:13; Пс 104:25; Ис 13:7; Иер 4:19; Мф 22:37), мысли (Мф 9:4; Мк 2:6; Лк 3:15), и вместе с тем и средоточием мудрости (Исх 28:3; Прит 2:10; 23:15.), оно также орган воли и решимости (Иов 23:16; Пс 9:38; 20:3; Лк. 24:38; Деян. 5:4, 7:23, 7:39, 11:23; Рим. 10:1; 1 Кор. 2:9, 4:5; 7:37; 2 Кор. 8:16; Апок. 17:17). Так, прежде всего, сердце мыслит. «Говорить в сердце» – значит по библейской терминологии – думать. (Ис. 10:7; Пс. 140:4; Прит. 6:14,18; 19:21. Мф. 9:4, 13:15, Лк. 1:51; Ин. 12:40; Рим. 1:21; Еф. 1:18; Евр. 4:12). Из сердца исходит любовь к Богу и ближним. Говорится, что мы «имеем кого-либо в своем сердце», (2 Кор. 7:3) или «у нас с кем-нибудь единое сердце» (Деян. 4:32). Наконец, в сердце помещается совесть: совесть, по слову апостола Павла, есть закон, написанный в сердцах (Рим. 2:15). Сердцу приписываются также самые разнообразные чувства, проносящиеся в душе: оно ощущает подавленность, «сокрушается», «печалится», «смущается», «устрашается», «мучается», «скорбит», «радуется», «веселится», «питается наслаждением», «разслабляется», «содрогается» (Пс. 33:19; Иер. 4:19; Ин. 14:1, 14:27, 16:6, 16:22; Деян. 2:26, 14:17, 21:13; Рим. 9:2; 2 Кор. 2:4). Сердцу присущи все степени радости – от благодушия (Ис. 65:14) до восторга и ликования (Пс. 83:3; Деян. 2:46), а также разнообразные виды горестей и переживаний – от печального настроения до стенания (Ис. 65:14). Если человек боязлив и малодушен, значит сердце его является робким (Втор. 20:8) [2; 9].

Сердце обнимает собою не только явления психической, но и физической жизни. Все явления жизни исходят из него и возвращаются к нему, действуют на сердце: каждое физическое вкушение пищи и пития подкрепляет сердце; каждое объедение и пьянство приводит к отягощению сердца (Лк. 21:34). Каждое нападение на жизнь отражается и на сердце, поэтому в книге Притчей говорится: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни» (Прит. 4:23).

Сердце является центром жизни вообще – телесной, душевной и духовной. Объединяющую роль сердце выполняет двояким образом: во-первых, интегрирует каждую из этих областей и, во-вторых, связывает все три сферы в человеке [2].

Сердце – это центр религиозно-нравственной жизни человека, по своей функции оно совпадает с совестью или является ее «хранилищем» (Пс 76:7; 118:69; Евр. 10:22) [4; 9]. Благодатное слово Божие действует в сердце «как бы горящий огонь» (Иер. 20:9). Сердце человека горит, когда, общаясь с Богом, познает истину (Лк. 24:32). В зависимости от устроения

сердце может вмещать доброе или злое (Лк. 6:45; Мк. 7:21-23). По слову апостола Павла, сердце есть скрижаль, на которой Бог написал нравственный закон (Рим. 2:15) [9]. Источник высшей религиозно-нравственной жизни заключается в духе, и через него устанавливается живая связь человека с Богом, так как дух орган свидетельства Божия (Рим. 8:16). Через человеческий дух проникает в сердце Дух Божий и в нем действует [5].

Сердце выступает в Библии как духовный центр и бессознательного. Оно так глубоко (Пс. 63:7), что недоступно вполне не только другому человеку, но и самой личности (Втор. 29:4), его в полной мере знает только Бог (3 Цар. 8:39; 2 Пар. 6:30; Иер. 20:12; Лк. 16:15; Деян. 1:24, 15:8) [1; 4]. Когда придет Господь, чтобы совершить суд, «осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (1 Кор. 4: 5) [9].

Путь к Богу лежит через познание самого себя. Преподобный Антоний Великий наставляет: «Без чистоты тела и сердца никто же может быть совершен пред Богом, почему сказано в св. Евангелии: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8)» [3, с. 51-52].

Сердце человека ожесточается (Исх. 9:35; Евр. 3:8.), когда восстает против Бога, лишая себя благодати Святого Духа. Но даже когда люди грешат, Господь продолжает любить их и после раскаяния – очищает их сердца (Пс. 50:12), чтобы они могли ответно возлюбить Его (Втор. 30:6) и спастись для жизни вечной (Ис. 57:15) [1; 8].

По мере очищения сердца, человек начинает видеть свою греховность, свою немощь (Прит. 20:9) в борьбе с нею, и тогда он искренне смиряется [4; 7]. Преподобный Антоний Великий указывает, что «Господь наш, по благости Своей, очищает человека многими искушениями, испытывает его и делает его опытным в ведении браней сердечных, так что он не возвращается более мыслями или памятью к неправдам и унижениям, каким подвергали его люди; но смиряется пред Богом и на Него возлагает все упование свое, будучи всегда готов на всякое доброе дело пред Богом, как сказал Давид Пророк*: готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей* (Пс. 107:2)» [3, с. 52-53].

Поэтому, по словам преп. Антония Великого, следует «праведно ходить тем путем, коим шли святые, о коих написано: *блажени непорочнии в пути, ходящии в законе Господни* (Пс. 118:1). То есть, в чистоте тела, в чистоте языка, в чистоте очей, в чистоте рук, в чистоте ушей, в чистоте ног, в правом пред Богом помышлении и в чистом сердце в отношении друг к другу, как говорим мы в молитвах: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50:12)» [3, с. 62].

Святой Марк Подвижник говорит: «Сердце чистое (Пс. 50:12) есть то, которое представило Богу память, совершенно безвидную (чистую от

впечатлений) и не имеющую образов, и готово принять одни напечатления Божьи, от которых оно обыкновенно делается светлым» [3, с. 518].

Преп. Серафим Саровский наставляет о чистоте сердца: «Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову писателя книги Притчей: *«Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни»* (Прит. 4:23). <…> Сердце христианина, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что это от Господа, но самим тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное, ибо ощущает в себе духовные плоды: *«любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание»* (Гал. 5:42). Однако дьявол даже если бы и преобразился в ангела света (2 Кор. 11:14), или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств» [6, с. 24, 25]. По словам, преп. Антония Великого, «Бог слушает любящих Его и ищущих Его от всего сердца своего, и снисходит им во всех их прошениях» [3, с. 36].

Таким образом, сердце является средоточием всей сознательной и бессознательной, умственной и эмоциональной, нравственной и волевой, таинственной и мистической жизни человека.

Литература:

1. Библейский богословский словарь / под ред. В. Михайловского. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1995.

2. Вышеславцев, Б.П. Значение сердца в религии / Б.П. Вышеславцев // Путь. – 1925. – № 1.

3. Добротолюбие: в 5 т. – Т. 1. – 4-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.

4. Климков, О.С. Опыт безмолвия: Человек в миросозерцании византийских исихастов / О.С. Климков. – СПб., 2000.

5. Концевич, И.М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси / И.М. Концевич. – Изд-во «Посад», 1994.

6. Наставления преподобного Серафима Саровского. – М.: Издательский дом «Фавор-XXI», 2003.

7. Нилус, С. О цели христианской жизни – беседа преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым / С. Нилус // Церковь Иоанна Богослова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.omolenko.com/biblio/serafim.htm. – Дата доступа: 07.10.2012.

8. Хопко, Ф. прот. Основы Православия / Ф. Хопко. – Мн: ТПЦ «Полифакт», 1991.

9. Что в православной традиции понимается под «сердцем» / Православие.RU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/answers/7446.htm – Дата доступа: 07.10.2012

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НОВОМУ КАЧЕСТВУ ОБРАЗОВАНИЯ

Р.Н. Шматков, г. Новосибирск, Россия

Российская система образования-воспитания в современный период находится в кризисной ситуации и одним из основных аспектов его проявления является кризис системы отечественных образовательных ценностей. В свою очередь, кризис системы отечественных образовательных ценностей отображает современный кризис российского общества, элементами которого являются кризисы в экономической, политической, правовой, демографической и других сферах. При этом последствия кризиса отечественной системы образования усиливаются последствиями глобального кризиса всемирной образовательной системы, вовлеченной в переходный процесс к новой системе ценностей информационного общества. Следовательно, наряду с наличием внутренних кризисных явлений, система отечественного образования не принимает во внимание общую направленность развития всемирной образовательной системы, определяющую необходимость важных преобразований в отечественной системе образования, не дающей своевременных ответов на вызовы времени.

Являясь основной сферой общественного воспроизводства, отвечающей за качественное производство квалифицированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства, образование наиболее всего ощущает на себе последствия всех кризисных процессов, происходящих в обществе. Поэтому кризис системы ценностей современного российского общества немедленно повлек за собой кризис системы ценностей отечественного образования. В свою очередь, если не пытаться преодолеть кризисную ситуацию в системе ценностей отечественного образования, оказывающую непосредственное влияние на качество подготовки современных специалистов, то это значительно усложнит кризисную ситуацию в системе ценностей российского общества, поскольку в этом случае система отечественного образования будет постоянно выпускать в российское общество специалистов, у которых сформирована «фальшивая» система ценностей, подобно тому, как зараженная компьютерным вирусом информационная система выполняет тиражирование зараженных вирусом программ, тем самым ускоряя свой распад.

Возникает закономерный вопрос: возможно ли совместить систему ценностей рыночной экономики, к которой переходит в последнее время наше общество, и традиционную российскую систему ценностей, включающую в себя такие фундаментальные ценности, как любовь, милосердие, добро, бескорыстие, соборность, превосходство духовности

над материальным, патриотизм, социальная справедливость, правда, семья, дружба между народами и другие традиционные ценности? Оказывается, возможно. Ведь сам по себе рынок не тождественен системе западных ценностей, о которой было сказано выше. Более того, рыночная экономика может эффективно функционировать совсем не основываясь на западной системе ценностей, включающих в себя такие ценности, как успех, нажива, индивидуализм. Об этом свидетельствует исторический опыт становления и развития российской национальной экономики, занимавшей до революции первое место в мире по темпам роста [1]. Российский промышленник, купец и предприниматель долгом своим считавший часть своего капитала отдавать на строительство храмов, больниц, школ, университетов, музеев, был совсем не похож на английского «нового дворянина» — у них была разная этика и система ценностей. У одного — православная, у другого — протестантская.

Кризис, переживаемый в настоящее время отечественной системой образования и отечественной системой образовательных ценностей обусловлен лишь во вторую очередь экономическими и политическими причинами. В первую очередь указанный кризис обусловлен *духовными причинами*. А в духовной жизни человека определяющей силой является его религия, причем не только в узком, но и в широкой смысле слова, то есть те высшие и последние ценности, которые признает человек над собой и выше себя, и то практическое отношение, в которое он становится к этим ценностям.

Поэтому реформирование системы отечественного образования–воспитания в современных условиях и возрождение ее системы ценностей должно начаться с возрождения ее духовности, основанной на православных традициях, традициях государствообразующего этноса в нашей стране. Для того, чтобы устранить последствия экономического, политического и социального кризиса в нашей стране, сохранив при этом ее независимость, и затем добиться превращения нашей страны в процветающую державу, необходимы реформы отечественной системы образования-воспитания, основанные на прочных нравственных началах, способствующих возрождению традиционной системы ценностей отечественного образования-воспитания. И на этой основе отечественным образовательным учреждениям всех ступеней образования необходимо уже сейчас, не дожидаясь указаний вышестоящих инстанций, начинать кропотливую работу по возрождению традиционной российской системы ценностей. Работу по возрождению практически уничтоженной ценности института, чтобы семья выполняла свои социальные функции, чтобы была остановлена лавина разводов, которых практически не знали в дореволюционной России, чтобы не росли сиротами дети при живых родителях, чтобы наше государство не тратило огромные средства на

колонии и тюрьмы для перевоспитания заброшенным детей, чтобы не доживали родители свои дни заброшенными и в домах престарелых при живых детях, чтобы перестала вымирать Россия. Работу по восстановлению разорванных связей времен, чтобы дети знали и почитали не только своих родителей, но и бабушек и дедушек, чтобы старшие поколения могли передавать свой жизненный опыт младшим поколениям, чтобы младшие поколения учились не только на своих ошибках и не повторяли горького опыта старших поколений.

И только добившись реальных результатов по возрождению духовности России, необходимо начинать работу по возрождению ее экономики. Экономики, которая перестанет рассматривать человека как «экономического человека», только как производителя и потребителя материальных благ, которая примет во внимание человеческую душу и духовно-нравственный аспект экономики. Ключевое место в возрождении духовности в нашей стране должно занимать возрождение духовных и нравственных ценностей отечественной системой образования. Именно духовная и нравственная составляющие должны быть поставлены на первое место в системе качественной подготовки отечественных специалистов. Необходимо помнить, что без соблюдения принципов нравственности не смогут действовать никакие экономические и политические законы. Ведь в экономических отношениях человеку безнравственному проще украсть товар, чем заплатить за него, проще обмануть своих партнеров, чем выполнить свои обязательства перед ними. И никакие законы государства не заставят его действовать честно, если он не будет иметь внутренних законов, удерживающих его от безнравственных поступков — законов его совести. Безнравственный политик представляет еще большую опасность для общества, чем безнравственный экономист, поскольку от него зависят, порою, миллионы человеческих судеб.

В случае, если Россия забудет о своей традиционной системе ценностей и примет систему западных ценностей, отрицательные последствия ожидают не только Россию. Мировое сообщество уже осознало, что путь, которым развитые страны, исповедующие западную систему ценностей, пришли к своему благополучию, ведет к глобальной катастрофе. Этот путь, ведущий к обществу потребления, обеспечивая удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения развитых стран, уже сейчас поставил на грань выживания население многих развивающихся стран, он уже привел к исчерпанию и дефициту многих природных ресурсов, к войнам за природные ресурсы, к экологическому кризису. Этот путь ведет к гибели будущих поколений. Может быть, в лице России человечеству дан последний шанс найти варианты

исторического развития, позволяющие миновать всеобщую экологическую катастрофу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что качество образования, участвуя в формировании системы ценностей молодого поколения, прежде всего должно обеспечивать национальную безопасность нашей страны. Образование должно быть нераздельно с воспитанием человека, специалиста, патриота нашей страны. Любовь к своей Родине должна прививаться молодому поколению с самых ранних этапов образования и основой этого должно стать семейное воспитание. Однако, любовь к своему народу, его истории, религии, обычаям и традициям должна сочетаться в патриотическом воспитании с уважением к другим народам, населяющим нашу страну, к их ценностям и традициям.

Литература:

1. Ольденбург, С. С. Царствование Императора Николая II / С.С. Ольденбург. – М.: «ДАРЪ», 2006.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Л.А. Чеблакова, г. Минск, Беларусь

Образование, информация, знания и общение на современном этапе составляют основу развития человеческой личности и общества. Благодаря новейшим информационным технологиям, огромное количество информации могут быть переданы в любую точку мира. Значительная часть человечества получила невиданный прежде доступ к различной информации, к любым знаниям.

Знания сегодня – это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов, которые проявляются вне человека, в обществе, экономике, или развитии самого знания [1, с. 88].

Однако огромное количество информации еще не означает, что «знание – сила». Современный этап общественного развития требует более детального социально-философского осмысления, обоснования концепции формирования общества научного знания. Знание становится величайшей ценностью, выступающее не только как производительная сила, но и создает возможность манипулирования человеческой личностью.

XX и XX1 век показали важность незамедлительного восстановления знаний, формирующих общечеловеческие ценности и идеалы в системе мировоззрения, без опоры на которые человек сразу же становится злой и разрушительной силой.

В экзистенциализме как одном из современных направлений утверждается, что путь к смыслу существования, к истине лежит через раскрытие родовых качеств человека, через творчество и духовность, что

является способом бытия человека в мире. Поэтому в условиях новых информационных технологий система образования особенно актуализирует аксиологический и гуманистический характер знания. В этой связи возникает необходимость поворота философии образования к новым проблемам, активно влияющим на систему образования.

Значительную роль могут сыграть философские и обще социальные науки. Как отмечает В.С. Степин, эти знания могут стать «важной гуманитарной « прививкой» против растущей дегуманизации и технологизации образования» [2, с. 7]. Именно через систему мировоззренческих универсалий «природа», «человек», «общество», «свобода», «право» усваивается их аксиологический и гуманистический смысл, что способствует развитию и гармонизации личности.

Разумеется, система образования сама по себе имманентно содержит воспитательный аспект. Однако в ходе трансляции знаний в сознании учащихся формируется система гуманистических и этических ценностей, возможность давать самостоятельную оценку полученным знаниям, потребность к творчеству, готовность противостоять сомнительным ценностям, пошлости, стяжательству и т.д.

Как уже отмечалось, в образовательной системе на современном этапе огромное значение имеют новые современные технологии, применение которых способствует самообучению, саморазвитию личности, формирует навыки креативности. В то же время в сложившихся условиях произошла коммерциализация образования, стала иначе складываться система «учитель–ученик». Теперь профессор-доцент оказывает *образовательные услуги*, а студент – их получатель. В этой связи перед философией образования встают новые проблемы модернизации системы образования, разработки новых философско - теоретичеких концепций [3, с.32-35].

Таким образом, можно выделить следующие актуальные аспекты социально-философского знания в системе образования:

- аксиологический аспект знания, позволяющий относиться к знанию как к величайшей ценности человеческой культуры;
- гуманистический аспект знаний, позволяющий увидеть человеческую жизнь как бесценное достояние, бережное отношение к здоровью человека, его моральным принципам и устоям;
- креативный аспект знания, позволяющий в огромном потоке знания человек, будущий специалист способен выделить сугубо индивидуально-личностную сторону знаний, развивающую его сущностные силы, способности и таланты
- экзистенциально-этический аспект знания, позволяющий рационально определить смысл своего существования в обществе через постижение духовности и творчества.

Литература:

1. Шитов, С.Б. Социально-философский анализ современных тенденций развития информационного общества / С.Б. Шитов // Вестник высшей школы. – 2013. – № 6.

2. Степин, В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2006. – №2.

3. Яблокова, Н.П. Философия образования в информационном обществе. / Н.П.Яблокова. Т.Ю. Павельева, В.С.Куткин // Вестник высшей школы. – 2013. – №3.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н.Ю. Чугаева, г. Киев, Украина

В современных условиях общество, характеризующееся ростом объема информации, которая воспринимается, усваивается и используется в деятельности, интенсивным развитием производства, повышением роли компьютерных технологий в различных областях науки и техники, предъявляет новые требования к социально-профессиональной подготовке специалиста с высшим образованием. Поскольку в высшей школе осуществляется не только учебно-профессиональное, но и социализирующее воспитательное воздействие на молодежь, то в этом контексте актуальность приобретает вопрос применения инновационных технологий для реализации воспитательной работы, в частности внедрение интернет-общения педагога и студентов с целью создания условий для социализации и саморазвития молодежи.

В высшем учебном заведении воспитательная работа, как правило, реализуется во время аудиторных занятий, в то время как с возрастающим влиянием информационных технологий, наблюдается интегрирование в жизнь студентов общения в социальных сетях, которому современная молодежь уделяет достаточное количество времени, поэтому нам представляется вполне логичным осуществление стимулирования к социально-культурному развитию и саморазвитию студентов не только в условиях учебного заведения, но и за его пределами, в частности в компьютерной сети в свободное от учебных занятий время.

Проведенный нами опрос среди студентов Национального университета пищевых технологий в апреле 2013 г., который насчитывал 158 респондентов, показал, что большинство молодых людей (74,5%) признают необходимость психологической поддержки со стороны преподавателя, однако считают нужным общаться в компьютерной сети как психологически комфортной для них среде, где они привыкли проводить свободное время. Кроме того, такое общение является для них своеобразным эмоционально-когнитивным аналогом дружеского, а потому

воспитательное влияние они воспринимают в качестве полезных для них советов человека с более насыщенным социально-профессиональным опытом. Именно в таком ориентире педагогического процесса для нас и заключается применение инновационных технологий воспитательной работы: в создании благоприятных условий для организации и управления процессом социализации и саморазвития студентов.

Учитывая результаты проведенного опроса, указанного выше, на базе Национального университета пищевых технологий был открыт психологический клуб, деятельность которого, согласно высказанным предложениям студентов, осуществляется в компьютерной сети, с целью оптимизации педагогического процесса, а именно совершенствования воспитания и развития студентов в условиях современной образовательно-профессиональной среды. В работе психологического клуба принимают участие студенты шести факультетов Национального университета пищевых технологий (220 человек). Исходя из того, что за время работы психологический клуб все больше пополняется новыми членами, можно считать его работу эффективной и перспективной для дальнейшего планирования воспитательного процесса студентов. В нашем понимании, преподаватель, осуществляющий воспитательную работу в психологическом клубе, является наставником студентов, в процессе передачи молодежи позитивного социально-профессионального опыта он способствует их социализации и саморазвитию.

Следует отметить, что в русле глобализации предполагается использование интернет-общения, которое в свою очередь может оказывать влияние на культурное развитие молодежи, как положительного, так и отрицательного характера. Именно такими аргументами и вызвана, на наш взгляд, необходимость внедрения воспитательной работы в компьютерном пространстве. Поскольку преподаватель осуществляет положительное педагогическое влияние на социальное развитие и саморазвитие студентов, то таким образом мы можем прогнозировать, если не полное предотвращение воздействия вероятных социальных рисков, связанных с интернет-общением, то предупреждение их отрицательного влияния и возможных последствий.

С позиции нашего восприятия, ключевым элементом применения именно интернет-общения в воспитательном процессе студентов является его ориентированность на индивидуальность молодого человека. Таким образом, мы можем помочь раскрыть личностный и профессиональный потенциал каждого студента, уделяя ему особое внимание, что является трудно осуществимым при групповой работе, вследствие временных ограничений. Сочетая индивидуальные методы дистанционного взаимодействия с групповыми методами непосредственного педагогического влияния на студентов в рамках получения ими

образования можно достичь более эффективных результатов воспитательной работы. Кстати, пространственная отдаленность педагога и студентов, присутствующая во время интернет-общения, не предусматривает отстранение наставника, который осуществляет воспитательную работу, от актуальных проблем, оказывающих влияние на молодежь, а вместо этого дает возможность осуществить разносторонний анализ ситуации и, в результате, принять решение, наиболее адекватно отвечающее требованиям конкретной педагогической ситуации.

По нашему мнению, необходимо выделить следующие позитивные особенности деятельности психологического клуба в условиях интернет-общения, которые позволяют оптимизировать воспитательную работу со студентами:

1. Осуществляется мониторинг записей студентов с целью определения наиболее интересных и полезных для них тем, которые могут способствовать их личностному и профессиональному развитию.
2. Возможность объективного направления деятельности и общения студентов в более позитивное русло посредством комментирования и поощрения наставником их наиболее успешных записей.
3. Записи сохраняются, и каждый студент может ознакомиться с ними в удобное для себя время. Учитывая, что обучение проходит в две смены, такой способ подачи информации не создает ограничений в доступе для молодежи.
4. Таким образом, становится возможным решение вопроса осуществления воспитательного влияния во время каникул, выходных, а также неблагоприятных погодных условий.
5. По мнению студентов, воспитательная работа в условиях интернет-общения способствует повышению их психологического комфорта, снижению стресса, так как в современном обществе с распространением компьютерных технологий именно коммуникация в сети Интернет вошла в повседневную жизнь молодежи.

В нашем понимании, одним из перспективным направлений воспитательной работы преподавателя-наставника с целью создания условий для социализации и саморазвития молодёжи является стимулирование студентов к выработке умения учиться, на котором базируется способность молодого человека к совершенствованию собственных профессиональных компетенций на основе уже усвоенных знаний, выработанных умений и навыков. В связи с этим, еще более актуальным нам представляется интернет-общение педагога-наставника и студентов, как осуществляющее возможность молодежи в процессе социализации получить конструктивные советы от преподавателя и таким

образом постоянно корректировать процесс получения собственного позитивного социально-профессионального опыта.

В процессе изучения рассмотренных в работе положений, мы можем сделать следующие выводы:

1. В современных условиях интенсивного распространения компьютерных технологий студенты считают необходимым для преподавателей сочетание применения эффективных традиционных методов педагогического влияния с интернет-общением, как наиболее популярным среди вузовской молодежи.
2. Существенную роль в процессе социализации и саморазвития молодёжи играют инновационные технологии воспитательной работы в русле интернет-общения, например психологический клуб, расположенный в компьютерной сети, что создает предпосылки для творческого поиска оптимальных средств осуществления продуктивного педагогического влияния на студентов.

Перспективы исследований в данном направлении связаны с расширением и углублением тематической палитры занятий посредством проведения дальнейших опросов студентов в связи с наиболее интересными и полезными для них психолого-педагогическими аспектами образовательно-профессионального пространства.

АНТИЦЕННОСТНАЯ ПРИРОДА МОРАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Н.К. Эйнгорн, г. Екатеринбург, Россия

Диапазон современного восприятия проблемы отчуждения весьма широк: от спокойно-рассудительной констатации этого явления, естественности и закономерности его последствий и веры в преходящий характер отчуждения до крайне пессимистических оценок тотальности и неизбывности отчуждения, обреченности человека и общества на его власть над людьми, на «ад», «пропасть» отчуждения и самоотчуждения. Трагизм в восприятии проблемы отчуждения нарастает, оно все более начинает ощущаться как «зло», как «возмездие» за неадекватную человеческую жизнь, за нежелание действовать в согласии с объективной природой вещей. А какова природа самого отчуждения?

Постепенно преодолевается расширительное понимание отчуждения и его отождествление с «полаганием предметности» (Фихте),с «объективацией» и «опредмечиванием» (Гегель), с «любым материализованным бытием» (Бердяев). Иными словами, с понимаем отчуждения как объективного атрибута человеческого бытия. Проблема отчуждения и его видов правомерно начинает исследоваться в пространстве субъект-объектного отношения не в онтологическом или гносеологическом концептах, а в аксиологическом, ценностном. Ведь в

самом слове «отчуждение» корень выражает исключительно ценностно-оценочное отношение: «чуждый», «чужой».

Определим место и специфическое содержание категории «отчуждение» в ряду философских категорий, характеризующих жизнедеятельность субъекта, его взаимодействие с объективной реальностью. Три пары категорий выражают это отношение: «субект»-«объект», «субъективация»-«объективация», «распредмечивание»-«опредмечивание». В этих взаимодействиях еще нет отчуждения. Для перехода к следующей паре категорий важно отметить, что распредмечивание-опредмечивание – это такое проявление субъект-объектного отношения, в котором фиксируется объективная, фактическая сторона этого отношения, безразличная к тому, что в отношение вступают субъекты, обладающие не только беспристрастным целеполаганием, но и интересами, чувствами, пристрастиями. На уровне распредмечивания-опредмечивания субъект-объектное отношение предстает в «чистом виде», в виде отношений идеальных субъектов и объектов.

Следующая пара категорий «присвоение-отчуждение» представляет качественно иную характеристику субъект-объектного отношения – не беспристрастно-сущностную, объективную, фактическую, а значимостную, ценностную, необходимость и неизбежность которой определяется тем, что субъект-объектное отношение к миру проявляется как потребностно-мотивационное, утилитарно-практическое, выявляющее так называемое «аксиогенное бытие» предметов, их способность удовлетворять потребности и интересы субъекта.

Присвоение является деструктивным, потребительски-завоевательским мироотношением, в котором брать от мира всегда больше, чем отдавать. Отчуждение превращает деятельность человека и ее результаты, в господствующую над человеком самостоятельную силу, враждебную ему. Отчуждение – это состояние вражды субъекта со своей сущностью. Если отчуждение выступает как «размывание» и утрата собственной субъектности, конфликт со своей сущностью, то присвоение – это разрушение субъектности другого. Отчуждение-присвоение – угрожающие факторы человеческого бытия, они имеют свои пределы.

Пределом отчуждения выступает «овеществление» - самоотрицание индивидов, созидание нечеловеческого мира вещей, ролей, как итог – деперсонификация человека, персонификация вещей. Овеществление – это абсолютное отрицание ценности и самоценности субъекта, абсолютная фетишизация человеческих отношений.

Пределом присвоения является условно называемая нами «субъектная аннигиляция», под которой следует понимать предельность инобытия субъекта, характеризуемую саморазрушением, дезидентификацией, дегуманизацией, превращением, субъекта в

антисубъект, его уничтожение, исчезновение. Овеществление и субъектная аннигиляция ведут к расчеловечеванию субъекта и в конечном счете к его взаимо и самоуничтожению.

Преодолением такого деструктивного развертывания субъект-объектного отношения выступают «освоение и самоутверждение» как конструктивное, субъекто-созидающее и субъекто-развивающее отношение. Освоение – это конструктивный тип мироотношения, в котором отдавать миру всегда больше, чем брать от мира. Освоение есть обретение человеком себя через единение с другим, с природой, обществом, историей. Самоутверждение субъекта это его идентификация с сущностными силами человека через индивидуализацию, через осознание и утверждение своего «Я», своего достоинства, утверждение своей ценности и самоценности. Самоутверждение есть путь к совершенству и способ его реализации.

Отчуждение – деструктивное отрицание ценностей. Моральное отчуждение проявляется как извращение под воздействием экономических, политических, правовых и иных социальных факторов регулятивной и мировоззренческой сущности и специфики морали, которое начинает проявляться не в сознательном, добровольном и бескорыстном выполнении долга, превращается в чуждую, враждебную человеку силу, господствующую над ним, подавляющую его автономию, лишающую специфической моральной мотивации деятельность и поведение субъекта. Внешнее принуждение и контроль за выполнением моральных требований почти полностью исключают самодетерминацию и самоконтроль. Моральная демагогия, моральное лицемерие, инфантилизм и конформизм являются признаками морального отчуждения. Предел морального отчуждения – забвение ценности конкретного человека, абсолютное доминирование общественного над личным, превращение морального субъекта из цели и ценности в средство социальных преобразований, социального развития.

Моральное отчуждение – это не только деструкция регулятивного своеобразия морали, но и деструкция ее гуманистического потенциала. Мораль, в отличие от нравственности, чревато отчуждением, отчуждение имманентно морали, ибо она, несмотря на свою субъектную центрированность, основана на неравноценности субъектов, на их иерархии, субординации, на приоритете общественного над личным, индивидуальным. Поскольку мораль направлена на стабилизацию и сохранение конкретного социума, она конкретно-исторически ограничена, подчиняется законам данного социума и всегда содержит противоречие потенциальной гуманности и актуальной социумной приоритетности. Ценность субъекта определяется степенью соблюдения данного приоритета и всегда может быть принесена ему в жертву. Для морали

ценность человека условна, самоценность – проблематична, ибо для морали важна прежде всего социальная ценность целей, мотивов, средств и результатов деятельности. Личность как страдающая экзистенция принимается моралью настолько, насколько она вписывается в принятую в данном обществе систему моральных требований и моральных ценностей. В противном случае действует моральный диктат, духовное подавление и принуждение. Мораль не исключает индивидуальности, разнообразия субъектов, но в пределах условий существования конкретного социума.

Моральное отчуждение представляет собой деструкцию субъектной субстанциональности, проявляющуюся в деуниверсализации (тотальности единичности и одиночества), дегуманизации (утилизации человека в целях социального развития), в неподлинности бытия и его дисгармонизации (нецелостности, неполноте, несовершенстве).

Преодоление гуманистической ограниченности и отчуждающей способности морали возможно в нравственности. Нравственность основана на принципиально иной парадигме мироотношения. Если для морали характерна приоритетно-социумная парадигма, то нравственность определяется приоритетно-универсумной парадигмой, значительно расширяющей мировоззренческое пространство субъекта, пространство его бытия.

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ КУЛЬТУРЫ КАК ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКЦИИ

Е.И. Янчук, г. Минск, Беларусь

В культуре в целом и в различных ее формах и проявлениях закрепляются системы ценностей, стандарты поведения, а также установки, регулирующие разного рода практики. В своей совокупности они образуют своеобразную матрицу, в пределах которой осуществляется конструирование базовых принципов общежития, вырабатываются идеалы и нормы, конвенции, ориентиры и инструменты социализации и самоидентификации. Одним из таких инструментов в современном обществе стала гендерная культура. Проявление данной проекции обусловлено действием со стороны различных факторов и, в первую очередь, таких, которые заостряют внимание на половом диморфизме человека.

Классическая философия рассматривала оппозицию «мужского» и «женского» чаще всего в асимметричном ее понимании, выводя «мужское» на роль доминанты и определяя «женское» как вторичное, зависимое и в целом второстепенное, а, следовательно, малозначимое для культуры. Как следствие, различные аспекты культуры, так или иначе связанные с полом, разрешались «по умолчанию» не в пользу феминности,

но в пользу маскулинности. В таких условиях гендерная культура не могла сформироваться как вполне самостоятельная. Существуя в латентной форме, она скорее угадывалась или подразумевалась, будучи имманентно присущей любой человеческой общности.

При рассмотрении проявлений женского в культуре интересна постановка вопроса о статусе гендерных составляющих в культуре в целом и механизмах их формирования. В рамках феминистских и гендерных исследований эта проблема возникает на стыке с культурологической проблематикой и органично проникает в сферу изучения культурогенеза. Fern L. Johnson, работающая в указанной исследовательской плоскости [1], говорит о двух различных мирах: мужском и женском, - которые существуют, по ее словам, в «драматической отделенности друг от друга». Автор отмечает, что мужчины и женщины живут бок о бок друг с другом, и разделенности в буквальном смысле слова между ними, конечно же, нет. Однако их все же разделяет понимание и отношение к различным проявлениям действительности. Причем они расходятся далеко не во второстепенных вопросах своего, в том числе совместного, бытия. Тем самым возникает потребность в изучении как мужской, так и женской составляющей в культуре, что можно рассматривать как основание для выделения мужской и женской культур как особого типа образований. Другими словами, видение культуры с точки зрения гендерной проекции означает признание существования **двух культур**, каждая из которых обладает своими особыми характеристиками в виде языка и разнообразных символических практик, в том числе коммуникативных, своим особым миром артефактов и своими особыми системами ценностей.

Обозначив существование в современном культурном пространстве двух культур: мужской и женской, – обратимся к проблеме культурогенеза в применении к выделенным типам культур. Современное понимание этого процесса предусматривает взаимодействие и взаимовлияние культур. Культурогенез осуществляется в режиме одновременности и однопространственности существования культур. В таких условиях уникальность каждой культурной формы и системы проявляется через множество связей и отношений с другими формами и системами, а обращенность культур друг к другу есть необходимая процедура их самоидентификации. Становление и развитие культур в таких условиях следует рассматривать как результат двух процессов. Как показал в своих исследованиях Гари Триандис (Harry C. Triandis) [2, p. 19], с одной стороны, это процесс ***диффузии***, а с другой – ***аккультурации***. В первом случае подразумевается, что элементы одной культуры проникают в другую и ассимилируются ею. Во втором же случае в процессе взаимодействия культур происходит формирование новых культурных образований (их Г. Триандис называет локальными культурами). Следует

отметить, что процесс аккультурации может сопровождаться культурным шоком, особенно в тех случаях, когда коммуницируют культуры с различными ориентациями. В случае взаимодействия мужской и женской культур представлены оба механизма, и в процессе многочисленных и разнообразных контактов между ними так же, как и при рассмотрении других культурных проекций, устанавливается кросс-культурный диалог.

В изучении кросс-культурных взаимодействий большой интерес представляет осмысление сложных культурных процессов через призму следующих аспектов: синхрония – диахрония, конвергенция – дивергенция, имика – итика.

Синхронически—диахронический аспект кросс-культурного исследования сфокусирован, прежде всего, на обращении к универсалиям культур, взятых как в горизонтальном, так и вертикальном срезах. При этом синхронический метод рассматривает различные культуры в режиме одновременности, сосуществующие в одном историческом пространстве, диахронический - культуры различных временных эпох. В поле зрения при таком подходе в первую очередь попадают базовые системы ценностей культур, выраженные в соответствующих языковых структурах.

Рассмотрение культур в динамическом аспекте характерно для конвергентно—дивергентного подхода, разработанного американским учёным Лоренсом Кинкейдом (Lawrence Kincaid) [3]. Автор утверждает: культуры представляет собой открытые, постоянно развивающиеся информационные системы, в рамках которых при их взаимодействиях возникают два противоположных по значению, но равных по силе явления – ***конвергенция*** и ***дивергенция***. Первое отражает степень совпадения ценностей и мировоззренческих установок различных культур, обусловливающее их сближение, второе – степень их различия, расхождения. Конвергирующие культуры характеризуются обилием коммуникативных связей, что является важным фактором признания данной культуры, ее понимания и принятия носителями других культурных паттернов. Женская культура часто признается как существующая исключительно в приватной сфере, в которую входят разнообразные практики, связанные с домашним хозяйством и семьей, с миром повседневности. Граница между мужской и женской культурами и их носителями в этом случае пролегает по линии «публичное – приватное», и проницаемость этой демаркации во многом определяется конвергентно-дивергентными процессами.

В основе методологии статического анализа культуры можно назвать два принципа, разработанных и предложенных французским лингвистом К. Л. Пике (K. L. Pike) [4]: ***имика*** (***emics***) и ***итика*** (***etics***). Суть первого состоит в выявлении уникальных, специфических для данной культуры элементов, того, что собственно отличает эту культуру от других. Второй

же принцип предназначен для нахождения неких общих, универсальных характеристик.

Тем самым, указанные подходы позволяют более полно, нелинейно подойти к рассмотрению гендерной проекции культуры, раскрыть глубинные, тонкие механизмы ее формирования и развития.

Литература:

1. Johnson, Fern L. Women's Culture and Communication: An Analytical Perspective / Fern L. Johnson. – Beyond Boundaries: Sex and Gender Diversity in Communication. – Ed. by Cynthia M. Lont and Sheryl A. Friedley. – George Mason University Press. Fairfax, Virginia. 1989.

2. Triandis, Harry C. Culture and Social Behavior / Harry C. Triandis. – McGraw-Hill, Inc. 1994.

3. Kincaid, Lawrence. The Convergence Theory of Communication, Self-Organization and Cultural Evolution / Lawrence Kincaid. – Communication Theory: Eastern and Western Perspectives. Ed. by L. Kincaid. (San Diego: Academic Press. 1987).

4. Pike, K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior / K.L. Pike. – The Hague: Mouton. 1967.